

Петр Рябко

**ОБЕЩАЛ МОРЯК
ВЕРНУТЬСЯ...**

УДК 821.161.1-3
ББК 84(Рос=Рус)-5
Р 64

Рябко П. Д.

Р 64 Обещал моряк вернуться... / П. Д. Рябко. – М.,
2011. – 196 с.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(Рос=Рус)-5

Идея написать эту книгу пришла вместе со зрелым возрастом – все меньше и меньше моих товарищей-однокашников остается в живых. Если они не погибли трагически в море, то морская жизнь, тяжелая работа не позволили им быть долгожителями. Когда-то в светлое советское время профсоюз добился для капитанов-промысловиков пенсии в 55-летнем возрасте, ибо в 50-е, 60-е, 70-е годы редко кто из них доживал до 60 лет. Мы грустно шутили: «Капитаны, как Маршалы, на пенсию не уходят».

Основная часть моей книги посвящается морю и морякам, погибшим и умершим. Пусть будет им морской грунт и береговая суша мягкой периной.

В «Исповеди капитана» я пишу о милых женщинах. Память сохранила их красоту и короткие мгновения, подарившие нам радость от жизни, от молодости, от близости. Невозможно быть моряку счастливым без женщины, без любимой женщины.

Капитан Рябко

ОБЕЩАЛ МОРЯК ВЕРНУТЬСЯ

Эту незатейливого и запоминающегося мотива песню я услышал в моем родном селе Пушкари, раскинувшемся на высоком берегу Десны-

красавицы. Был цветущий май. Немногие уцелевшие после войны деревья белой акации вечерами источали такой сладко-пряный аромат, что, проходя мимо них, каждый колхозник, переживший тяжелые времена, видевший кровь и смерть, становился мягче и добрее.

Запах цветущих акаций обволакивал, завораживал и отгонял нерадостные мысли, если таковые были (а они были, их хватало с избытком!). А мне, хлопцу-подростку, хотелось любить, хотелось встретить красивую и нежную.

В этот теплый вечер, опустившийся на село мягкими ветвями цветущих деревьев, звонкий девичий голос вдруг запел:

Обещал моряк вернуться,
Взять за верную жену.
Но, наверно, утонул он
У морскую глубину.

Я не запомнил всю песню, но эти слова остались в памяти на годы, на всю жизнь. Не знаю, какая пушкаревская девушка пела, не знаю, кто привез в далекое от моря украинское село песню о моряке, не вернувшемся к любимой, – я больше никогда не слышал ее. Но помнил этот грустный куплет.

Память сохранила многие картинки из далекого детства. И одна из них: ранним летним утром, еще не совсем проснувшись, выходишь во двор; мягкое солнышко омывает твоё лицо нежным теплом; высоко поднявшаяся огородная зелень в лучах солнца смотрится как сказочные, еще не познанные по книгам, джунгли; куры тихо кудахчут, склевывая высыпанное мамой зерно, – и я, маленький мальчик, неосознанно, всем

юным телом понимаю, какая это великая радость – жизнь, какая прекрасность окружает тебя. В эти недолгие минуты ты растворяешься в природе, как молоко в воде, и становишься одним целым с ней.

Великий русский писатель Иван Куприн тоже помнил такие мгновения и писал: «Как милы, как хороши люди в ясное утро... Они еще сродни детям, зверям, растениям».

...Шли годы. По иронии судьбы, я стал моряком, капитаном дальнего плавания, хотя, оканчивая школу, мечтал быть журналистом. Но нет худа без добра. Вряд ли в «журналистской одежде» я увидел бы десятки стран и сотни портов мира, а морская униформа с четырьмя капитанскими шевронами позволила сделать это. Капитанство привело меня однажды в далекий северный порт Лервик на Шетландских островах, и там я встретил мою большую любовь, мою богом посланную светоносную Гину.

Через три месяца Гина прилетела в Литву. 18 февраля мы поехали на моем «форде» в Клайпеду. В тридцати километрах от Вильнюса, в маленьком городке Вевис, у самой дороги стоит старинная русская церковь. Я много раз ездил этой дорогой и видел, что рядом с церковью «притулился» маленький аккуратный домик, без сомнения, домик священника. Мороз был градусов под двадцать. Я остановил машину у обочины. «Что-то «дворники» замерзли, – пояснил Гине, – посиди немножко, я схожу в домик, попрошу теплой воды».

Дверь открыла женщина. За столом сидел молодой поп с большой окладистой бородой. «Батюшка, можете ли Вы обвенчать меня с иностранкой?» – спросил я и на всякий случай на стол положил стодолларовую купюру. «Если она католичка – да, если протестантка – нет». «Католичка, католичка», – быстро подтвердил я (хотя какая разница, мы оба неверующие). Батюшка надел теплый полушубок, и мы пошли к машине. «Гина, сейчас этот священник обвенчает нас», – сказал я ей по-английски. У Гины глаза округлились, но она знала: все, что я делаю, – это для нашего общего блага; и с широкой улыбкой шагнула в снег. По дороге к церкви я объяснил ей, что это чудесный шанс, и Гина рассмеялась: «Прямо по Пушкину».

Внутри было очень холодно, поэтому священник сказал: «Пойдемте в ризницу, будет теплее». В небольшую комнату со всеми церковными атрибутами поп принес две охапки дров, растопил грубку, и сразу стало уютнее и веселее. Узнав, что я моряк, он признался, что служил действительную на кораблях в Севастополе, а потом поступил в семинарию. «Мы почти коллеги», – пошутил я.

Священник снял полушубок, надел рясу. Он говорил слова ритуала, выполняя, видимо, рутинную работу. На какие-то вопросы нужно было отвечать «да», я переводил их Гине. И она с милым акцентом повторяла за мной: «Да». На короткое время на наши головы были возложены золоченые короны. Батюшка (с ритуальным речетативом) ходил вокруг нас, а потом своим басовитым голосом сказал мне: «Повторяйте за мной: я, раб божий Петр, буду всегда любить мою жену Гину и буду заботиться о ней до конца дней ее». Такое же обещание дала и Гина, правда, с моей подсказкой. «Во имя отца и сына и святого духа нарекаю вас мужем и женой. Поцелуйте друг друга». Что мы с удовольствием и исполнили.

Священник пригласил нас к себе в дом, где его экономка уже приготовила праздничный обед. На столе стояла бутылка кагора – сладкого вина, которое в России (у православных) считается церковным напитком. Был очень вкусный суп, а на второе – охотничьи сосиски, облитые спиртом и подожженные на минуту-другую. «Вы прямо как Ромео и Джульетта обвенчались секретно. Но, скорее, это из-за такого сильного мороза напоминает историю из “Капитанской дочки”», – сказал священник. «Да, да, – ответила Гина, – мой “похититель” (и она прислонилась к моему плечу) очень похож на главного героя».

Мы с Гиной сидели в теплой гостеприимной русской хате, с добрыми русскими людьми, которые искренне радовались нашему счастью, нашей любви, нашему венчанию. И нам было так хорошо с ними, будто с близкими-близкими родственниками. Такое чувство я испытывал только с русскими людьми. После обеда священник вручил нам свадебные сертификаты. (В Литве – официальный документ. Но позже, в августе, мы еще раз зарегистрировали наш брак в Лондоне. Гина доба-

вила к своей фамилии – Калла через дефис «Рябко».) Ей очень нравится русское слово «замужем», и она часто, когда я стою, прижимается к моей спине и говорит по-русски: «Я за мужем». И живем мы долгие годы в счастье, и медовое время наше продолжается без какой-нибудь горчинки вот уже двадцать лет. Люди, будьте все счастливы, как мы с Гиной!

Так что, став моряком, я стал счастливым человеком. И хоть счастье свое – мою Гину – я нашел уже в зрелые годы, но это делает его прочным (и вечным), ибо наш жизненный опыт не позволяет допустить ни малейшей ошибки.

Что касается числа увиденных стран, то журналистка Гина (моя жена) обогнала КДП (капитана дальнего плавания) Петра (ее мужа). У нее в активе – 64 страны, а у меня – только 61.

Благодаря Гине продолжается мое капитанство. Пусть я сейчас не на крупнотоннажном судне, а только на 9-метровой яхте, но этого достаточно, чтобы чувствовать себя плавающим капитаном.

И хоть мы находимся в «Западном Средиземноморье» – так я называю закрытое со всех сторон Карибское море, – и последние три года наше плавание ограничивается прибрежными водами Венесуэлы, все равно, это – навигация (*navigatio* (лат.) – *мореплавание*). Несколько моих однокашников по мореходке сказали: «Петя, мы завидуем тебе светлой завистью: ты – последний из могикиан, ты – единственный из всего выпуска (100 человек), который продолжает плавать. Дай тебе бог здоровья!». Вам тоже, ребята.

Если быть немного суеверным, то можно сказать, что эта песенка о моряке, обещавшем вернуться, как-то ненароком, исподволь сделала мою судьбу морской. Это была первая песня о море, услышанная мною. Радио в Пушкинях в то время не было (был «каменный» послевоенный век), местные певуны пели в основном звонкие украинские песни. Хлопцы-подростки не знали даже «Раскинулось море широко...». Появился однажды в селе морячок в бескозырке с надписью «Килийская мореходная школа», приехавший к далеким родственникам, и произвел фурор среди моих одноклассников (7 класс): все вдруг захотели быть моряками и стали писать письма в эту далекую Килийскую

школу. Только я и еще пара ребят были спокойны. В нашу хату вечерами приходили к маме соседки, судачили, и в том числе о морячке. Я услышал как-то краем уха: «Кто в море не бывал, тот и горя не видал». Гораздо позже я понял, что эта поговорка вошла в словарный запас русского языка со времен парусного флота. В морском праве есть такое, важное для моряков понятие – действие неодолимой силы, когда корабль и экипаж близки к гибели из-за капризов природы. Но морские катастрофы происходят чаще всего из-за человеческого фактора, то есть по вине человека. Не имею официальной статистики, но, по моему мнению, мнению седого капитана, на этот фактор приходится 95–97 % всех морских трагедий, именно трагедий, потому что каждое третье кораблекрушение бывает с человеческими жертвами. Особенно участились катастрофы в последнее десятилетие – до 600 в год. Причина – погоня судовладельца за любой толикой прибыли, сокращение экипажей и слабая профессиональная подготовка офицеров. Раньше, в мое капитанское время (когда снег был белее, моря – мористее, а люди – добрее), на ходовом мостике крупнотоннажного судна вахту несли штурман и два матроса, один из которых следил за курсом, удерживаемым авторулевым, а второй был вперёдсмотрящим – даже при наличии двух РЛС (радиолокаторов). Сейчас на мостике только один штурман, будь это среднетоннажное судно или гигантский балкер (судно для перевозки сыпучих грузов) на 200 тысяч тонн дедвейт. А штурман – человек со всеми физиологическими потребностями, ему хочется ночью, когда капитан и экипаж спят, сварить и выпить кофе, потом сходить в галюн (туалет) по малой нужде. В это время судно становится незрячим и идет вроде как по воле волн, правда, с авторулевым, который в любую минуту может отказать. Никто не контролирует курс, не следит за окружающей обстановкой. Приближающееся и идущее наперерез второе судно имеет на мостике аналогичную картину, и через несколько минут на 20-узловой скорости врежется в борт первого. Свежий пример, взятый из Морского бюллетеня Михаила Войтенко (www.odin.fm). 29 июля 2011 года недалеко от Сингапура крупный китайский балкер «Xin Tai Hai» – 180 тысяч тонн дедвейт – на полном ходу столкнулся с балкером

«В. Oceania» (70 тысяч тонн, флаг Мальты) и расколол его пополам. Последний в течение нескольких минут утонул. Русско-украинский экипаж еле успел спустить спасательную шлюпку, у моряков не было времени даже захватить из кают личные вещи и деньги. Это и есть классический пример человеческого фактора. Гибель «Титаника» тоже на совести такого «фактора».

Вот еще свежий «лист» аварийных происшествий за последнюю неделю августа 2011 года («Морской Бюллетень Совфрахт»):

- Аварийный китайский сухогруз брошен экипажем, Петропавловск-Камчатский;
- Мешанина на Дунае – ряд столкновений, в результате которых 201 человек с круизного лайнера были эвакуированы;
- Волго-Балт 106 сел на мель и получил пробойны;
- Японский балкер сел на мель, Орегон;
- Танкер-химвоз на мели, Тайвань;
- Посадка на мель турецкого сухогруза, Дон;
- Взрыв на танкере Mar Cristina компании Совкомфлот в Норвегии;
- Танкер лишился хода, Японское море;
- Аварийный лесовоз ожидает подхода спасателя, Японское море;
- Столкновение в Мраморном море украинского сухогруза и иранского контейнеровоза;
- Опять наш пьяный капитан устроил погром в Кильском канале;
- Турецкий сухогруз Sun S сел на мель в Дарданеллах;
- Страшное преступление на борту рыболовного судна, 22 члена экипажа убиты;
- Смерть капитана, Ейск;
- Волгодон-107 сел на мель, Волга;
- Разлив с поврежденного бункеровщика в Усть-Луге;
- Посадка на мель для избежания опрокидывания, Камчатка;
- Посадка на мель, Шексна;
- Навал в порту Азов;
- Балкер выскочил на рифы, Маврикий;
- Пираты отпустили танкер Polar;
- Пираты отпустили балкер Eagle;
- Пираты дерзко захватили танкер Fairchem Bogey;
- Пираты отпустили иранский балкер Sinin.

Сила жестокого урагана, захватившего суда и поставившего их в чрезвычайно опасную ситуацию, может иногда квалифицироваться, как действие неодолимой силы, но может рассматриваться и как человеческий фактор. Вот пример из моей морской практики.

РТМС «Калвария» стоял на двух якорях в узкой острооскалистой бухте Дайлес-Во (Шетландские острова). Мы готовились к швартовке к плавбазе «Дарюс», которая была у причала в этой же бухте. Утром радист принял английский прогноз на ближайшие 48 часов – SW 5 баллов. Я отпустил часть экипажа в город. А под вечер разразился ураган до 40 м/с. (По шкале Бофорта, которой пользуются моряки всего мира, 12 баллов – ураган – это 32 м/с.) Невзирая на все предпринятые меры, мы потеряли оба якоря, получили небольшую пробоину в носовом танке от касания грунта (в этот момент старпом уже хотел вызывать вертолет), чудом избежали гибели. Наш случай, – а это авария – капитан Клайпедского порта Николай Северинчик, мой однокашник по КТИ, прекрасной души человек, квалифицировал, как действие неодолимой силы, ибо официальный прогноз оказался далеко не точным.

Второй случай. На теплоходе «Умань», где я был курсантом-практикантом, мы попали в тропический циклон в Тихом океане. И не просто в циклон, а в «глаз бури» – центр циклона, в самую опасную зону урагана. Все судоводители изучали в мореходных училищах правила расхождения с тропическим циклоном. Если вести непрерывное наблюдение за направлением ветра, то нетрудно уйти с дороги «глаза бури». Что произошло на «Умани»? Капитан – одесский еврей – был любителем преферанса. По вечерам в его каюту приходили «дед» (старший механик), доктор и радист, они засиживались за игрой далеко за полночь. В 10 часов вечера радист поднялся, собираясь идти принять прогноз погоды, но капитан, которому выпала хорошая карта, положил руку ему на плечо: «Сиди, обойдется». Но не обошлось. Был пропущен важный метеопрогноз о быстром продвижении обширной депрессии – тропического циклона. Через сутки судно врезалось в «глаз бури» И начался кошмар. Правда, трагичного не случилось, только от нашей покраски, которую мы сделали в Сингапуре, осталось всего ничего: судно было ржавым, как гре-

ческий пароход. Но могла произойти беда. И здесь был бы человеческий фактор – фактор капитана – любителя преферанса.

С первых рейсов, еще курсантом-практикантом, я не видел ничего страшного в море. Разве что морская болезнь в начальный период. Даже в ураган, упомянутый выше, была спокойная уверенность – с нашим надежным кораблем ничего не случится. Мы сидели внутри за стальными переборками, двигатели ритмично выбивали свой «музыкальный» такт, гребной винт вращался на малых оборотах – судно держалось носом на волну; штурман, механик, матросы несли вахту; кок с трудом но готовил пищу; а за наружной обшивкой теплохода свистело, шумело, плясало разъяренное море, забравшее в себя все, включая небо, ибо уже не было неба, была сплошная, несущаяся со скоростью сто миль в час соленая вода. На гребне волны корпус судна испытывал чудовищную нагрузку на разлом (такие случаи известны: переломившийся супертанкер около Южной Африки), части набора – шпангоуты, бимсы, стрингеры, пиллерсы иногда издавали неприятный скрежещущий звук: кто-то из сварщиков судовой верфи не доварил до конца соединение. Весь экипаж находился внутри, металлические двери, иллюминаторы были плотно задраены. Мы были как подводная лодка – вода со всех сторон: снизу, сверху, с боков. Даже короткий аврал для крепления отсоединившегося стопора правой шлюпки, когда несущаяся со свистом вода обожгла до красноты наши тела (в шортах) не вызвал большой тревоги. Вскоре мы снова сидели в относительном комфорте*.

А вот какой «комфорт» испытывали матросы парусника «Pilgrim» («Пилигрим»), на котором находился Richard Dana (Ричард Дана), написавший впоследствии книгу «Two years before the mast» («Два года перед мачтой» – дословный перевод, но я бы перевел это название как «Два года в матросском кубрике», так как впереди фок-мачты под палубой было помещение для матросов, напоминающее скорее кладовку с подвешенными спальными гамаками). В 1834 году молодой студент Гарвардского университета Ричард Дана ступил на палубу парусника в ка-

* Подробное описание этого урагана смотри в моей книге «Капитан, родившийся в рубашке».

честве простого матроса. Из-за интенсивного чтения у него развилась болезнь глаз, и врачи посоветовали уйти в море.

«Пилигрим» вышел из Бостона и, обогнув мыс Горн, дошел до Орегона на тихоокеанском побережье США. (Мне тоже довелось обогнуть мыс Горн и дойти до Орегона, только не на паруснике, а на крупнотоннажном траулере «Пасвалис».)

По пути капитан брал грузы для разных портов. После двухгодичного «тура» на «Пилигриме» Ричард Дана написал книгу о тяжелой жизни АВ (able bodied – то есть тело (персона), умеющее что-то делать; так именуют простых матросов на английских и североамериканских судах). Книга написана прекрасным языком. Я перечитывал снова и снова многие эпизоды, смакуя хороший слог матроса-писателя.

Не рискнув сделать полный перевод «штормовых» страниц книги, я излагаю их в сокращенном «вольном» пересказе.

...«Пилигрим» утром снялся с якоря у побережья Мексики, где в трюм уложили небольшой груз кож, и с хорошим бризом под всеми парусами пошел на NW (норд-вест – северо-запад). Под вечер короткие шквалы как бы подсказывали морякам, что может быть сильный ветер. Были взяты рифы фор-бом-брамселя. Остальные брамсели работали хорошо. Ветер усиливался. При каждом зарывании форштевня в волну вода заливала палубу. После авральной работы по подготовке судна к шторму мы спустились вниз, надеясь отдохнуть до следующей вахты. По звукам с палубы догадались, что делают сейчас наши товарищи. Вот один за другим были убраны брамсели, затем кливер. Мы прислушивались к топоту ног, и вдруг тройной резкий «банг-банг-банг» – разорвался парус, и следом – крик боцмана в наш люк: «Всем наверх, зарифить фор-марсель верхний», поднял нас с теплой постели. Погода была не такой холодной, как у мыса Горн, и мы выскочили на палубу, не натягивая бушлатов. Не было горизонта, не было туч, была сплошная мгла несомой ветром воды. Один за другим мы брали рифы на марселях, а когда закончили эту адскую работу, раздался грохот, как из пушки, – кливер разлетелся на мелкие кусочки. Не успели убрать его обрывки, как огромный фок разорвался сверху донизу. «Быстро на рею, – кричал капитан, – закрутить парус, пока он не порвался в кло-

чья». В момент все были на рее, закручивая парусину и обвязывая ее линем. Не просто удержаться на рее в бешеную качку, не один матрос срывался с нее в бушующее море, его никто даже не пытался спасти в такую погоду.

Только спустились на палубу, как снова звук рвущейся парусины – взятый на два рифа нижний фор-марсель распался на части от шкота до шкота как раз ниже рифов. Снова рею вниз, ловим рифовые сезни и, лежа, вцепившись в рею как обезьяны, завязываем их. Закончив, мы ожидали команды вернуться в кубрик, но порвался один шкот грота, и парус стал плясать, сотрясая всю мачту. Здесь была работа для кого-то крепкого. Парус необходимо спустить – или мачта переломится. Все матросы вахты правого борта были направлены поочередно туда, но ни один из них не смог что-либо сделать. Только высокий француз Джон, старший нашей вахты, сумел забраться на рею, которая тряслась от полощущегося паруса, и, рискуя быть сброшенным в море, спустил ее после долгой изнурительной борьбы.

Ветер дул уже с ураганной силой. Темень, холод и мокрая одежда были наиболее тяжелой составляющей шторма. Мы пытались узнать время, как пробило четыре склянки, – значит, нам заступать на вахту. Сменившаяся вахта только спустилась вниз, как разлетелся на ленты стень-стаксель. Это был небольшой парус, и наша вахта справилась сама. Мы лежали на бушприте, захлестываемое время от времени водой, и стаскивали вниз обрывки паруса, отсоединяли скобы, затем притащили новый стаксель, завели скобы на штаге, закрепили фал и шкоты. Наши пальцы онемели от холода. И все это в темноте. Ни единой звезды не было видно на небе...

Дальше Ричард Дана еще на трех страницах описывает изнуряющую работу с парусами в шторм. Это – одна из талантливо написанных книг о море.

...Шторм длился три дня и три ночи. Судно с небольшим грузом в трюме бросало на волнах так, что порой фор-рея чуть не касалась воды. Четыре часа вахты, четыре часа отдыха, который часто прерывался голосом боцмана: «Всем наверх, порвался штуртрос». Это могло закончиться фатально для нас, если бы старпом не бросился к аварийному румпелю

и не повернул судно, не дав ему лечь лагом к волне.

Наутро третьего дня ветер чуть ослаб, и всех опять аврально вызвали наверх ставить паруса. Непросто затащить новую тяжелую парусину на мачты при сильном, почти штормовом норд-весте. На восьмые сутки ветер, наконец, позволил нам держать курс на норд. За это время нас снесло к югу на 200 миль, и только на двадцатые сутки мы подошли к бухте Сан-Франциско...

Трудно представить не моряку, да и современному моряку тоже, смертельно опасную работу с парусами в шторм. Это не стальной теплоход «Умань», в каютах которого мы штормовали-ураганили в относительном комфорте. И в безопасности. А где-то, не так далеко от нас, гибли люди, гибли рыбаки. Годы спустя, работая над рукописью своей первой книги, я сидел в библиотеке города Бильбао (Страна Басков) и листал подшивки старых испанских газет за 1956 год, где нашел сообщение об этом «нашем» тропическом циклоне, в центре которого мы оказались по вине капитана. В газетном сообщении говорилось, что у побережья Китая и Японии погибло более 300 рыболовных судов разного типа. Не удалось выяснить, сколько утонуло рыбаков. Безусловно, много. Большинство из них обещали своим женам и подругам вернуться, даже если это обещание не произносилось как клятва. Просто, уходя в море, каждый моряк знает, что он вернется. Иначе бы море было без моряков, иначе бы никто не выходил замуж за морских скитальцев. (Японские камикадзе, вылетая навстречу смерти во имя императора, были холостяками.) Согласно информации Lloyd Register из Лондона, в прошлом году на торговых судах мира погибли 1163 моряка (без учета «рыбаков» и мелких «каботажников»). А их гибнет ежегодно в несколько раз больше, чем «торгашей». Сотни, если не тысячи, африканских мигрантов становятся жертвами бесчеловечных дельцов, которые, пообещав доставить африканцев в Европу (не бесплатно, конечно), по пути часто бросают старые суденышки с людьми в море на произвол судьбы. Никакие Ллойды не хотят учитывать эти жертвы.

• • •

Первым моряком, о смерти которого я узнал на втором курсе Клайпедской мореходки, был курсант Кондратенко. Он был кур-

сом старше и проходил практику на СРТ (средний рыболовный траулер) в Северной Атлантике. Бочки с сельдью майнали в трюм грузовым шкентелем с храпцами (цепь с двумя крючками для захвата бочки). Ходовой конец шкентеля накладывался на шпиль, и матрос подбирал или потравливал его по команде «вира-майна». По окончании работ некоторые матросы, находившиеся в трюме, не хотели вылезать по вертикальному трапу через узкий лаз и просили иногда боцмана поднять их на грузовом шкентеле (что было строго запрещено, но делалось). Кондратенко – симпатичный земляк мой – поставил ногу на храпцы, руками держась за шкентель. «Вира!» – и шкентель пошел вверх. И надо же было такому случиться: матрос на шпиле проморгал момент выбрать слабину, ходовой конец шкентеля накрутило на турáчку шпиля и потащило Кондратенко до самого штаг-карнака – стального толстого троса, соединяющего топы двух мачт, на которых крепятся блоки грузовых шкентелей. Курсант пытался схватиться за штаг-карнак, но промахнулся и упал в трюм с 12-метровой высоты. Не знаю, привезли его тело в Клайпеду или похоронили по морскому обычаю, в море. В то время на судах не было трюмов с холодильниками.

• • •

Звучное название «штаг-карнак» – часть судового такелажа, используемого на траулерах, – запомнилось мне хорошо. В одном из рейсов в Северном море я был капитаном СРТ-6Ю «Юконда». Так получилось, что однажды грузовой шкентель вылетел из блока на штаг-карнаке, а чтобы завести его снова, кому-то нужно было залезть туда, передвигаясь метров десять от мачты к блоку. Море было спокойным, не более двух баллов. Я дал распоряжение старпому и спустился в каюту. Минут через десять стук в дверь: «Петр Демьянович, никого не могу заставить залезть на штаг-карнак, все боятся». (Да-а-а, это не парусный век!) Поднялся на мостик. Экипаж – 25 человек, не старый, средний возраст – 30 лет. Но силой никого не загонишь наверх. Поговорил с двумя-тремя самыми опытными матросами – нет. Боятся. «Боцман, принеси сизаль потолще для стропа-огона», – приказал я. Обрезал нужную длину, завязал прямым узлом сизаль вокруг

штаг-карнака – получился строп. Я сел в него (к поясу был привязан легкий длинный линь) и, перебирая руками, стал медленно двигаться к злополучному блоку. Не было никакого страха, только мысль: я обязан это сделать, я – капитан. Завел лить через блок и опустил его на палубу, где матросы и подхватили его. А дальше – дело не сложное: привязать к линю грузовой шкентель и протянуть через блок.

Спустился вниз. Все радостно улыбались. Старпом высказался: «Ну, Демьяныч, молодец, утер нос всем». «Так я ведь самый молодой на судне, мне в феврале стукнуло только двадцать пять», – скромно ответил я.

Сейчас, когда описываю это происшествие, находясь на борту нашей яхты «Педрома» в Карибском море, мне уже далеко не двадцать пять, а через три года будет в три раза больше. Но признаюсь: на топ десятиметровой мачты еще залезаю, когда нужда заставляет. Хорошо, что эта нужда приходит не так часто. Не отправлю же я на верхотуру мою милую Гину, потому что она моложе меня. Мужчина всегда должен оставаться кабальеро (caballero). Но на некоторых яхтах – мы видели! – это благородное правило не соблюдают, кое-кто из мужчин посылает вверх своих молодых спутниц.

В январе 1958 года на лекции по морской практике преподаватель сказал нам, что на Балтике утонул клайпедский МРТ (малый рыболовный траулер). Из всей команды – 11 человек – чудом спасся только механик Кропельницкий. (Позже я с ним встречался и даже жил в одном доме.) Когда судно перевернулось, он был в машинном отделении, и воздушная подушка позволила ему дышать. Потом он поднырнул и перебрался на киль, откуда его и сняли спасатели. Ходила молва, что судно опрокинула всплывающая подводная лодка. Семь лет назад современная подлодка «хваленых» NAVY США, всплывая около Гавайских островов, не проверила поверхность моря и утопила большой японский траулер-поисковик. Почти вся команда, без малого 50 человек, погибла. Командира подводной лодки даже не судили, несмотря на требования японских вдов. Что сделаешь: США и

Израиль вольны совершать любые преступления безнаказанно.

Колещук Владимир Яковлевич – клайпедский писатель, капитан дальнего плавания, большой души человек и романтик моря – сказал мне, что МРТ опрокинулся на спутной (попутной) волне. Это происходит, когда на гребне волны корпус судна оголяется настолько, что теряется остойчивость из-за уменьшения поддерживающей силы воды, и судно переворачивается (говоря понятным для не моряков языком, без ц. т. (центр тяжести) и ц. в. (центр величины)). Позже на топе мачты МРТ были обнаружены следы ракушек, значит, траулер упирался мачтой в грунт. На такую глубину ни одна подводная лодка не заходит. А Кропельницкий – мужественный моряк, продолжал плавать после этого долгие годы.

Почти такая история, только ставшая известной всему миру, произошла с английским яхтсменом-гонщиком Tony Bullimore. Он находился на борту большой 20-метровой гоночной яхты «Exide Challandger» на грозных 50-тых широтах к югу от Австралии. Vendee Globe – гонка одиночек вокруг света без остановок. Для подобных мероприятий на деньги богатых спонсоров строятся большие гоночные яхты с 4–5-метровым килем. Нам с Гиной довелось побывать на борту такой яхты в бразильском порту Сальвадор. Североамериканец Бред ван Лью – победитель гонки «Around aloun» («Вокруг света в одиночку», но эта гонка – с заходами в порты) – пригласил нас к себе на борт. В небольшой надстройке (dog-house) не было даже простой койки для отдыха, только маленький диванчик. Яхтсмен не должен спать, он может чуточку отдохнуть и продолжать гонку за деньгами. Деньги – это главный стимул всех яхтенных гонок. Ничто сейчас не делается в спорте ради спорта, все делается ради золота, которое не подвешивается к ленточке на шею, а засыпается в глубокие карманы. Это вам не древняя Спарта. Миром завладел (до поры, до времени) иудейский Золотой телец.

Конструкторы гоночных яхт устанавливают ножеобразный длинный киль со свинцовой многотонной бульбой внизу. В зависимости от крена, гидравлика автоматически меняет положение килея от борта к борту, тем самым изменяет центр тяжести и не позволяет яхте опрокинуться. Поэтому яхтсмены-

гонщики смело держат полную парусность даже в сильный ветер – вперед, вперед, впереди деньги, и очень большие, если придешь призером. Мне, морскому капитану и чуточку яхтсмену, порой хочется спросить: зачем нужны эти гонки? Ведь никакой практической пользы все эти «рекорды», все эти многомиллионные яхты людям не дают, эти гладиаторские игры тешат только мультимиллионеров, вложивших нажитые нечестным путем деньги в гоночные яхты. Яхтсменов-гонщиков из-за высокой степени риска можно назвать гладиаторами.

Tony Bullimore убрал все паруса, попутный ветер уже пошвыстывал до 10 баллов, и достаточно было голых мачт, чтобы мчаться с приличной скоростью. В три часа ночи раздался странный звук, будто щелкнул коленный сустав, и тут же мир мгновенно перевернулся, и Тону – вместе с ним, оказавшись ногами на подволоке надстройки, а палуба «переехала» вверх. Какое-то время жила надежда, что яхта вернется в нормальное положение, как это часто случается при опрокидывании. Нет, этого не произошло. Отвалился киль. Tony утверждает: «If the sails are the lungs of a yacht, the keel is the heart» (Если паруса – это легкие яхты, то киль – сердце ее). Плененный яхтсмен провел внутри перевернутой яхты трое суток. Он нашел в темноте термокостюм, что и помогло ему выжить в холодной воде. Произошло болезненное: закрывая люк, он случайно отрубил палец руки. Береговые службы получили «SOS» с двух радиобуев Тону (сигналу только с одного буя не доверяют) и направили на поиск военный корабль Австралии.

Другой гонщик-гладиатор француз Dubois сидел на корпусе тоже опрокинутой яхты в десяти милях от Тону. Его сняли вертолетом с фрегата. Третья жертва этой же гонки – Rafael Dinelly успел перебраться на сброшенный ему с самолета спасательный плот за десять минут до того, как его яхта утонула. Их всех спасли, но случай с Tony Bullimore является необычным. Выстоять, не поддаться панике. Найти силы вынырнуть из-под яхты, услышав удары молотка спасателей по корпусу, – это пример человеческой выносливости. Такой же пример необычайной воли и жизнестойкости показал и наш русский богатырь Федор Конюхов, трое суток просидевший на оголенном

борту полуопрокинувшейся яхты, которая зачерпнула парусом воду при бросинге. Это случилось в тех же холодных широтах. Пожалуй, единственного из известных гонщиков Федора нельзя назвать гладиатором, все свои подвиги он совершает по зову беспокойной души, а не по зову денег.*

Все четыре случая с яхтсменами-гонщиками произошли хоть и в суровых южных широтах, но в летнее время. Только Клайпедский МРТ был опрокинут холодной зимней волной Балтики.

• • •

Мы возвращались домой после рейса в Западной Сахаре. Был декабрь. Северное море, которое я пересекал десятки раз и где сделал несколько промысловых рейсов с тралом и сетями, «исколесив» его вдоль и поперек, встретило нас необычно низкой температурой и свежим нордом. Пришлось сбавлять обороты, а от Па-де-Кале до пролива Скагеррак – долгий путь в 450 миль. Чем севернее мы поднимались, тем холоднее становилось. На траверзе Западно-Фризских островов началось обледенение. И хоть скорость наша была не более 4 узлов, встречная волна забрасывала на бак воду, которая сначала превращалась в жидкое месиво, а затем в «каменный» лед, быстро нараставший на планширях, шпилях, палубе. Каждые два часа матросы сбивали его ломami и топорами. (Я смотрел на этот лед и представлял, как замерзает Северное море... Крутые волны сгладились, медленно превращаясь в штилевое зеркало, которое вдруг заискрилось, отражая слабые просветы между хмурых туч, и наше судно застыло как ледяной монумент. Но теплые струи Гольфстрима проникают сюда, и никогда это море не замерзает, как пролив Каттегат, как Балтика. Случались зимы, когда можно было пешком идти из Мемеля (Клайпеды) в Швецию.) Мы продолжали медленно двигаться к дому, не боясь, что обледенение перевернет наше большое судно. Но память возвращалась к четырем СРТ, утонувшим в Беринговом море.

В полдень следующего дня радист подал аварийную радиogramму. Утонул небольшой польский контейнеровоз. Операцией

* О наших встречах с Федором Конюховым написано в моей книге «Sin Patria».

по поиску пропавших моряков руководил голландский Центр спасения. Мы связались с ним, дали наши координаты и получили указание-инструкцию, где заниматься поиском шлюпки с поляками. Были выставлены впередсмотрящие, весь экипаж жил надеждой, что моряков спасут. Я посмотрел на термометр, установленный на правом крыле мостика: минус десять. Но ни на мгновение не появилось сомнение; наш долг, долг человеческий, искать, помочь. И мы, меняя курсы, согласно традиционной схеме поиска людей в море, всматривались до рези в глазах в серые волны. Вечером в 18:00 Центр спасения сообщил, что голландское судно обнаружило шлюпку контейнеровоза (он имел одну шлюпку, спускаемую с кормы) и в ней – четырех замерзших моряков. Остальные тринадцать считаются без вести пропавшими. С тяжелым чувством мы прекратили поиск и повернули домой.

Самая большая трагедия с нашими – советскими – рыбаками случилась 19 января 1965 года в Беринговом море: четыре СРТ – «Бокситогорск», «Севск», «Себеж» и «Нахичевань» погибли от обледенения. Тогда же погибли и шесть японских траулеров.

Работяги-траулеры не всегда могут укрыться в убежище даже при получении плохого прогноза. В январе 1955 года чуть севернее Исландии два английских больших паровых траулера опрокинулись из-за обледенения. Та же участь постигла в феврале 1959 года в районе Ньюфаундленда исландский и канадский траулеры.

Я помню, как в Клайпеду возвращались из промысла СРТ с тоннами льда на палубе и такелаже. Мне, молодому моряку, эта картина казалась необычайно красивой – мол, мужественные рыбаки преодолели невзгоды холодного моря и пришли домой в таком живописном наряде. Невдомек было, что это опасно для жизни, что эти многотонные наросты льда – не бравада капитана (дескать, смотрите мы какие!), а, скорее, его неопытность. Рыбаки спешили домой, к женам, к детям, а на Балтике стоял мороз под 15 градусов и встречный ветерок. Не было времени остановиться, оббить лед. Домой, домой! Обойдется. И обходилось, ни один СРТ не утонул, возвращаясь из

рейса. Потому что трюм был загружен под завязку бочками с сельдью, остойчивость была достаточной. Глядя назад через годы, думаю, что следовало бы снимать с должности капитанов, допустивших такое обледенение. Только после гибели траулеров в Беринговом море служба мореплавания стала контролировать таких «любителей» льда на палубе и вантах.

Трагедия с четырьмя СРТ произошла в юго-восточной части Берингова моря, в ста милях от острова Св. Матвея ранним утром (между 6 и 8 часами) при ветре ураганной силы и температуре воздуха минус 21 по Цельсию. В этом районе работали около двухсот советских судов и много японцев.

Привожу описание этой трагедии на основе статей из советских газет: «Комсомольская правда», «Известия» и «Калининградская правда».

...Эта зима была здесь, на Дальнем Востоке, на редкость суровой. В первой декаде января над Владивостоком пронесся ураган. Он валил с ног людей, срывал крыши домов, выбивал стекла в окнах, крушил заборы. Но город есть город – он жил. Потом ураган ушел дальше. За этим циклоном следили пристально. Он шел на северо-восток, краем зацепил Японию, затем задел Сахалин. По пунктирам Алеутских островов двинулся дальше. Потом произошло исключительное: нарушив логику движения, предугадываемую людьми, циклон резко, почти на 90 градусов, повернул на север и пошел по 170-му меридиану. Он двигался прямо к экспедиции (району промысла). Обычно циклон толкает перед собой теплые массы воздуха, как бы заранее оповещая о своем приходе. Этот же двигался безмолвно – у него не было теплого фронта. Всего сутки оставалось ему идти от Алеутских островов до флотилии. Синоптическая группа, находящаяся на плавбазе «Чукотка», 18 января в 19 часов предупредила все суда об урагане и о резком понижении температуры. Ночью 19 января начался сильный шторм, перешедший в ураган.

Что такое шторм в этих широтах? Нестерпимо колючие снежные заряды, волны, которые перекачиваются через палубу и оставляют после себя ледяную корку, нарастающую тем быстрее, чем круче мороз: за час – 4–5 тонн льда.

Вертолет спасает экипаж с обледеневшего рефрижератора «Смольнинский»

Гибель БМРТ «Луноход-1» у маяка Брессей (Шетландские острова)

Гибель РТМС «Бородинское поле»

Яхта «Advayda»
Гина, Елена и Станислав
у нас на борту

Катамаран «Кауро»
в порту Прайя

Гордон и Ашли

«Собачья» яхта и Хельмут

А что такое ураган? Это когда совсем нет неба, а только вода, снег, лед, перемешанные ветром дикой силы. Это когда лед нарастает со скоростью 10–15 тонн в час. Необузданная стихия! Можно ли представить себе что-либо страшнее. Волны, поднятые ветром, моментально превращаются в лед, и люди не успевают, просто физически не успевают сбрасывать его за борт. Можно уйти в лед, найти узкие каналы трещин и спрятаться в них – меньше качает. Но ледяные поля, сломанные волной, дробятся, могут пробить корпус. Идти некуда, и остается одно – бороться. Как долго? Этого не знал никто. Ураган бушевал с прежней неиссякаемой силой. Ветер чуть было поутих и вдруг снова задул, вновь волны ощерились белыми клыками, вновь снег поглотил последние метры видимости.

Жизнь на траулерах шла обычным морским порядком. В положенное время радист «Бокситогорска» вышел на связь и доложил, что все нормально. Конечно, это «нормально» было относительно. Требовалось удерживать судно против волны. Безупречной должна быть работа машины, как никогда – твердым глаз и рука рулевого. Все это было на «Бокситогорске». И еще была вера в своего капитана – Павла Дмитриевича Козлова. В его знания, опыт, волю.

Анатолий Охрименко, тралмастер «Бокситогорска», единственный чудом спасшийся моряк из плавсостава четырех советских и шести японских судов, рассказывает: «Еще 18 января мы ловили рыбу. Окальзывались, выходя на палубу повахтенно. Машина работала на малых оборотах, держались носом на волну. Вечером вошли в лед. К утру 19 января ветер усилился, лед разметало. А потом нас вынесло на чистую воду. Ветер со страшной скоростью гнал волны высотой в десять метров. Водяные горы с огромной силой обрушивались на судно, и траулер с каждым часом все тяжелел и тяжелел под ледяным панцирем. Экипаж героически боролся со льдом, скалывая его с палубы, надстроек, бортов. Казалось, что люди выйдут победителями из схватки со штормовым морем. Опасались одного: траулер не был загружен. Топливо и вода на исходе, а рыбные трюмы пустые. Это уменьшало устойчивость.

Бедя пришла рано утром 19 января. Я был в своей каюте.

Перед этим к нам заглянул капитан, опытный моряк. Он подбадривал команду: шторм, мол, затихнет скоро, вновь пойдем в район промысла. В это время ураган достиг невероятной силы. Страшный удар обрушился с левого борта. Мы еле удержались на ногах. Вторая волна ударила еще сильнее. Корпус корабля застонал, закрипел, крен увеличился. Мы бросились в коридор. С огромным трудом открыли бортовую дверь, выскочили на палубу. Стало ясно: корабль уже нельзя спасти. Крен достиг 80 градусов, мачты почти касались воды. Вместе с матросом Николаем Козеллом выбрался на фальшборт опрокинутого судна. Успел крикнуть боцману: «Давай лезь за нами». В тот же миг послышались треск и грохот. Судно опрокинулось килем вверх. С трудом выбрался на киль. В стороне заметил кока Николая Хусанова и матроса Евгения Булычева. Они отчаянно барахтались в ледяной воде. Мелькнула мысль: как помочь товарищам? Я попытался встать на киль, чтобы осмотреться, но тут волна сбросила меня в море. «Без паники», – молнией пронеслось в голове. С трудом сбросил один сапог, стало легче. Обнял маленькую льдину и держался за нее. Голова обледенела, и я почти ничего не видел. Вдруг кончился снежный заряд, и я заметил судно буквально в сотне метров от себя».

Выброска (бросательный конец), брошенная Саликом Ухмадеевым, опытным тралмастером с СРТ «Уруп», попала к Охрименко, и тот уцепился за нее обеими руками. А через несколько минут его подняли живого на палубу. («Бокситогорск» затонул в $\varphi = 58^{\circ}32'N$, $\lambda = 172^{\circ}48'W$. На плаву вверх килем продержался свыше четырех часов.)

В это время на дежурной частоте «Севск» вызывал «Себеж»: «Прошу не уходить из связи». И последние кричащие слова: «Крен... крен... крен...». И это все. Так замолк «Севск», за ним – «Себеж» и «Нахичевань».

• • •

Я пишу этот рассказ на борту нашей яхты «Педрома», стоящей на якоре в заливе Caríaco в Венесуэле. Сейчас начало марта, здесь тепло, как и во всей тропической зоне. Наша позиция $\varphi = 10^{\circ}30'N$, $\lambda = 63^{\circ}45'W$. По утрам и вечерам мы купаемся. Не

верится, что где-то в холодных, ледяных водах гибли суда, гибли люди. Даже свои собственные плаванья во льдах уже позабылись. Глядя на спокойные воды залива, трудно представить, что и сейчас многие суда тонут. Но вот интернет сообщает: «3 марта филиппинский “каботажник” (небольшое судно) затонул у тихоокеанского побережья Панамы. Из находившихся на борту 25 человек 10 погибло». Другое грустное и тоже «тропическое» сообщение: «5 марта в водах Индонезии столкнулись буксир и “каботажник”. 13 моряков погибло. 9 марта около Китая затонуло грузовое судно, погибло 6 моряков. 18 марта вертолет, перевозивший людей на нефтяную вышку у Ньюфаундленда, упал в море, 17 человек утонуло». Не так давно небольшой венесуэльский деревянный паром, курсирующий между портом Кумана и островом Маргарита, попал в свежий ветер и опрокинулся. 10 человек погибло. 28 февраля 1967 года в Скагерраке утонул калининградский РТМ «Тукал». Из 81 члена экипажа спаслись только 36 моряков. Позже СРТ «Тукумс» из Лиепай при швартовке к ПР «Гейзер» в Северной Атлантике получил повреждения и утонул. Экипаж, 24 человека, в одной связке находился до подхода спасателя в ледяной воде. Подняли только двух живых.

Из моих однокашников-капитанов пятеро расстались с жизнью в море: один повесился у себя в каюте (говорили, из-за несчастливой семейной жизни); двое умерли от инфаркта (капитаны часто бывают в состоянии стресса); один утонул в Куршском заливе (в Клайпеде) – перевернулась шлюпка; а пятый утонул на Кубе, плавая с аквалангом, который был неисправен. Да и был этот капитан нетрезв. Поэтому собес (в советское время – отдел социального обеспечения) не выплачивал вдове пенсию. Когда мы были на Кубе, я встречался с капитаном порта Сантьяго-де-Куба, и тот помог найти в архиве данные о смерти капитана Лучка. «Высокий уровень алкоголя», – заключение врачей. После разгрома сионистами СССР клайпедское судно «Капитан Храмцов» было переименовано в «Capitonas Alfredas Luchka», и наш однокашник в одночасье стал национальным героем. А его брат-близнец Richardas (мы

учились с ним в мореходке, а затем вместе оканчивали Калининградский технический институт) стал поначалу ярым националистом, затем нацистом-фашистом. Недавно он сказал мне по телефону (мы говорили о его брате): «Петр, хорошо, что ты – украинец, а не русский. Украинцы выше русских». Наш однокашник Савицкас не так давно, по-пьяни, признался: «Нужно убить всех русских, живущих в Литве». А ведь был советским капитаном, был коммунистом, как и Richardas. Один доктор, живущий в Германии, пишет: «Эти хуторяне – Литва, Латвия, Эстония – не дали мировому сообществу ни одного ученого, ни одного писателя, ни одного художника. Поэтому (некоторые из них) убогость интеллектуальную пытаются заслонить глупым национализмом и враждой ко всему русскому».

Зато по приказу США и израильского Моссада президент Литвы Адамкус (солдат гитлеровской армии, затем – офицер ЦРУ, затем – литовский президент) открыл в Литве секретную тюрьму, где Моссад и ЦРУ держали спецпленников. Бог с ними, с этими националистами. Не все литовцы стали ими, большинство – хорошие люди.

БМРТ «Дзукия» ловил окуня в море Ирмингера к юго-западу от Исландии на широте 61°30'N. Капитан – Кузьмин Александр Николаевич. Когда-то он был у меня старшим помощником на РТМС «Калвария», которую мы с ним спасали от гибели в ураганный ветер в скалистой бухте Шетландских островов. По возрасту, он годился мне, пожалуй, в сыновья. Это был настоящий моряк. Из всех капитанов, работавших в нашей фирме «Zveju Servisas», я поставил бы Кузьмина в список под № 1. Он не делал показной карьеры, он просто шел на судно и работал, работал честно, работал в поте лица, был скромным трудягой. И хоть любил иногда выпить и поматериться, но это было в меру. На таких людях и держится Земля Русская.

Окунь – золотая рыба. Не потому, что цвет ее как червонное золото, а потому, что наш бизнес-партнер из Италии Загородний Н. В. платил за тонну обезглавленного окуня тысячу долларов. Кузьмин умел ловить рыбу, был у него рыбацкий талант.

Одним погожим днем, когда ветер не буйствовал (на этих широтах редко бывают штилы), к «Дзукии» ошвартовался БМРТ «Друскининкай» за гофротарой. Быстро перебросили ее и разошлись. Поставили трал. В 16:00 подняли на борт полный мешок – не менее 30 тонн – красного окуня. И как всегда при хорошем улове – у всех приподнятое настроение. Капитан спустился в рыбцех, прошелся с кормы до носа. Матрос-рыбообработчик сказал ему, что, вроде, дымок показывается из-под горловины носового трюма. Как раз из этого трюма перегружалась гофротара. Кузьмин подбежал к горловине – и вправду, из трюма просачивался дым. Пожар на судне – одна из страшных опасностей. Сыграли тревогу. Аварийная партия спустилась в трюм, в котором было также 120 тонн мороженого окуня. Горела, вернее, тлела гофротара. Залили ее из огнетушителей, перестало дымиться, и люди поднялись из трюма. «Пожар ликвидирован», – доложил командир аварийной партии. Задраили горловину и продолжили свою работу но пожар вскоре вспыхнул с новой силой. Капитан Кузьмин рассказывает: «Я вызвал старшего механика Войтеха и приказал задействовать СЖБ (специальная система для тушения пожара газом в закрытых помещениях). Что-то с СЖБ не получилось. Стармех Войтех сказал, что это – не его проблема и что он не хочет погибать на горящем судне. Я посмотрел на него пристально – ну и сволочь! А температура была уже такой, что на палубе вода кипела и борта стали горячими. Я обратился к экипажу: кто хочет остаться на борту и бороться за спасение судна? Нашлись 12 человек добровольцев. Остальные со стармехом дезертиром ушли на шлюпке на «Друскининкай».

Как попал в нашу фирму старший механик Войтех – не понятно. Еще в советское время в Клайпедском тралфлоте он был известен как клязник, как пакостный человек. Ни один капитан не работал с ним больше рейса. Поляк по происхождению, он был не только гадкий нутром, но и «лисей» мордой походил на папу римского Павла II, поляка. Русский писатель Э. Лимонов, проживший на Западе много лет, сказал: «...Сколько не дружи с поляком, как хорошо к нему не относишься, все равно, рано или поздно, он сделает тебе гадость». Не хочу сказать это о всех поляках, мой друг Бронис-

лав Монгирд – прекрасной души человек. Самую большую гадость для человечества за последние десятилетия сделали как раз 2 поляка – Валенса и Войтыла (папа Павел II), не считая нашего русского придурка – Горбачева.

Я не люблю писать и говорить о людях плохо, в абсолютном большинстве люди добрые, и если они становятся нехорошими (не хочу писать «злыми»), то это зависит только от воспитания в раннем возрасте, зависит от того, какую «программу» заложили в развивающийся мозг родители, школа, общество. Почему евреи становятся жидами? Один мой радист Рудик Ширман как-то в рейсе разоткровенничался: «Ты еще ходишь на ночной горшок, а мама начинает твердить тебе: сыночек, ты – еврей, ты самый умный, ты умнее любого профессора-гоя (нееврея), а затем, – продолжал Рудик, – все еврейское сообщество говорит тебе об этом». Так вырастает это злое племя.

Я благодарен моей маме, которая в тяжелое военное и послевоенное время, оставшись с четырьмя маленькими детьми, – отец погиб на фронте – не обозлилась на жизнь и людей, осталась доброй и привила этот бесценный дар своим детям. Моя младшая сестра Валя взяла к себе домой полубеспомощную тетю Таню (сестру нашего отца) и многие годы ухаживала за ней, отвергнув предложение поместить тетю в дом престарелых. Я благодарен советской школе и обществу, которые учили: «Человек человеку – друг, товарищ и брат», в противовес сионистско-капиталистическому лозунгу «Человек человеку – волк!». В принципе, люди очень примитивные существа. Никакие мы не цари природы, это природа создала нас из амёбы, и мозг наш, и тело зависимы от получаемых извне химических веществ в виде пищи и информации, улавливаемой глазами и ушами. Изменилась чуточку информация – и два еврейчика, Путин и Медведев, захватившие Россию, превращаются из коммунистов в сионистов. (Сионизм – высшая форма фашизма.) Не было у них доброй мамы.

В бразильском порту Паранагуа мы встретили польский сухогруз «Danuta», правда, под панамским флагом. Сейчас Польша, как и Россия, практически не имеет своего флота под отечественным флагом. Поскольку еще с советских времен я испытывал к полякам почти братское чувство – славяне ведь, – то на вто-

рой день я пошел на это судно. Капитан Boguslav Tomas принял меня дружески, хоть и предпочел говорить по-английски, а не по-русски. (Русский он знал хорошо.) Мы заговорили о Danute, имя которой стояло на борту. Была когда-то в Польше женщина, капитан дальнего плавания Danuta Kobilinska-Walas, с 1962 года первая женщина-капитан в этой стране. (Наша советская женщина-капитан Анна Ивановна Щетинина командовала судном еще до Великой Отечественной войны.) Boguslav (он попросил называть его Богданом) встречал Дануту не так давно в Алжире, где она работала консулом. «Удивительная женщина, – сказал он, – но откуда ты знаешь о ней?» Я рассказал, что выписывал много лет польский журнал «Morze» («Море»), откуда черпал все о флоте Польши. Boguslav (Богдан) еще недавно был капитаном Щецинского порта, куда я дважды заходил на «Сувалкии». Мы нашли даже общего знакомого – лоцмана Назарчука. Хороший был лоцман, это он сказал мне о происходившем разделе Югославии: «Как плохо, что капитализм сейчас пытается посеять вражду между славянскими народами».

Во второй мой приход на «Danuta» вахтенный офицер пропустил меня к капитану без предупреждения. Я постучался и открыл дверь каюты – Boguslav (Богдан) сидел в кресле и слушал песни Окуджавы, естественно, русские. Он испуганно выключил музыку, как бы не желая показать знание русского. Мне это не очень понравилось, и я спросил: «А почему у тебя в каюте литографии Христа и Марии, ты ведь в бога не веруешь?» Что здесь произошло: капитан вскочил на ноги, покраснел и, чуть не брызгая слюной, почти закричал: «Я верую в бога, я католик, и наш земляк – Папа Римский». – «Но ведь ты был коммунистом, сидя в кресле капитана порта». – «Я – поляк!» Видя такую реакцию, я извинился, сказал «good bye» и, не подавая руки, вышел.

В недоброй памяти правление Буша государственным секретарем США была люто-злая черная «обезьяна» Condoleza Rice. (Я – не расист, называю ее «обезьяной» не потому, что она негритянка, а потому, что она, как судовая обезьянка Чита – была у нас такая, – все время шлодила.) Так вот эта Condoleza в статье на смерть папы римского призналась: «Мы (понимай, ЦРУ, Моссад и иже с ними. – Автор.) сделали

ставку в борьбе против коммунизма на Польшу и посадили на престол сначала Валенсу, а затем Войтылу». Нынешний президент США Обама, тоже черный, в своей программной речи заявил, что будет вести войну против коммунизма и против ислама. И если этот негр объявил войну мне – коммунисту, то я имею право называть его грязной кличкой – ниггер. «Антикоммунизм – самая большая глупость XX столетия», – когда-то сказал великий немецкий писатель Томас Манн. А американский писатель Апдайк в книге «Кентавр» написал, что «коммунизм раньше или позже победит, ибо это – единственная система, при которой нет голодных». За эти слова Нобелевский комитет по литературе, возглавляемый сионистами, исключил Апдайка из списка претендентов на премию.

После разгрома СССР в мире творится что-то страшное – вернулось рабство в мутантном облике: кучка евреев эксплуатирует великую русскую нацию, североамериканцы и полуфашистская Западная Европа наносят бомбовые удары по мирным странам, и все остальное человечество молча поспывает, как во времена инквизиции в мрачное средневековье. Мне порой стыдно называть себя человеком, стыдно принадлежать к этому виду живых существ, породившему столько убийц, воров, злодеев.

Оставшиеся на борту «Дзукии» двенадцать добровольцев («смертников» – пошутил капитан) протянули резиновый шланг от баллонов с газом в трюм, где горело двести тысяч картонных коробов (так называемая гофротара). Открыли вентиль – через три минуты газ вытеснил кислород, и пожар потух. Температура палубы и бортов стала снижаться и вскоре стала нормальной. Открыли горловину трюма и, на всякий случай, залили гофротару водой из пожарного шланга (рыба все равно пропала).

Судно не могло работать. Я принял решение снять его в Клайпеду. (В то время я – автор – сидел в кресле директора компании «Zveju Servisas».) В порту открыли трюм. Там – кишмиш из 120 тонн окуня, воды и размякшей гофротары. Очистить трюм в порту в буржуазной, насквозь коррумпированной Литве стоило быбешеных денег. Единственный шанс –

возвращаться немедленно на промысел, пока санитарные власти не пронюхали о «грузе». По пути, уже в Северном море (хоть я приказал делать это в Атлантике) капитан начал ночью выливать каплером вонючую смесь за борт. Из-за пожара мы потеряли 200 тысяч долларов. Но наш спонсор, хорошей души человек, Загородний Николай Васильевич, директор «Sovitpesca» помог выстоять и выжить. Нашу компанию загубил картавый жид Роднов, укравший у нас 1,5 миллиона долларов. Он просто не уплатил за рыбу, выловленную и поставленную ему нашими траулерами. Эти «картавые» украли у русских людей и Родину – Советский Союз. И хозяйничают сейчас в России с липикутами во главе – еврейчиками Путиным и Медведевым, как у себя в Израиле.

Почему возник пожар? Мы с Кузьминым обсуждали разные варианты. Я склонялся к тому, что во время перегрузки гофротары кто-то курил в трюме и не загасил окурки. Такие случаи были на флоте. Но Александр Николаевич имел свое мнение. «Когда набираешь экипаж, – проверь, чтобы не попал в команду бывший пожарник. Пожарники – люди с заскоками: им нужно тушить пожар или поджигать. На «Дзукии» как раз был один матрос – бывший пожарник. Я думаю, это его рук дело», – сказал капитан.

В энциклопедии «The Penthouse Sexindex» говорится о любителях поджога, как о людях с сексуальной навязчивой идеей. Часто такие люди (*arnosist* (англ.) – *поджигатель*) получают сексуальное удовлетворение от огня. Но не от огня как такового. Им нужен поджог, им нужен и важен процесс поджога. Один такой преступник Peter Kurten из Дюссельдорфа сказал на суде: «Я совершал акты поджога из-за моих садистских наклонностей. Я испытываю радость от бушующего пламени, от плача людей, от их криков о помощи. Это дает мне такой импульс, что я всегда получаю сексуальное удовлетворение от этого».

Не знаем, получил ли кто-то удовлетворение от пожара на «Дзукии», но он подверг смертельной опасности жизни 50 моряков.

НА СПУТНОЙ ВОЛНЕ

Этот рассказ прислал из Клайпеды капитан дальнего плавания, писатель, доброй души человек Колещук Владимир Яковлевич.

Памяти В. И. Скорнякова

Описанным ниже событиям уже более полувека, и свидетелей их, почитай, не осталось. Только не бежит перо легко по бумаге, нет-нет, да и

замрет, а пишущий призадумается: как бы это выставить себя того, непутевого, в лучшем виде? Вздохнет да и продолжит дальше. Надумал покаяться, кайся, взялся писать правду – ее и пиши. Но не зря поражался Генрих Манн тем отчаянным смельчакам, что осмеливались писать дневники: ведь каждая жизнь полна позора.

Свинцовым декабрьским днем 1955 года средний траулер «Ясень» торопливо кромсал ломти студенистых волн Северного моря, пересекая его наискосок к Шетландским островам. Лирическое название мало подходило пропахшему рыбой суденышку, но рыбакам нравилось, смягчало их грубоватые души.

Скворцов, бывший краснофлотец, а ныне – капитан дальнего плавания, мужчина двадцати семи лет, со стальными глазами, волевым подбородком и непререкаемым баритоном, нрав имел, вместе с тем, довольно добродушный, характер сдержанный. Своей представительной фигурой не обеднил бы интерьер капитанского мостика большого океанского корабля. Судьба же назначила Скворцову водить по морям не белоснежный лайнер с выложенной командой, а посадила на скромный, крашеный шаровой краской СРТ, типа «логгер»,

водоизмещением в триста пятьдесят тонн, с малым, не обремененным изысканными манерами экипажем. И капитанский мостик здесь тесноват, не разгуляешься. Рыбацкий капитан на судьбу не сетовал. Более того, выпавшая доля ему даже нравилась, склонен был неленивый добытчик к промысловым утехам. Потому побуждал сегодня механиков накручивать обороты. А еще и зюйд-остовый ветерок, балла на четыре, помогал, толкал в корму. Со вчерашнего дня, едва только вернулся «Ясень» из нелюдимого всегда Скагеррака, плотно засел капитан Скворцов в кресло радиооператора. Терпеливо вращал он верньеры, стараясь выдавить из приемника что-либо существеннее, чем скупая официальная промсводка, перехватить частные обмены. Слышимость плохая, по ушам бьют грозовые разряды, но «желающий слышать да услышит».

Почти вышли на траверз Норт-Анета, когда капитан высунул из радиорубки свою красивую голову и азартным голосом загонщика велел штурману подправить курс, подвернуть на промысловый квадрат «90-ольга». Туда, судя по эфирным недомолвкам, двигались вожаки косяка.

Вахтенный помощник проложил новый курс, прикинул по карте расстояние.

– Сутки ходу, Владимир Иванович.

Скворцов ходил по рубке, задевая крупным своим телом рулевого матроса. Возбужденно потирал руки.

– Скоро свежей рыбки отведаем. Любишь жареную селедку, Артемов?

Рулевой осклабился: кто же, мол, ее не любит. А еще польщен тем, как по-свойски к нему обращались. Команде капитан нравился. А тот вышел на крыльцо мостика, улыбнулся скользящим вдоль бортов струям, довольно кивнул помощнику:

– Сутки, говоришь? Как раз к вечерней выметке.

Попутный ветер, между тем, вдруг ударил порывом, взбросил гребни. Забелели по серому морю барашки. Капитан недовольно понюхал сырой воздух.

– Задувает, бродяга...

Поразмыслив, добавил, скорее для самоуспокоения:

– С этого направления штормовых ветров, говорят, не бывает.

Зато попутный – это нам на руку. Так что готовьтесь, мужики, к трудам, шибко серьезным трудам. Хватит бока отлеживать!

Повысив наш тонус, капитан покинул мостик. Чтобы бездельничать в каюте напоследок перед долгими месяцами, полными забот. Вахта капитанским энтузиазмом прониклась с удовольствием. Штурманом на вахте был я, автор сего рассказа. Служил на «Ясене» старшим помощником. Являлся, то есть, личностью, в немалой степени ответственной. Выяснилось вскоре, что сие до конца не осознавалось.

К середине моей вахты, к восемнадцати пополудни, ветер добавил по шкале Бофорта до пяти баллов. Все от того же зюйд-оста, редкого в этих местах ветрового направления. Нормальная промысловая погода. Идем хорошо, более десяти узлов. Забывая, что лучшее – враг хорошего, решил из поощряющей ситуации выжать еще чуток. Позвал боцмана, палубного пассажира, довольно много о себе понимающего и весьма строптивого. Хлебом его не корми, – дай повозражать. Предстал передо мной, прикрывая ладонью позевывающий рот. Диалоги со стариком выстраивались трудно. Пытаясь создать непринужденную атмосферу, взбодрил его, как только что взбадривал нас кеп:

– Опух от сна, Филимоныч. Ступай на бак, проветришься. Стаксель подними!

– Порвет, – равнодушно возразил боцман.

– Пусть увязанный сопреет, да? – сразу начинаю злиться.

– Не с чем будет сети ставить, – бурчал Филимоныч, но, заметив, что и без того вывел меня из равновесия, повернулся каменной спиной, на которой было написано: чего с дураком спорить.

Немного испортил настроение, а сделал все, как надо. Дело-то старина знал. Треугольный парус взвился по штагу, рывком наполнился, расправив все залежалости. Судно прибавило ходу, стало устойчивей на курсе. «Ясень» лихо летел вперед, почти не раскачивая мачтами. Пенный шлейф шипел по бортам, крутым кипятком бурлил за кормой кильватер. Узлов по двенадцати шпарим. Теперь быстрее, чем за сутки, догребем, думал я, премного собою довольный.

Ни через сутки, ни через двое в назначенный квадрат «Ясень» не прибыл.

Ветерок крепчал да крепчал, волна исподволь нарастала. Еще какое-то время пребывал я в легких чувствах, опьяненный нашим бегом в пене и брызгах. Но радости хватило ненадолго, настала пора и трезвым оценкам. Крутая волна уже не только подгоняла судно. Она прокатывалась под килем к носу, а корма проваливалась, чтобы в следующие секунды вздыбиться над очередным валом. Нос упорно уводило в сторону от курса, стучал баллер руля. Штурвал рулевым еле удерживался, его било в руках. Шестерни привода в рулевой колонке подозрительно похрустывали. Парус на носу вздулся болезненно дрожащим пузырем, будто готовый улететь в небеса воздушный шар. Его, стаксель, теперь, не приведя к ветру, и не спустишь. Одно успокаивает: он нам неплохо помогает, действует, как стабилизатор.

За какой-то час перевалило за шесть, потом за семь баллов. И не похоже, чтобы на этом кончилось. Вот тебе и не бывает в Северном море штормов с юго-востока! Однако мы уже в Норвежское выходили, а здесь своя роза ветров, океаническая. Только волна по-прежнему североморская, короткая.

Обеспокоенный тычками в корму, поднялся капитан. Поглядел на кудрявые, по сторонам, гребни, уперся в трепетное полотнище паруса. Сейчас, думаю «выскажется». Нет, промолчал. Тревогу выражало его молчание.

Капитана Скворцова был я, его старпом, на три года моложе. В молодости такая разница, даже не подчеркиваемая, много значит. На берегу мы дружили. Время проводили в одной компании, и я чувствовал себя ровней. Полагал тогда, плавать вместе с другом-капитаном во всех отношениях здорово. Потому предложил Скворцову, при его назначении на «Ясень», свои услуги. Владимир Иванович охотно внес меня в судовую роль. Только одно дело – вместе бражничать, другое – делить ответственность по всем законам субординации. Пока работалось нам хорошо. Скворцов передо мною не чванился, мелкие мои ошибки будто не замечал, только проskalзывала на его лице снисходительная улыбка. Так как

боцманской ехидной ухмылке была она не сродни, то и воспринималась как поощрение.

В те годы бурного развития флота в специалистах была большая нужда. Карьера совершалась быстро. Командные должности мы, молодые, занимали, не успев созреть. А работа подпирала, времени ни на раздумье, ни на раскачку не полагалось. Правда, океан учил уму-разуму тоже без проволочек, и за малые годы мы испытали не один форс-мажор. Но ведь морская практика так многообразна. Чтобы ею овладеть, нужно много-много плавать. Никакой учебник не научит, только собственный опыт. Годится и горький, лишь бы не последний в жизни...

Шторм к концу моей вахты уже ревел. Мымчались так неуждержимо, что волна догоняла в замедленном темпе. На гребне волны судно зависало непозволительно долго. Серфинга, о котором мы в те времена и не слыхивали, не получалось. Корпус проваливался, просто тонул, тогда как нос и корма обнажали штевни. При этом резко нарушалась остойчивость. Раз за разом вкатывались на палубу kloчующие буруны, опасно погребали под собой трюмные люки, яростно ударяли в носовой кап. Под ним, в кубрике, оказалась отрезанной почти половина экипажа. Люди там, слыша, что творится наверху, не имея от командования никаких сведений, сильно встревожились и, как после выяснилось, близки были к панике. А командование на мостике приходило к пониманию: волна с кормы нам не услужливый помощник, а опасный попутчик, выжидающий момент нанести в спину роковой удар.

– Надо носом на волну вставать и людей из носового кубрика переводить в корму, – озабоченно сказал капитан и разрядил беспокойство шуткой: – Не то ребята без ужина останутся.

Было же не до ужина. Его кок и приготовить не сумел. Было и не до шуток. Едва приняли новое решение, как «Ясень» погрузился в пенную водную массу по самые крылья мостика и стремительно повалился на левый борт. Удержались на ногах, только крепко хватаясь за что попало. В штурманской выгородке с прокладочного стола давно слетели карты, а теперь из

шкафчика с громким стуком вывалились тяжелые тома лощий. Из радиорубки доносились глухие восклицания «маркони». Рулевой повис на штурвале. «Ясень» с трудом выпрямился. Капитан громко командовал:

– Лево на борт!

Матрос, это был уже не Артемов, а сменивший его моряк, не столь расторопный, не успел выполнить команду. В корпус снова ударило, будто тараном. Вода хлынула через рубку. Теперь «Ясень» падал на правый борт. За переборкой охал радист, рухнувший на передатчик. Мы с капитаном ухватились за третьего штурмана, он, крепыш, нас сдержал. А рулевой матрос едва не вылетел на крыло в распахнувшуюся дверь. Получив свободу, колесо штурвала раскрутилось до упора. Постановивая от ушибов, моряк вернулся к своему посту и в замешательстве воскликнул:

– Руль не действует!

Капитан самолично крутанул безвольный обод, поставил телеграф на «стоп». Напряженно мы ждали, что же произойдет дальше. К нашему большому облегчению, «Ясень» не развернуло поперек ветра, под бортовой удар волны. Положить судно совсем лагом не давал парус. Он стойко продолжал выполнять спасительную функцию, вытягивая нос судна за ветром. Заливать нас стало меньше, мы это быстро заметили. Потеряв ход, корабль не проваливался уже под воду, волна свободно прокатывалась, почти не вторгаясь на палубу. И лишь теперь до конца осознали мы ту опасность, которой подвергали себя, бегая наперегонки с попутной волной.

«Спутная волна». Именно так называлась неведомая прежде угроза. Назвали те, кто прежде попадал в коварную ловушку. А мы, неужели не ведали мы ни о чем подобном? Что-то слышали, конечно. Однажды, на Балтике, странным образом опрокинулся вверх килем небольшой «тралец». Все, кто был наверху, погибли, и рассказать о случае и его обстоятельствах некому. Чудом спасся механик: вынырнул из машинного отделения и вскарабкался на днище. Мы знакомы были с ним. Артур Кропельницкий вспоминал: шли они по волне... Другое подобное происшествие случилось где-то на

Севере. И тоже никаких подробностей. Определенных выводов из этого не последовало. Получалось, чтобы явление познать, надо испытать его на собственной шкуре.

Слово «спутный» еще В. Даль в своем знаменитом словаре зафиксировал. А «Справочник капитана дальнего плавания», изданный через полтора десятка лет после наших захватывающих дух приключений, дает характеристику и «мертвой воды», и «сейшей – стоячих волн», и «волн сейсмических» (цунами). Ни слова не сказано лишь о «спутной волне». И можно догадаться, почему: спутная волна не явление, а понятие. Привнесенное обстоятельство. Следствие «человеческого фактора», так сказать. Наше неведение понятно. Вот только не удовлетворило бы оно многострадальный экипаж «Ясеня», дойди дело до крайности.

Не дошло, раз я имею возможность что-то рассказать.

Положение, впрочем, оставалось не блестящим. В конической бронзовой шестерне обломилась пара зубьев. Не имея ничего в запасе, отремонтировать рулевое устройство невозможно. По теории – невозможно. Практически же старший механик Родин обещал руль восстановить. Он взялся вернуть на место выкрошенные зубья. Как скоро? Петр Федорович призвал потерпеть. Механики сняли дефектную шестерню, собрали обломки, пошли колдовать. И осталось только ждать, стиснув зубы собственные.

К середине последней вахты шторм дошел до степени жестокого. Северную Атлантику накрыла глухая, беспросветная ночь. Вокруг ни огонька, никто не придет на помощь. Жутко глядеть на беснование стихии, но ко всему человек притерпится. «Ясень» дрейфовал на норд-вест, достойно перенося удары. Он удачно отыгрывался на крутых валах. Они вставали стеной, стремясь сокрушить, но все было наглухо задраено, внутрь вода не проникала. Команду из носового кубрика, выбрав момент, перевели в корму, и люди выглядели счастливыми, соединившись со всеми. В рулевую рубку понабило народу. Невольно тянуло туда, где предполагалась более высокая компетентность. Естественное желание снять личные опасения, убедиться в том, что ничего страшного ко-

раблю не грозит. И «компетентные лица» оказались бы совсем никчемными командирами, если бы дали таким страхам повод укрепиться. Капитан вел себя спокойно, бросая иногда малозначащие реплики. Шуток больше не отпускал. Это как раз могло бы родить подозрения. И я, старпом, свое поведение не назову предосудительным. Отваги по молодости хватало. Но все в душе было напряжено. Потому что мореходность судна подвергалась великим испытаниям. И это еще не стало пределом.

С робкой надеждой смотрели мы с капитаном на освещенный прожектором призрачный символ нашего зыбкого равновесия. Как Мюнхгаузен за собственные волосы, вытаскивал нас штормовой парус, частично в разрез волне. Смотрели и молились: только бы не расползлась по швам парусина, выдержал бы бегучий, сезальского троса такелаж! И растительная основа устояла. Не выдержала сталь.

Как позднее выяснилось, лопнула скоба шкотового угла стакселя. Получив свободу, парусное полотнище взметнулось гигантским флагом, забило в громких хлопках. Скоро его разодрало на полосы, и флаг превратился в несколько бесформенных вымпелов. Но прежде, чем это случилось, судно окончательно развернуло лагом к волне. Остался «Ясень» без руля и без ветрил. И океан тотчас завладел беспомощным корпусом. Теперь нас ожидало самое ужасное. Вода с палубы не сходила, размах качки стал близким к катастрофическому, мачты едва не ложились на воду. Мотало так, что со штатных мест посрывало все, казалось, надежно закрепленное. В каютах беспорядочными выстрелами хлопали дверцы шкафчиков, с лязгом катались различные предметы. На камбузе гремели кастрюли, а печные конфорки даже повылетали из гнезд. На мостике с переборки сорвался огнетушитель. Пока его не выбросили за борт, он летал по рубке артиллеристской болванкой, грозя искалечить. Судно наполнилось звуками различных тонов и силы, что в сопровождении рева ветра и грохота волн оформилось в адскую какофонию.

Из машины сообщили: ремонт шестерни, требующий ювелирной тонкости, стал в таких условиях невозможен. Надо что-то

предпринимать. Все глядели на капитана, как на единственную надежду. Скворцов выплюнул изжеванную, давно потухшую папиросу, заговорил громко, так, чтобы слышали все:

– Оставлять судно в таком положении больше нельзя. Надо выводить его носом на волну. Не работает механический привод рулевого устройства, так как на аварийный случай предусмотрены румпель-тали. Заведены ли они?

Последнее – ко мне, вполголоса. Между лопаток пробежал холодок. Не от грозящей опасности, нет – есть вещи похуже. Вопрос капитана поставлен прямо, а я не мог дать на него безоговорочно положительный ответ. Окинул рубку взглядом в поисках боцмана. Его здесь не оказалось.

– Сейчас проверю, – пробормотал я, двигаясь к двери.

– Как?! – вспыхнул Скворцов. – Ты, старпом, даже не знаешь? Не в курсе?

За бесовой свистопляской тихий, но не мирный словообмен вряд ли кем-то еще был услышан. Но по выражению наших с капитаном лиц даже в полумраке нечто было уловлено. Люди почувствовали какое-то осложнение, а также, кто в нем виновен. Из темноты меня кололи острые взгляды. Капитанский горький сарказм и эти враждебные глаза подхлестнули меня, и я с горящей от стыда физиономией выбрался на крыло. Крепко хватался за поручни, релинги и прочие выступающие предметы, достиг кормы. Сюда, на полуют, через салон команды выходит голова баллера руля, с накрытым банкеткой сектором. К нему и крепятся румпель-тали. С великим облегчением убедился: важнейшие для нас в настоящий момент снасти – на штатных местах. А предыстория моего временного замешательства такова.

С боцманом Филимонычем отношения, как я уже упоминал, складывались непросто. Я где-то пасовал перед его возрастом и практикой, что он, конечно, сразу уловил. В грош не ставил мою училищную подготовку и жиденский опыт. Завел моду оспаривать любые мои приказания. И (что греха таить!) не всегда получал надлежащий отпор. Когда перед выходом в море предъявляли мы портовому надзору судовые устройства, все они, как и злополучные румпель-тали, обнаружены были

там, где им и положено быть. Стоило же только портнадзирателю сойти с борта, как Филимоныч вознамерился тали отсоединить и убрать в подшкиперскую. Мол, зря только будут гнить здесь в сырости, и бочечными обручами их порубят. У меня хватило твердости такое запретить, чем боцман остался очень недоволен. Знаменитая его каменная спина гласила: к этому вопросу он может вернуться самовластно. И если бы Филимоныч исполнил свое намерение, теперешнее наше положение стало бы просто гибельным: до подшкиперской на баке добраться невозможно.

За четверо суток перехода, в текучке дел, каюсь, проверить не собрался, и на мое и наше общее счастье боцман отложил обеспечение неумной своей бережливости до прихода на промысел.

– Румпель-тали на месте, – доложил я, опустив очи долу.

– Всю палубную команду на корму, – немедленно приказал капитан. – Да поживее, чиф! – рыкнул вдогонку, а я совсем не мешкал.

Осерчал на меня друг-капитан, и поделом мне.

Внизу моряки встретили меня в большом смятении. Всем своим видом они выражали один вопрос: что с нами будет? Один из молодых матросов так и спросил: не утонем ли? Я постарался успокоить команду, сказал, что тонуть мы не собираемся и сами того допустить не должны. И чтобы отвести опасность, надо выйти на корму и сделать судно вновь управляемым. Бездействие как раз и угнетало, а к предложенной идее матросы отнеслись с одобрением, хотя не все поняли, о чем идет речь.

– Ребята! – обратился я к ним перед тем, как повести наверх. – На открытой палубе очень опасно, ее захлестывает волна, может и за борт смыть. Кто не уверен в себе, у кого поджилки трясутся, пусть лучше останется внизу.

Поджилки, может, и тряслись, но никто в том не признался. Это меня воодушевило – опасался худшего. Приказал боцману разбить людей на две группы, по бортам. С осторожностью вывести на полуют и расставить в две цепочки. Филимоныч действовал без тени прежних замашек, исполнительно и споро.

Я доложил капитану: все готово, люди на местах. Скворцов дал судну ход. Третьего штурмана оставил на телеграфе, второму велел обеспечить голосовую связь с кормой. Сам, выйдя на полуют, окинул ободрающим взглядом всех замерших вокруг и зычно произнес:

– Мужики! Только от вас, дорогие мои, зависит, придется ли нам еще есть жареную рыбу и пить водку. Слушать мою команду! Выполнять немедленно!

Группы разобрались по бортам. Одну возглавил боцман, другую – дрифмастер.

– Левый борт, набей таль! – скомандовал капитан.

Матросы взялись за ходовой конец не дружно, дело поначалу не пошло.

– Левый борт, навались!!!

Я тоже ухватился за лопарь, а боцман голосом задал темп. Наконец, сектор стронулся с места. Перо руля развернулось до упора, машине дан полный ход. «Ясень», принимая железобетонные удары в левую скулу, начал выходить на ветер. И вот уже мы против волны. Бортовая качка сменилась килевой. Она, как бы ни была сильна, переносится судном несравненно легче. Тучи холодных брызг, перелетая через рубку, обрушились на корму.

– Правый борт, навались! Стоп тянуть, так держать!

Но удержать судно на одном курсе таким примитивным способом было не просто.

– Правый борт, навались! Левый борт, навались! – почти без пауз следовали команды.

Моряков от холодного душа кое-как прикрывали спасательные шлюпки, под которые они жались. А капитан взгромоздился на световой люк машинного отделения, чтобы иметь лучший обзор. Я принес полушубок, прикрыл своего друга-командира со стороны груди. Недолго он прослужил, тот полушубок. Напоенный влагой, отяжелев, упал к ногам капитана. Так и стоял он, мокрый, открытый всем ветрам и брызгам. Железное здоровье военмора Северного флота не дало ему после холодного обливания заболеть. Лишь в старости все это отзовется.

Я предлагал подменить, но Скворцов на меня и не глянул.

– Правые, навалились! Левые, навалились!..

Те и другие наваливались, старались изо всех сил. «Ясень» слушался руля, пробивая неширокой грудью путь среди волн, через бесконечную их череду. Это длилось и час, и два. Не беспредельными были силы экипажа и его капитана.

– Скоро там? – нетерпеливо хрипел он.

Торопить механиков не требовалось. Они все понимали и старались, как могли. Второй помощник передавал их успокаивающее: скоро, скоро...

Капитан сорвал голос и уже только взмахивал то правой, то левой рукой. Боцман и дрейфмастер громко дублировали команды. А люди уже изнемогали. Но пришла пора, и восстановленная шестерня возвратилась на свое место. Стармех Родин сподобился прочно закрепить обломанные зубья при помощи нарезных шпилек-коксов. Это была большая удача. Сам же кудесник о своей работе выразился так:

– Прилепили соплями. Если не будете штурвал с борта на борт гонять, как вчера гоняли, то до Фарер доберемся.

За свою морскую жизнь я узнал многих судовых механиков. В открытом океане, вдали от судоремонтных заводов и мастерских, творили они чудеса. Подчас спасали, казалось, в безвыходном положении. Таков был и наш Петр Федорович. Куда до него хитроумному Левше с его бесполезной изощренностью: ведь подкованная им блоха прыгать не стала, а наш «Ясень» опять готов спорить с волнами.

Перевели управление на главный пост. Измученная команда спустилась вниз. Кок тоже совершил невозможное: вскипятил чай. Я просил капитана пойти отдохнуть, но он только переоделся в сухое и вернулся на мостик. Со мной не разговаривал, да ведь и голоса у него не было.

Грозная ночь миновала, утром яростный, но скоротечный шторм пошел на убыль. Это западных румбов ветры более трех дней не дуют, а юго-восточному и суток хватило. Оставив на вахте третьего помощника, Скворцов решил покинуть мостик. На ходу просипел мне коротко: зайди. В каюте достал из запятого на ключ рундука бутылку водки, плотно закутанную в полотенце. Встряхнул ее, довольный собствен-

ной предусмотрительностью: не разбилась (многие в эту ночь лишились своих «новогодних» запасов). Еще выложил круг семипалатинской колбасы, наломал ее кусками – некогда закусочной заниматься, спать хочется. Разлил водку по стаканам, прохрипел:

– Ну, за наше счастье...

Владимир Иванович выпил и раздумчиво добавил:

– Откровенно говоря, закралось у меня сомнение. Налети подряд, одна за другой, две крупных волны, как их называют, сотая и сто первая, и – суши лапти...

Зажевал колбасой, разлил остатки. К нему возвращалось добродушие. Уже не сердился.

– С народом повезло. Моряки вели себя, как надо, прямо геройски. Полагаю, на промысле хороший сколотится экипаж, обойдемся без кадровых проблем.

Капитан в упор глянул на меня, своего оскользнувшегося старпома. Чуть улыбнулся, молвил без досады:

– А тебе, милый мой, советую, очень советую: всяким там боцманам, мастерам и прочим «сержантам» показывай свою командирскую волю, хоть ты и моложе. Пальцы им в рот не вкладывай – живо оттяпают. «Академиев» не кончали, а практика у них богатая: не одного такого, как ты, добренького, схарчили. Ну, давай, допьем, чтоб дома не журились.

...«Ясень» постоял еще носом на волну, потом она улеглась, и к вечеру мы повернули к Фарерским островам, в район стоянки плавбаз. На основательный ремонт.

Боцман, когда все успокоилось, взялся было за старое. Да меня всякие там Филимонычи более не пугали. Понял я: мало уважать других. Это необходимо. Но не менее важно, чтобы тебя тоже уважали. Чего добиться без твердого характера нелегко. Но сумеешь – и никакая «спутная волна» не утопит. А ведь кое-кого из нас она и в самом деле настигает и губит. Скользил, скользил человек по поверхности жизни, подгоняемый благоприятным ветерком судьбы, взлетел с его порывом на самый гребень, и вдруг раз – и нет человека. Полный провал, скрылся с головой, только пузыри на воде остались...

ЯХТА «ADVAYDA»

В венесуэльском порту Ку-мана одним погожим апрельским днем знакомая со швейцарской яхты сказала, что сюда зашла русская яхта. Я

побежал к другому причалу и увидел 40-футовую почти новенькую яхту «Advayda» под английским флагом. В кокпите стояла молодая красивая женщина. Я поздоровался с ней по-русски. Она протянула руку и представилась: «Тара». – «Но вы ведь русская?» – «Конечно, русская». – «Имя необычное у вас». Она улыбнулась. Из кабины вышел ее партнер – молодой мужчина с широкой, хорошей, очень русской улыбкой. «Ананда Лока», – назвал он себя. «Странно, – подумал я, – название яхты непонятное, флаг – английский, называют себя какими-то индийскими именами». Но этот вопрос я оставил «на потом». Мы, как яхтенные люди, заговорили о главном: откуда, куда. Они пришли из Бразилии, где провели несколько месяцев, собираются идти через Панамский канал в Перу. «Будет очень сложно против течения и господствующего южного ветра. Я был в Кальяо два раза, правда, на большом судне, и знаю этот район, – сказал я. – А почему Перу?» – «Хотим изучить обычаи древних инков, их религию. Мы пойдем не в Кальяо, а в маленький порт Пиментель на север страны». Ну что ж, каждый яхтенный капитан волен выбрать свой путь и свой порт.

На борту у них был еще один русский, Юрий, сибиряк. Он пересек с ними Атлантический океан, был в Бразилии и сейчас собирался улетать из Венесуэлы в родную Россию. Вечером мы с Гиной сидели в маленьком кафе в марине с нашими новыми друзьями. Для меня был праздник, я говорил-говорил с Ананда Лока, а Гина – с Тарой.

На следующее утро Гина поехала с ними на базар. Они ку-

пили тридцать маленьких ананасов, еще кое-какие фрукты, но овощей не покупали, сказали, что на борту у них сотни банок разнообразных консервов. Они даже дали Гине немецкий консервированный ржаной хлеб. На мой вопрос об их странных именах Ананда Лока ответил, что они – активные члены одной из ветвей буддистского движения и взяли имена из индийской религии, и отказался назвать их русские имена. Он записал мне в компьютер всю программу их секты, вернее, движения, и попутно – многие морские песни и несколько известных кинофильмов, и одиннадцать своих коротких рассказов. Делал он это с такой доброжелательностью, что я почувствовал: они – хорошие люди. Действительно, человеческая доброта излучается, и мы невольно чувствуем симпатию к несущим это богатство. Добрые люди – самые богатые на свете.

Когда Ананда Лока и Тара сидели в нашей каюте, мы сделали несколько фото этой красивой пары. Я подарил им свою книгу. На следующий день мы ушли в море, а они задержались еще на несколько дней перед походом к Панаме. Остановок по пути на островах не намечалось. «Мужественные необычные люди», – подумали мы.

Вскоре мы улетели в Лондон. Я выслал Юре в Сибирь мою книгу и получил от него e-mail: «Ты знаешь, что случилось с «Advayda» в Панаме? Если нет – смотри интернет». Я открыл страницу о Панаме и с тихим ужасом прочел о смерти Ананда Лока – он же Станислав Дубровский – и Тары – она же Елена Червова. Они стояли на якоре, недалеко от них находилась яхта с русским экипажем. Около 9 утра на соседней яхте услышали крик Елены: «Помогите, помогите!» Быстро подошли на динги (надувная лодка) к борту «Advayda». «Мне плохо, – сказала Елена им, – скорее к врачу. Мой муж умер». По пути к причалу Елена скончалась. В кратком интернет-сообщении говорилось, что никаких следов наркотиков в крови не нашли, полиция также не обнаружила на борту яхты наркотики. Врачи сделали заключение, что смерть наступила от пищевого отравления. У них было много консервов.

Любая смерть – трагедия. Но когда она забирает молодые жизни – это трагедия втройне. Я часто слушаю песни, запи-

санные Станиславом, смотрю подаренные им кинофильмы, и не хочется верить, что его и милой Тары-Елены уже нет. Кстати, он был президентом Российского общества стрелкового оружия и, кажется, прошел Чечню.

Станислав был талантливым писателем. Он оставил нам одиннадцать коротких рассказов, два из которых помещаю здесь, как реквием по погибшим Ананда Лока и Таре, как реквием по всем погибшим в море, как реквием по моряку, обещавшему вернуться к любимой.

КУПОЛА

*Купола в России кроют золотом,
Чтобы чаще Господь замечал.
В. Высоцкий*

Я лежал на корме ладьи и смотрел на глубокое синее небо. Как спокойно и незамутненно я себя чувствовал. Так было всегда.

Выросший в небольшом селении, обнесённом частоколом, я с раннего детства помню, какой ужас на воинственных кочевников наводили наши овальные, заостренные к низу щиты с изображением птицы Сва, которая казалась живой, отражая солнечные лучи от горячей меди. Мальчишкой я впервые увидел этих низкорослых кряжистых воинов на таких же, как они, лошадках.

Сейчас ничего не волновало меня. Жизнь текла как река, на высоких берегах которой стояли укрепленные, как моя собственная, деревушки. Меня ждали и знали во многих из них. Пока же – путь. Есть не хотелось. При желании можно было сойти на берег и поохотиться. Звери будто бы помогали нам, отдавая жизнь, поэтому никто не убивал больше, чем мог съесть. Присутствие Изначального чувствовалось во всем. Куда эта река принесет меня?

Они стояли в излучине между двумя возвышенностями. За спиной спешно грузились в ладьи женщины и дети. А перед ними расстилалась окруженная холмами долина. Яркое знойное солнце отражалось от доспехов шестидесяти воинов,

стоящих в три шеренги. Воткнув щиты в землю, они молча смотрели на желтовато-зеленое колыхающееся море травы. С противоположной стороны через несколько излучин в долину потекла подвижная темная масса. Черное чудовище огромных размеров скоро поглотило все холмы напротив них и, неудержимо разрастаясь, приближалось к ним, как единый, жаждущий крови организм. Земля сотрясалась от топота копыт десятков тысяч лошадей. Пыль превращала конницу в однородную массу.

Оно приближалось. Уже можно было различить лица с узким разрезом глаз. Вот гул поглотил все.

Горстка воинов в излучине как бы дышала одной грудью и одним словом. Опустили копья, направив их в тело чудовища. Они дышали словом «сейчас». «Сейчас! Сейчас! Сейчас!» – не было страха. Только горячая Решимость. «Сейчас! Сейчас! Сейчас!» – Страстное ожидание битвы и смерти. «Сейчас! Сейчас! Сейчас!» – Удар страшной силы.

Меня носило по вселенным до тех пор, пока я не услышал удивительную чарующую музыку. Божественные фанфары изливали звук, на который летел я – маленькая золотая частичка. Вокруг меня поднимались другие живые крупницы золота. Как притягательно красиво звучит эта музыка. Все больше частиц. Мы уже одним потоком возносимся к Божественному Свету.

Божественный Свет!!! Бог!!! Мысль оборвала наш взлет. Мы падали. С высоты птичьего полета я видел страну зеленых лесов и храмов. Гардарика! Мы падали. Близкая сердцу Гардарика! Мы падали золотом на купола и вскоре отражали в себе все Суищее.

ПОЛЕТ

Он совсем не помнил себя. Казалось, что радость всегда пронизывала тело. «Тело? Какое оно у меня?» Стоило задать вопрос, и сразу из ничего возник ответ: «Быстрое, гибкое, ветряное!» «Я – Ветер», – осенило его. Рассмеявшись веселым смехом Солнцу, он заструился вниз.

И вот теперь он летел над югом Испании, нежно прикасаясь к бронзовым телам и играя золотым песком. Вдруг его внимание привлекла девушка, которая всматривалась в синие волны. «Развернуться и полететь над ней. Еще раз! Обнять и разметать волосы». Вот она уже удивленно озирается. Теплый ветерок ласкал сейчас только ее, забыв о своем бесконечном полете.

Он еще раз облетел вокруг. Горячо прижался к ней. Позволил вдохнуть себя и, унося все ее неприятности, метнулся в сторону моря. Разогнался и, схлестнувшись с волной, стал на долю секунды пеной.

Через несколько дней вместе с другими он любовался величественными Гималаями и даже не заметил, как исчез Навсегда.

КАТАМАРАН «КАУРО»

Мы стояли на рейде порта Прая – столицы государства Kabo-Verde (Острова Зеленого Мыса). После обеда сидели с Гиной в кокпите и наблюдали за катамараном, входившим на рейд. «Кажется, австрияк», – сказал я, пристально рассматривая в бинокль флаг. Мы встречали много яхт под австрийским флагом. Катамаран стал на якорь далеко от нас, примерно в двух кабельтовых. Вскоре его лодка подходила к нашей корме. За рулем сидел бородатый мужчина, смахивавший на кавказца, а впереди – русоволосая женщина с таким милым русским лицом, что еще до того, как она заговорила с нами по-английски с «рязанским» акцентом, стало ясно – наша! Светлана Тимофеева и Саша Попов с – рижского катамарана «Кауро» (флаги Австрии и Латвии почти одинаковы, только у латышей красный цвет чуточку темнее). Нашей радости не было предела: впервые за два года мы встретили земляков, людей советского времени, когда все жили одной многонациональной семьей в могучей державе.

Мы побывали на борту катамарана, завершающего кругосветку, познакомились со знаменитым капитаном Валдисом Грененбергсом-Гринбергсом (он, узнав, что Гина – немка, признался, что тоже немец, только латышский), еще с двумя моряками – Игорем и Юрой.

Через два года мы скорбели, узнав, что капитан Валдис умер. Зная, что его детище – «Кауро» – снова уйдет в кругосветку, он завещал развеять свой прах в устье Даугавы и у мыса Горн. Светлана написала книгу о плавании латвийского катамарана вокруг света, первой кругосветки за всю небольшую историю этого маленького государства. Русский вариант книги она прислала нам по интернету. Мы читали о приключениях (а их было много!) пяти мужественных мореплавате-

лей и гордились, что знаем их.

Шли годы. Мы поддерживали изредка связь со Светланой и Сашей. Вот одно из их писем.

Дорогие Гина и Петр!

Merry Christmas and Happy New Year!

Будьте здоровыми и счастливыми! Как ваши дела? Ремонт нашего катамарана почти закончен и он перевезен к воде (Мангаш), собраны корпуса и мачта. Весной будем обкатывать новый двигатель. В конце лета постараемся выйти. Маршрут: Riga-Rio Grande do Sul-Cape Town-Frimantle-Sidney-New Zeland-Puerto Monte-Chilen fiords-Cape Horn-Rio Grande do Sul-Riga. Дай бог!

Обнимаем вас. Светлана и Александр. 26/12/2007.

Сначала мы думали, что название «Кауро» – это латышское слово, а потом узнали, что строитель его, капитан Валдис Грененбергс, назвал в 1977 году свое детище аббревиатурой, которая расшифровывается как «Катамаран Автономный с Унифицированными ПОплавками».

1 ноября 2008 года катамаран простился с родными берегами и ушел в океан, ушел в кругосветное плавание. Одной из целей было – доставить пепел праха капитана Грененбергса к мысу Горн и развеять его там. На борту были четверо любителей приключений: капитан Александр Попов (1948 г. р.), кок-радиист и «по совместительству» – жена капитана Светлана Тимофеева (1948 г. р.), боцман Айгар Грененбергс-Гринбергс (1970 г. р.) и механик Николай Ведерников (1957 г. р.). (Я пользуюсь данными латвийской газеты «Телеграф».)

Через два месяца, когда «Кауро» находился у берегов Португалии, на борту произошел пожар. Пострадал механик Ведерников, его пришлось госпитализировать. Катамаран продолжил плавание, а механик через пять дней прилетел в Ригу.

Если верить намекам «Телеграфа», то механик пострадал не от пожара, а якобы был избит, так как на его руках были следы драки или же руки были крепко связаны. Сам Ведерников хранит молчание, но через призму произошедшего мне просматривается какой-то неблагоприятный поступок, из-за которого пришлось списать на берег и отправить обратно в Латвию этого механика.

В Португалии он написал заявление в полицию, но потом забрал его. Полиция сказала латвийскому консулу, что он сам во всем виноват. Видимо, так оно и было. Даже сейчас Ведерников категорически отказывается рассказать, что произошло, ибо невестка Светланы – Кристина Тимофеева прилетала на Канары, когда катамаран зашел туда, и наверняка знает правду.

«Море – это работа и страсть, – пишет газета «Телеграф». – Кругосветное путешествие могут выбирать только одержимые идеей, а не те, кто отправился в плавание за компанию. Психика может не выдержать ни тесноты, ни бескрайних морских просторов».

После Канар «Кауро» пересек Атлантику, заходил в Рио-де-Жанейро и Рио Гранде до Сул, а затем проложил курс на Кейптаун. 2 сентября 2009 года была последняя связь с катамараном, находившемся в Индийском океане (можно эти широты отнести и к Южному океану, охватывающему Антарктиду). Его координаты были 38°20'S, 22°06'E. И позже катамаран по пути в Австралию на связь не вышел. Катамаран «Кауро» с тремя людьми на борту исчез.

В латвийской прессе было много разных измышлений, вплоть до таких: мол, экипаж перебил друг друга.

«Телеграф» в разделе «Лучшие комментарии» поместил мое короткое сообщение: «Мы встречались с «Кауро» на Кабо-Верде, когда он возвращался из своей первой кругосветки. Приятные добрые люди. Не верю в криминальную версию, даже если бы случилось плохое, кто-то остался бы жив и довел катамаран до порта. Мое мнение: произошло опрокидывание в суровых широтах, и никто не спасся. Что касается EPIRB – радиобуя, посылающего сигнал «sos», то не всегда он срабатывает, если оказался под водой заклиненным. Вечная память мужественным мореплавателям».

Помещаю здесь несколько страниц из книги Светланы Тимофеевой.

31 января встали на буй в яхт-клубе «Afasyn» в городе Ушайя – самом южном городе Аргентины. От красоты панорамы просто захватывает дух. Городок (30 тысяч жителей)

расположен подковой в лагуне, окаймленной остроконечными горами, с вершинами, покрытыми снегом. У причала – бело-снежные круизные лайнеры, на буях покачиваются яхты. Но у нас свои прозаические проблемы – ремонт двигателей, часть деталей заказали в мастерской. Получили чилийскую визу, а аргентинская заканчивается, и продление обходится в копейку. На нашу просьбу дать 2–3 дня для окончания ремонта моторов получили категорический отказ. Рано утром 14 февраля под зарифленным гротом и штормовым стакселем покинули аргентинский порт и днем пришли в самый южный городок Чили и мира – Пуэрто-Вильямс – 55°S. В конце концов, встали к пирсу у яхт-клуба «Micalvi», который представляет собой старый притопленный пароход «Victory». Здесь есть бар и душ. Встретили знакомые яхты – «Cadeu» и «Pelagic» с Кеном, который уже побывал у мыса Горн. Городок маленький, в основном – это военно-морская база Чили. Здесь мы получили разрешение на ремонт двигателя. Отнесли в мастерскую, оснащенную токарными и сверлильными станками, маховик и коленвал. Сержант Гектор, приветливый молодой офицер, взялся за токарные работы, Валдис и Александр делали остальное. Юра и Стас буквально приволокли из леса кусок старого английского бронетранспортера. Он пошел на ремонт маховика. Работа над двигателем продолжалась несколько дней и прервалась только на время приезда президента республики Чили Ричарда Лагоса. Тогда мастерскую закрыли, а военные наводили лоск. В итоге двигатель был собран и даже работал, пуская густой белый дым. Прибывший на катамаран офицер проверил наличие необходимых приборов, спасательных средств, проверил работу двигателя (дабы он не принялся испускать где-нибудь солярку, загрязняя девственные воды Чили). Затем мы получили официальное разрешение на проход по территориальным водам страны, в том числе и вокруг мыса Горн.

5 марта отдали швартовы и, пройдя под мотором 25 миль, зашли в Пунто-Горо, так как подул довольно сильный встречный ветер. Встали в бухточке, завели два конца на берег и бросили наш 60-килограммовый якорь с кормы. Ночью

шел мокрый снег, утром выглянуло солнышко, и началось паломничество к нашей лодке местных рыбаков, предлагающих ведрами красных королевских раков, желательно в обмен на пиво или водку. Увы, у нас ничего подобного не было. Тем не менее, три ведра крабов получили в обмен на сигареты и просто в подарок. Два дня питались только этими дарами моря, урчали от удовольствия.

Получив более или менее благоприятный прогноз, пошли на острова Вулластон. Моросящий дождь, настроение – настороженно-возбужденное. Подошли к острову Горн, связались с радио «Control de Hornos» и доложились, как предполагается; в ответ: «Buen navegacion!» Обходим мыс Горн с хорошей скоростью, Александр – на руле. За спиной – Атлантический океан, впереди – Тихий, справа – мыс Горн, слева – пролив Дрейка: хорошая компания! Прошли в 150 метрах от знаменитого мыса, солнце сияет, и Валдис сияет, как начищенный самовар. Это произошло в 15:18.5 по местному времени (18:18.5 по UTC) 7 марта 2001 года. Затем побежали прятаться в бухточку, и вовремя: ветер переменился – WSW до 25 узлов. Стали в бухте Мартиаль, по обыкновению, два конца завели на берег, якорь – с кормы (якорный конец – 60 метров). Ветер усилился до 40 узлов, порывы до 45.

12 марта ветер спал, идем под двигателем к острову Горн. Валдис, Юра, Игорь и я на резиновой лодке подошли к берегу, а Александр и Станислав остались на катамаране и крутились поблизости. Наш десант побывал в домике «Control de Hornos», и *senor oficial* поставил симпатичные штампы знаменитого острова в паспорта. Сфотографировались возле монумента «Чайка», посвященного погибшим мореходам, и поспешили на судно.

Дальнейший наш путь проходил по чилийским фиордам, очень похожим на норвежские. 700 миль мы прошли за 40 дней, ночами мы обязаны были стоять где-нибудь, в бухточках, на якоре, и лишь днем двигаться по проливам. Практически все время лил дождь, ветер, большей частью, встречный, лишь пять дней была тихая солнечная погода.

В один из таких чудных дней мы проходили уникальные по красоте места, где с вершин гор спадали огромные массивы ледяных водопадов (глетчеров). Девственность фиордов, их тишина и зеркальная гладь вызывали восторг, желание раствориться в этой красоте. Заигрывание с катамараном двух небольших китов в проливе Педро, монументальный крест Cruz de los Mares на оконечности американского континента в проливе Магеллана, узость Agosta Ingles с мадонной Мария-Розарией и младенцем Сан Николасом на руках (на маленьком островке рядом с точкой резкого поворота фарватера), – все это незабываемо.

ЧИЛИ

В яхт-клубе чилийского порта Валдивия мы встретили несколько европейских яхт и среди них одну под флагом Чешской республики, на которой две молодые пары делали кругосветку. Нам было приятно, что они еще и говорили по-русски. Одного из парней звали Андрей. Завтра намечался их выход из порта в сторону архипелага Хуан-Фернандес (один из островов называется Робинзон Крузо, второй – Александр Селькирк, который послужил прототипом Робинзона). Город Валдивия известен в мире тем, что здесь в 1960 году произошло ужасное землетрясение, унесшее жизни более шести тысяч человек. Когда-то, в 1544 году, сюда пришел испанский конкистадор Педро Валдивия и соорудил форт на берегу реки. Но вскоре местные жители, которых неправильно называют индейцами, напали ночью на спящих испанцев и уничтожили всех захватчиков, включая Педро. Места эти на долгие годы были забыты новоиспеченным государством Чили, почти до XIX столетия, когда после революции в Европе сюда добралось несколько тысяч немцев. Хотя мы и иронизируем порой о «немецком порядке», который Гитлер пытался распространить по всей планете, и в первую очередь на территорию СССР, но пришедшие немцы с присущим им трудолюбием взялись устраивать свою жизнь. Они были «пионерами», вроде европейцев в Северной Америке, только в отличие от североамериканского сброда не уничтожали местное население, и вскоре в южной части Чили стали вырастать города, заводы, фабрики, плантации фруктовых деревьев, виноградники. Климат здесь более мягкий, чем в Баварии. Сейчас, проезжая по городам и весям южного Чили, чувствуешь себя как в Германии: немецкие домики, немецкий говор, немецкие школы и много фабрик и за-

водов с марками немецких компаний. И эксплуатация тоже немецкая – минимальная зарплата 100 долларов США. Гина была поражена ценой чилийского вина – цена, как в Лондоне. Яблоки тоже дорогие.

Порт Corral – небольшой городок на левом берегу устья реки Валдивия, был когда-то местом, где высадились первые немцы-поселенцы. Сейчас сюда заходят большие суда за древесной щепой – край богат лесом. В 1960 году землетрясение сдвинуло огромную плиту и вызвало высокую волну – цунами. Жители Corral, очевидцы этого, рассказывали нам, как гигантская волна захлестнула нижнюю часть города (а их дома стояли на горе), и когда она отхлынула, то от домов и жителей ничего не осталось. Все население нижней части города погибло. Стоявшие на якоре 2 парохода также стали жертвами цунами. Один из них до сих пор виден посередине реки, мачты его и часть надстройки выглядят как монумент несчастью. Но большинство моряков спаслось. Третий пароход, который вышел в море часом раньше, исчез навсегда. Видимо, гигантская волна подмяла его и похоронила в океанских глубинах.

Мы прибыли в Чили в 2010 году в мае месяце, вскоре после сильного землетрясения и цунами около города Консепсьон. Страна, протянувшаяся узкой полоской вдоль тихоокеанского побережья у самого подножия Анд, усеянных вулканами (их здесь около 500, из которых 125 – активных), являет собой уникальное место подземной активности нашей планеты. Эксперты по землетрясениям утверждают, что раньше или позже Чили исчезнет, засыпанное лавой или будет утащено гигантским цунами на дно океана. В течение месяца мы три раза ощущали колебания почвы в разных местах от Puerto Montt до Valparaíso. Первый раз, когда мы были в музее Сальвадора Альенде, служитель музея успокоил нас, мол, в Сантьяго не опасно. Здание очень прочное. Кстати, в Сантьяго мы видели, как полиция разгоняла мирную первомайскую демонстрацию газом и водой. Страна при нынешнем президенте Пинеиро, ставленнике США, недалеко ушла от времен Пиночета.

Второй толчок, вернее, колебания под ногами мы ощутили

в кабанье – небольшом деревянном домике около Валдивии. В этом домике проводила отпуск Гинина дочь Франсиска с мужем Хосе и маленькой Лилианой-Папайей. Когда Франсиска была беременна, она сказала, что, мол, внутри меня что-то круглое, как папайя (тропический фрукт, напоминающий по форме и вкусу дыню, только растет на дереве). И когда родилась дочка, она дала ей двойное имя. Правда, родителям Хосе, – а он чилиец, вулканолог, доктор наук, – не понравилось такое имя, поскольку в Латинской Америке словом «папайя» называют не только фрукт, но иногда и женские гинеталии. Поэтому второе имя осталось только в свидетельстве о рождении, а в паспорт записали «Лилиана-Мария» (Мария – бабушка Хосе). Сейчас Франсиска (все друзья зовут ее Siski, даже на обложках ее книг – у нее несколько бестселлеров – стоит: Siski Green) опять ожидает ребенка. После проверки ультразвуком она сказала: «А сейчас у меня манго внутри». Мы с Гиной смеемся: если будет сын, она назовет его Манго.

Третий толчок – почти у Puerto Montt (порт Монтт).

Порт Монтт ($\phi = 41^{\circ}30'S$, $\lambda = 73^{\circ}00'W$) – место, которое не минует ни одна яхта, идущая из Атлантики в Тихий океан проливом Магеллана. Плавание через многочисленные шхеры Чилийского архипелага (правда, скандинавское слово «шхеры» здесь не употребляют) с сильными течениями и катабатиком – шквалистым, чуть не ураганной силы ветром, срывающимся с гор; с якорными стоянками, на ночь требующими заправки кормового шпринга за растущее на скалистом берегу дерево или за большой валун, – все это так утомляет мореплавателей, что, когда они входят в Seno de Reloncavi, залив, где в северной части притаился Puerto Montt, а затем – в канал Tenglo, радость захлестывает морские души почти брызгами шампанского, невзирая на дождливо-мглистую погоду и серую картину гористых холмов, не всегда имеющих плодородный слой почвы для произрастания неприхотливых хвойных деревьев. Но в целом край этот богат лесом. Сюда в 1853 году пришли 150 немецких колонизаторов, как пишут о них в энциклопедиях, но слово это в русском языке с советских времен несет неверную смысловую нагрузку – «захватчики»,

поэтому прибывших издалека, переплывших океаны немцев лучше называть просто переселенцами, ибо они переселились из беспокойной в то время Европы в чилийскую «тайгу» и основали здесь поселок, выросший вскоре в город. Президент Чили сеньор Монтт выделил солидные средства на развитие города и порта, и поэтому жители нарекли свое поселение его именем.

Сейчас в городе около 170 тысяч жителей, отсюда ежедневно отправляются круизные суда на близлежащие острова. В 1960 году город сильно пострадал от землетрясения.

Яхтенный клуб, или марина (как мне сказал мой друг Сергей Афонин, редактор яхтенного журнала «Капитан-Клуб» (Ленинград), сейчас и в России это слово начинает использоваться), может принять к своим понтонным причалам 70 плавсредств, не так уж и много, но нужно знать, что от Puerto Montt до Punta Arena в проливе Магеллана нет ни одного подобного клуба. Здесь есть только два неудобства: первое – далеко от города, и автобусы сюда не ходят, а такси, как всегда, – дорогое удовольствие; второе – прилив очень высокий, до семи метров, понтоны, или плавучие причалы (так можно назвать их), скользят вверх-вниз по высокой металлической трубе. Когда сверху – удобно: ступил с яхты на причал, и ты сразу на берегу; когда же отлив – нужно подниматься по скользким ступенькам, рискуя поскользнуться. Мы-то не очень страдали – зашли и сразу ушли, а вот наши хорошие друзья Джулиан Мусто (яхта «Harier») и Герард (яхта «Boekrah») стояли здесь по полгода, оба – в разное время из-за поломки двигателя. Небольшая радость была эта стоянка: город скучный, продукты дорогие, развлечений мало. Но наши друзья продолжили свои плавания: Джулиан – через Тихий океан, Герард пошел в Уругвай. Оба они – одиночки, то есть на борту яхт нет ни одного человека больше.

27 февраля 2010 года в Чили произошло землетрясение силой 8,8 балла по шкале Рихтера. 27 февраля 2010 года в чилийский порт Coquimbo должна была зайти яхта «Columbia» с пятью членами экипажа на борту. Но она не зашла. Сильное цунами, вызванное землетрясением, погубило много людей.

Штаб Военно-Морских Сил Чили дал неверный прогноз. Не все жители прибрежной зоны эвакуировались, адмирал из-за этого потерял свой пост.

На борту яхты «Columbia» кроме капитана и его жены были три «студента», если можно в шутку так назвать 50-летнюю канадку Jade, 22-летнюю канадку Lisa и 23-летнего австралийца Mithell, которые решили изучить парусное дело во время плавания из Эквадора в Чили. После цунами родственники «студентов» забеспокоились о судьбе яхты, о судьбе своих близких, находящихся на ней. Вскоре был объявлен аварийный поиск «Columbia», суда и яхты, находящиеся в Тихом океане, получили оповещение. Три континента и около 500 яхтсменов искали пропавшую яхту. Катера береговой охраны Чили прочесывали прибрежные воды. Яхта исчезла. Только 44 дня спустя от намеченной даты прибытия «Columbia» зашла в порт Coquimbo.

Эта история приобрела скандальную окраску.

Стальная 13-метровая «Columbia» с развевающимся на кормовом флагштоке британским флагом уже много лет базировалась в яхтенном порту Salinas (Эквадор). Мы с Гиной не были в этом порту, мы были только в Guayaquil, но знаем, что кроме яхт и мотоботов сюда ни одно судно не заходит.

На борту этой выкрашенной в белый цвет яхты красовалось большими буквами: «Discovery Sailing Academy» (парусная академия).

Хозяин яхты Bronislav Norwid – поляк по происхождению, как он о себе говорит, но одна женщина в Facebook сообщила, что он – польский еврей (и я тоже к этому склоняюсь, судя по нижеописанному). По паспорту – гражданин Франции, место жительства – Канада, флаг – английский, в общем, вся «родословная» очень запутанная, как почти у всех изгоев-евреев. (Американский писатель В. Набоков первым назвал евреев изгоями, ибо они не имеют Родины, но стремятся захватить чужую, как сделали с Палестиной и Россией.) Так вот, этот Bronislav – он просил всех называть его Bob, на американский манер, – занимался парусным бизнесом. В красочной брошюре расписано, какие чудесные перспективы

ожидают людей, решивших изучить парусное дело на борту «Columbia»: вы увидите стада китов, чудные закаты с зелеными лучами, экзотических рыб, пойманных на крючок во время плавания, и самое заманчивое – после завершения вы получите сертификат (диплом) яхтенного капитана RYA (Royal Yachting Association – Королевской яхтенной Ассоциации).

Прочитав эту брошюру, две женщины из Канады и мужчина из Австралии прилетели в Эквадор, подписали контракт с Бобом на плавание до Чили, рассчитанное на 40 дней, уплатили по 3500 долларов США наличными и стали членами экипажа. Капитан яхты, 60-летний мужчина низенького роста, salty old sea captain (соленый старый морской капитан) – так написано в брошюре, и его жена показались новым «студентам» приятными людьми. 17 января яхта вышла из порта и направилась на юг в сторону Чили. Гидро- и метеоусловия у тихоокеанского побережья Южной Америки таковы, что парусному судну (яхта – это тоже судно) идти из Эквадора в Чили вдоль берега при встречном перуанском течении и господствующих южных ветрах очень сложно. Поэтому обычная практика для парусников – сначала идти на зюйд-вест, а удалившись от материка чуть ли не на тысячу миль и выйдя из-под влияния течения и ветров, ложиться на румб зюйд-ост. Путь удлиняется на 500–600 миль, но по времени уменьшается. Капитан яхты рассчитывал прибыть в порт назначения через 40 суток и за это время научить «студентов» мастерству плавания под парусами. Новые члены экипажа перед выходом сообщили своим близким о планируемой дате прибытия в порт Coquimbo и просили не волноваться 40 дней.

Первый день плавания был чудесным: спокойное море с легким бризом, новизна морской жизни, кажущейся необычным приключением, белоснежные паруса, первые уроки навигации, новые друзья. Но это был первый и последний такой день за все долгое плавание. Канадки, впервые вышедшие в море, начали страдать от морской болезни. Капитан словно не видел этого и заставлял их нести вахты. Особенно был он жесток с 50-летней Jade, которая часто ошибалась. Однажды она забыла закрыть вентиль в туалете, и хоть пресная вода не вытекала

за борт, шкипер (я больше не буду именовать его капитаном) запретил ей на сутки пользоваться туалетом. Это был какой-то садизм. Женщине пришлось справлять нужду в воду, сидя корточках, привязавшись страховочным ремнем. «Несколько раз я чуть не упала за борт», – рассказывала Jade.

Когда вошли в полосу затишья, ветер часто менял направление, но шкипер не запускал двигатель, а шел только под парусом. «Я иду с ветром, – говорил он, – куда ветер – туда и иду». «Студентам» это казалось странным, но когда они пытались спросить у него об этом, он кричал: «Я здесь капитан, не задавайте дурацких вопросов, а делайте то, что говорю вам». Атмосфера на борту яхты стала ужасной. Жена капитана вскоре перестала нести вахты и большую часть времени проводила в койке.

Наступили 40-е сутки плавания, а «Columbia» находилась почти в тысяче миль от побережья. «Студенты» стали просить шкипера связаться с каким-нибудь судном по радио и дать информацию их семьям, что с ними все в порядке. Но хозяин яхты категорически запретил включать радиостанцию, мол, аккумуляторы посадим. Женщины возмутились и отказались нести вахту. «Это мятеж, – кричал взбешенный шкипер, – я отдам вас под суд по приходу». Он не доверял «студентам» ничего, они не могли вскипятить на плите даже чай. После обеда, когда шкипер отдыхал, запрещалось разговаривать друг с другом, дабы не беспокоить его. «Было ощущение, будто мы спустились в ад, негативные эмоции, чувство страха, злобы, ненависти сгрудились вокруг нас зловещим туманом», – вспоминала позже Jade.

Вместо 40 дней плавание длилось 84. Для опытного капитана, каковым Bob Norwid себя считал, это более чем странно. Тем более что он хорошо знал эти воды и не мог по ошибке заблудиться в океане. Нет, это не ошибка и неблагоприятное стечение обстоятельств. Это было сознательное удлинение рейса, чтобы получить психоболезненное удовольствие от издевательств над экипажем. Когда его спрашивали: «В конце концов, когда мы придем в Чили?» – ответ был: «Когда придем, тогда и придем».

Здесь просматривается злополучный синдром «капитана Блая» (мятеж на «Боунти»), только вместо розог Norwid носил психические удары незащищенным «студентам», полностью зависимым от его решений. Еще одна женщина – подобная «студентка» – пишет в интернете, что в одном рейсе они были готовы выбросить этого шкипера за борт из-за его зловерности.

Кончались продукты. Последние 30 дней они сидели на жесткой диете: рис, макароны, овсянка. В день – чашка риса и одна банка рыбных консервов на 5 человек. Хлеб давно кончился, а ленивая жена шкипера не имела понятия о выпечке. Молодой австралиец больше всех страдал от голода, а шкипер оскорблял его: «Ты – толстая прожорливая свинья». Но, тем не менее, шкипер с женой каждый вечер устраивали в кокпите «happy hour» (веселый час), распивая ром с фруктовым соком, «студенты» же получали в день по пол-литра воды и одну чашку чая.

Один яхтсмен, хорошо знавший Norwid, пишет о нем: «Он низенького роста, всего 5 футов ($\approx$ 1 метр 50 сантиметров), и у него сильно развит синдром маленького человека: унижая других, он чувствует себя высоким». Точно такой же синдром, по моему мнению, у двух маленьких еврейчиков – Путина и Медведева, которые кроваво унижают русских и белорусов. Такой синдром был у еврея Франко, испанского диктатора.

Когда «Columbia» с измученным экипажем на 84-е сутки зашла в чилийский порт, эта история стала известна журналистам. Чилийские власти запросили Англию об этой яхте и получили ответ, что такая яхта не числится в реестре Великобритании. Norwid сделал фальшивый британский сертификат, он же выдавал фальшивые дипломы яхтенного капитана Королевской яхтенной Ассоциации – RYA. Портовые власти сняли с флагштока британский флаг, яхта была арестована. Был ли привлечен к суду фальшивый шкипер Norwid, не знаем, вскоре мы покинули Чили.

РАССКАЗЫ ДМИТРИЯ УСОВА

Эти невыдуманные короткие рассказы прислал мой друг Дмитрий Усов, начальник радиостанции теплохода «Молочанск».

Мы стояли в Ливерпуле. Это был мой первый рейс в качестве начальника судовой радиостанции. Четвертым помощником на нашем теплоходе «Молочанск»

был Шурик Попко, только-только окончивший ОВИМУ и совершавший первый рейс. Это сейчас он – капитан дальнего плавания Александр Иванович, а тогда иначе, как Шурик, мы его и не звали. В рейс он ушел сразу после училища, поэтому обзавестись какой-либо гражданской одеждой Шурик не успел, и на все случаи у него была только одна пара брюк. В рейсе «молния» на этих брюках разошлась, и я взялся их ремонтировать. Навыки ремонта одежды сохранились у меня с мореходки, где нам самим приходилось перешивать свою форменную одежду и подгонять ее под себя. Я проделал в брюках с двух сторон ширинки отверстия, вставил в них черный шнурок от обуви, и Шурик успешно проходил в них до прихода в порт. В Ливерпуле нам выдали кое-какую валюту, и мы отправились искать Шурику брюки.

За пределами порта нашли небольшой магазинчик с одной продавщицей, сидевшей у входа за стойкой. Заводилой в нашей компании был Жорик Килимник, третий помощник капитана, балагур и выпивоха, очень компанейский человек. Шурик стал выбирать себе брюки, и когда нашел подходящие, то Жора с лукавым видом поменял ценник от брюк, выбранных Шуриком, с ценой примерно 10 фунтов стерлингов, на ценник от висевших рядом более дешевых брюк с ценой 3–4 фунта. Шурик рассчи-

тался на кассе и стал счастливым обладателем новых брюк с нормальной молнией, да еще приобретенных со значительной, хоть и «неофициальной», скидкой.

Вообще в рейсе приходилось заниматься самыми неожиданными делами. Так, один раз в радиорубку зашел наш капитан, «дядька Московчук», как мы его звали, так как был он в довольно преклонном возрасте – где-то уже за 60 с гаком. Зашел и протягивает мне свои очки. «Почини, – говорит, – ты – начальник, а значит, умеешь и очки чинить». Я изумленно взял их, ведь капитану не откажешь, и пришлось ремонтировать ему очки.

Сочтя мой первый опыт ремонта «бытовой» техники положительным, в следующий раз капитан принес мне на ремонт секундомер. Этот важный прибор был совершенно незаменим в рейсе, когда о спутниковой навигации слыхом не слыхивали, и секундомеры использовались штурманами для ежедневного определения точки местонахождения судна. Из пяти или шести секундомеров, бывших у нас на «Молочанске», работоспособными к тому моменту остались один или два. И вот капитан принес мне сложенные секундомеры и попросил из двух-трех сломанных собрать хотя бы еще один. Попотеть мне пришлось изрядно, так как детали там маленькие, часовых инструментов не было никаких, а навыков ремонта таких механизмов и подавно. Тем не менее, один секундомер я все-таки исправил и гордо отнес на мостик. Штурманцы вздохнули облегченно.

В другой раз, когда мы направлялись домой в Одессу, из строя вышел лаг – прибор для измерения скорости судна. Одно время приборы измерения скорости судна и глубины – лаг и эхолот – были на заведовании начальника радиостанции, и они содержались в более-менее приличном состоянии. Потом чьим-то распоряжением они были переданы на заведование четвертому помощнику капитана, который с техникой никогда дела не имел, и приборы стали чаще ломаться. Так было и у нас в рейсе. По мере сил мы старались помочь четвертому помощнику починить лаг, но не всегда это удавалось. Так и в этот раз: копались-копались, но починить не удалось. До порта было не так далеко, и решили

дотянуть до Союза, а там сдать лаг на ремонт в навигационную камеру. Но скорость надо было знать, и ее стали измерять, засекая время прохождения судна относительно неподвижной точки на воде. Роль точки играл бросаемый за борт кусок доски. Старпом, стоя на баке, бросал доску за борт, громко кричал и включал секундомер. Штурман на корме включал по его команде свой секундомер, и при прохождении доски мимо кормы тоже давал команду криком, и оба секундомера останавливались. Показания сличались, и, зная длину судна и время прохождения его мимо доски, вычисляли скорость. Так как эта процедура для точности повторялась по два-три раза, то от однообразных процедур старпом несколько «обалдел» и в очередной раз, приготовившись бросать доску, он громко крикнул, размахнулся – и швырнул за борт секундомер! Хорошо, что Одесса была уже недалеко!

Радиооператором на нашем теплоходе был Константин Алексеевич Беляков, имевший стаж радиста еще с послевоенных времен, работавший на ключе как бог, вернее, как ДКМ (датчик кода Морзе), принимавший радиogramмы с любой скоростью и записывавший их от руки каллиграфическим почерком. Звали мы его просто Алексеич. Разница в возрасте у нас была порядка 30 лет, но так как обязанности были довольно четко распределены, то недоразумений между нами не возникало. У Алексеича было довольно скептическое отношение к Советской власти и к судовому начальству, особенно к помполиту и стармеху.

По иронии судьбы, из-за своей должности (второй радиооператор) Алексеич каждый политический учебный год попадал в группу с молодыми ребятами – третьими и четвертыми помощниками капитана, третьим и четвертым механиками и прочей молодежью. И когда начиналось изучение партийно-политических документов типа биографии Ленина или истории КПСС, то на первом занятии, когда руководитель группы (обычно – помполит) произносил: «Ну, товарищи, мы приступаем с вами к изучению...», Алексеич ехидно замечал: «А я это уже в восьмой раз начинаю изучать!» (Алексеичу тогда было 52–53 года.) Первый помощник скрипел зубами от негодования, но возразить ничего

не мог – Алексеич говорил чистую правду.

Как-то раз мы в своей компании за чашкой чая говорили о том, кто какие способы применяет при бессоннице. Алексеич слушал-слушал, и неожиданно изрек: «А я сказки читаю, когда не могу заснуть!» Мы в недоумении: какие сказки в таком возрасте? «Да-да, сказки, – говорит Алексеич, – сказки XXII-го или XXIII-го съезда КПСС. Пару страниц прочту – и сразу засыпаю!» И ухмыляется.

Недолюбливал Алексеич и старшего механика. Стармехом на «Молочанске» был Олег Петрович Вепренцев – тоже старый моряк, опытный механик-практик, но, как все одесситы, немного хитрован. Как-то раз в столовой команды после ужина было собрание: избирали председателя судового комитета – местной ячейки профсоюза. Начальство сидело за отдельным столом. Команда расслабленно расположилась вокруг – никому в руководство профсоюзом особенно не хотелось, и после предложения помполита выдвигать кандидатуры стояла тишина. Вдруг Алексеич поднимает руку и говорит: «А я предлагаю в председатели судкома Олега Ивановича Вепренцева!» Помполит недоуменно посмотрел на Алексеича: избирать в руководящие органы общественных организаций старший комсостав не практиковалось, – и спросил: «А почему вы так считаете?» «А то он все равно ничего не делает, так пусть хоть тут поработает!»

Пьем чай в моей каюте. Компания у нас была постоянная: я, Алексеич, третий помощник Жора Килимник и четвертый помощник Шурик Попко. Чай пили основательно, по три-четыре порции. Когда попадался хороший, когда и барахло: приходилось пить грузинский да азербайджанский. Сахар к чаю часто был кубинский – желтоватый, слипшийся в куски, с торчащими волосками от джутовых мешков. Алексеич торжественно подхватывает такой кусок весом граммов 100–150, подносит к моей чашке и невинно спрашивает: «Дима, тебе три или четыре ложечки сахара положить?»

• • •

Сидим в радиорубке. Алексеич принимает радиограммы для членов экипажа – мы их называли «частные радиограммы», –

которые нам слали из дома. С торжественно-серьезным видом печатает на машинке и громко читает мне принимаемый текст, нарочно меняя ударения в словах: «...сообщи, куда пИсать! Ну надо же такое мужу прислать!» И смеется, довольный.

• • •

Отход из Ильичевки. После обеда отошли от причала, вышли в море, легли курсом на Босфор, суета немного улеглась, и наша компания собралась у меня в каюте пить чай. Каюта у меня была большая, с отдельным столиком в середине и угловым диваном рядом с ним. Чай пьем не самый хороший – азербайджанский. Когда стояли в Ильичевске, я обошел несколько магазинов, чтобы запастись чаем в рейс. Кроме азербайджанского, не было никакого. Пришлось купить его, да еще и в пакетиках. А до этого в рейсе мы сбросились и купили пару пачек «Липтона» в пакетиках – с ниточками и бирками «Lipton Yellow Label».

Пакетики валялись у меня в столе, высохшие и ненужные, а вот нитки и бирочки пригодились. Я их отрывал от родных и прикрепил степлером к пакетикам азербайджанского чая, безо всякой задней мысли, а только чтобы было удобнее опускать пакетики в чашки.

Опробовать изобретение пришлось сразу после отхода. Вышли с порта в тот раз мы довольно поздно, в открытом море были уже часа в 22.

Собралась в моей каюте вся наша компания пить чай – я, второй радист Алексеич, третий и четвертый помощники капитана. Расслабленная атмосфера, полчаса заслуженного отдыха, впереди – рейс то ли на Индию, то ли на Вьетнам.

Стук в дверь каюты – заходит стармех, Олег Иванович. Он принес для отправки в Одессу Дисп1/Мех (за точность наименования не ручаюсь по причине давности лет). Это радиограмма в кодированной форме, содержащая сведения относительно машинного отделения судна для использования в системе АСУ – автоматизированной системе управления пароходством. Были они разных форм – Дисп1/Отход, Дисп1/Приход, Дисп1/Порт, и в том числе Дисп1/Мех. Эти радиограммы необходимо было отправлять максимально быстро, чтобы информация не устарела.

Но так как второму радисту все равно на вахту заступать только с 0 часов и раньше радиogramма не будет передана, то мы пригласили Олега Ивановича выпить с нами чая. Он согласился, мы достали пакетик чая на бирочке, чашку и налили туда кипятка. Пока чай настаивался, Олег Иванович стал внимательно рассматривать бирку на ниточке пакетика чая и, как настоящий моряк, тут же стал рассказывать историю о том, что он совсем молодым мотористом был на стоянке в Бомбее, где в советском торгпредстве проживал какой-то грузин — профессионал разведения чая, и который вроде бы учил индусов, как надо выращивать чай. И что этот чайный профессионал учил Олега Ивановича, как необходимо обращаться с чаем, заваривать его, оценивать и прочее. Мы уже почувствовали, что в воздухе запахло анекдотом. И ситуация действительно стала анекдотичной, когда Олег Иванович, отхлебнув из чашки азербайджанский чай с приколотой биркой «Lipton», таки изрек: «Вот это чай, какая терпкость, какой вкус! Не то, что наши - грузинский или азербайджанский!»

Какое-то время были страшно модными индийские марлевые платья-сарафаны с широкой резинкой на груди. Народ закупал их десятками, как-то провозили через таможню, потом сбывали в Одессе. Ходим по базару в Калькутте, моряки передвигаются между лавчонками, торгуются до посинения. У одной из лавочек матрос из моей группы перебирает эти платья уже минут пять. То одно возьмет, то другое. Пятое, десятое... Продавец-индус сначала спокойно смотрел, потом занервничал, и, наконец, указывая рукой на гору лежащей перед лавкой марлевки, истошным голосом завизжал: «Адинаковий!»

• • •

Начальником радиостанции я стал совсем молодым — в 23 года. Плавценз у меня уже был, образование — среднее специальное — позволяло, и после очередного рейса я пошел в отдел кадров к своему инспектору и взял направление на сдачу экзаменов на звание радиооператора первого класса. Наличие такого диплома позволяло занимать должность начальника судовой радиостанции на всех типах судов. Сначала надо было сдать экзамены по пожарной безопасности и по технике безопасности.

Я почитал учебник по пожарной безопасности и довольно спокойно сдал экзамен. После этого сразу пошел на технику безопасности. И тут у меня процесс сдачи застопорился. Я взял учебник, почитал его ночью, наутро явился сдавать — и не сдал. Надо сказать, что дело это было нелегкое, так как учебник содержал сведения по технике безопасности по всем судовым специальностям сразу, и запомнить информацию, относящуюся к работе палубной или машинной команды, было довольно сложно. Ну, к примеру, мне, радисту, попался такой вопрос: «Как осуществляется тушение факела, которым разжигаются форсунки парового котла?» Я с трудом представляю, что такое форсунка, а тут еще и факел, которым она разжигается... Информации, относящейся к моей непосредственной работе, в этом учебнике было совсем мало. Но сдавать как-то надо было, я себя уже не представлял не начальником радиостанции. Опять сел, зубрю, через пару дней прихожу — снова завал. Это уже серьезно. Как мы говорили, «дело пахнет керосином»! Лаборант — то ли военный отставник, то ли пенсионер пароходства — довольно серьезно мне сказал, что если в следующий раз не сдам, то он сообщит инспектору отдела кадров. Настроение — хуже некуда. А надо сказать, что тогда в связи с попытками внедрения «вычислительной техники и автоматики» в кабинете техники безопасности установили экзаменационные приборы по типу тех, на которых сдают экзамены в ГАИ: десять окошек с вопросами и ответами и кнопки рядом с ними. Включается прибор, и поочередно надо нажать на кнопки с правильными ответами. Ответил правильно на все вопросы — загорается «отлично», один ответ неправильный — «хорошо», два неправильных — «удовлетворительно». Карточки с вопросами периодически заменяются. Лаборант с добродушно-спокойным видом подходит к приборчику, ключиком открывает корпус, меняет карту с вопросами. Также осуществляется и проверка правильности ответов. Внутри корпуса прибора есть переключатель, который в одном положении позволяет работать в нормальном режиме, а в другом — позволяет блокировать все кнопки с неправильными ответами. Поняв, что идти прямым путем у меня не получится, я запомнил размеры ключика — такого же, как для завода детских игрушек, — и уехал на выходные к

родителям в Кишинев. Дома я изготовил дубликат этого ключика и, с внутренней уверенностью в победе, утренняя дизелем в понедельник приехал в Одессу и явился в кабинет техники безопасности. Процесс пошел обычным путем: лаборант вставил в прибор карту с вопросами-ответами, усадил меня за него и, как всегда, удалился из кабинета минут на десять-пятнадцать. Не теряя времени, я открыл приборчик, переключил тумблер и стал нажимать кнопки. Нажимались только с правильными ответами. Я их записал, нажал сброс, снова переключился на режим экзамена, закрыл приборчик ключиком и нажимал на уже известные мне правильные ответы. Чтобы не вызвать ненужных подозрений, на один из вопросов специально дал неправильный ответ. Нажал итог – высветилось «хорошо». Сразу спало напряжение последних дней. У соседнего прибора какой-то моряк тоже сдавал экзамен по технике безопасности. Шепотом я сказал ему: «Давай помогу!» «Я пока сам пробую», – тоже шепотом ответил он. «Ну-ну, давай», – подумал я про себя и стал дожидаться прихода лаборанта. Тот появился и так же добродушно проверил мои ответы, поставил мне зачет, и два экзамена остались позади. Далее были экзамены в службе связи пароходства, но это было уже легче, так как свою работу я знал хорошо.

• • •

Первый рейс начальником радиостанции выдался веселым и напряженным. Отрицательным моментом было то, что вначале пришлось приобретать практические навыки обслуживания аппаратуры. Ответственность за работу передающих, приемных и радиолокационных устройств лежит на начальнике радиостанции, а так как предыдущие три года я был радиооператором, то и прямой работы с техникой не имел – ремонтом в основном занимался начальник радиостанции, я же был только на подхвате и особенно мозги не напрягал. В новой должности отвечать за все пришлось мне, и я перечитывал учебники и руководства по обслуживанию техники, так как должен был обеспечить ее работоспособность на весь рейс. А радиолокатор «Дон» на нашем судне был один и совсем старенький, так что на стоянке в портах я в штурманской рубке частенько лежал под ним, разложив на палубе длинные, на-

клеенные на марлю схемы блоков радиолокатора.

А самый первый казус с радиолокатором и проверку меня на выживаемость как начальника радиостанции я прошел сразу по выходу из порта в первый рейс. Перед отходом слегка перепили, и я крепко уснул в каюте. Проснулся от телефонного звонка. Штурман сказал, что капитан вызывает меня на мостик. «Да-да, иду», – ответил я и опять заснул. Через минут двадцать позвонил уже сам капитан, «дядька Московчук», и требовательно сказал: «Начальник, у нас локатор не работает! Быстро поднимись сюда!» Я немного протрезвел и поднялся на мостик. Ночь, темно, только светятся приборы.

Подхожу к локатору – нет изображения на экране. А через вентиляционные отверстия кожуха видно, что лампы светятся, вроде, должен работать. Снимаю кожухи с прибора, начинаю приглядываться и вижу: с левой стороны радиолокатора постоянно искрит. Попросил фонарик, мне посветили, и я увидел, что с одной из планок навесного монтажа пробивает искра на корпус, «шьет», как мы выражались. Не мудрствуя лукаво, взял спичку, обкусил ее и подsunул под эту самую планку, чтобы отдалить ее от корпуса. Искра пропала, изображение на экране появилось. Так я прошел свое «боевое крещение» в должности начальника радиостанции, или, как мы подписывали радиогаммы, отправляемые в пароходство, ШРМ. Спасибо капитану, он не стал вспоминать потом мое опоздание; я ему благодарен и больше не подводил его. Впоследствии на мостике установили второй, новый, радиолокатор, и в рейсе стало намного комфортнее и безопаснее.

• • •

Для связи на коротких волнах в моей радиорубке на «Молчанске» стоял передатчик Р-641. Здоровенная бандура мощностью на выходе 1 киловатт, со сложной системой настройки на частоту передачи, с большим количеством ручек настройки и целой книжкой, где были пропечатаны положения этих самых ручек при настройке передатчика на различные частоты. Перестройка с частоты на частоту требовала определенных навыков и скорости, так как на береговых радиостанциях существовали очереди, и приходилось занимать на разных радиостанциях по

несколько очередей и для этого быстро перестраивать передатчик с частоты на частоту. Опоздаешь – береговые радисты начинают принимать радиogramмы от другого судна, а это часто надолго. Поэтому когда нас посылали на другую частоту передачи, то надо было максимально быстро выставить пять-шесть ручек настройки в новое положение, найти оптимумынастройки колебательных контуров по приборам и после этого начать работу с береговой станцией уже на новой частоте.

Во многих портах мира запрещалось работать на передачу при стоянке у причала. Были страны, где категорически нельзя было работать, а были и такие, где зафиксировать факт выхода в эфир никто не мог, и поэтому прибегали к опломбированию передающих устройств. Подобную операцию делали на наших судах и во вьетнамских портах. И хотя это была дружественная страна, все равно при постановке судна к причалу приходил какой-то инспектор и опечатывал радиопередатчик. Он обвязывал все ручки настройки передатчика ниткой и приклеивал бумажную пломбу. Вьетнамцы рассчитывали на то, что невозможно будет вращать ручки настройки, иначе пришлось бы порвать нитку. Однако нас это не останавливало, и когда надо было выходить в эфир, мы аккуратно откручивали винтики, крепившие ручки к осям, аккуратно клали всю эту конструкцию с нетронутыми нитками и бумажками сбоку, на стол, и начинали настраивать передатчик, просто вращая торчащие из него оси. Иногда вьетнамцы заклеивали широкой бумагой главный выключатель питания, чтобы невозможно было подать на передатчик напряжение 220 вольт. Однако и это решалось просто: перед заходом в Хайфон или в Дананг мы оставляли рукоятку питания в положении «Включено» и отключали рубильник на силовом щите. Передатчик отключался. Когда же надо было выходить в эфир, то просто включался рубильник, и передатчик снова был готов к работе. Хотя при стоянке в портах можно было пользоваться услугами береговых радиостанций для передачи информации в пароходство, но часто это стоило денег, и капитаны просили начальников радиостанций по возможности пользоваться судовыми средствами связи. Там, где это возможно, конечно.

ВЕНЕСУЭЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ

К моменту завершения работы над рукописью этой книги мы с Гиной провели в Венесуэле четыре года, посетили почти все порты – большие и малые – и все острова, за исключением Blanquilla, где есть проблема с питьевой водой. Каждый год только на месяц-два летали в Европу повидать детей, провести дом. У нас появилось много друзей, мы почти с профессиональным любопытством изучаем жизнь этой страны, второй, после Кубы, начавшей строить социализм в Южной Америке. Именно поэтому мы любим Венесуэлу, мы любим президента Чавеса, мудрого, человеческого политика, сделавшего много хорошего для простых людей. Нам довелось побывать во всех странах этого континента, кроме Боливии с ее заманчивым озером Титикака – высота в 4000 метров отпугнула нас, один наш знакомый чуть не умер там из-за сердечной недостаточности. Жизнь в Венесуэле самая хорошая, самая недорогая на континенте, и не только из-за мизерных цен на топливо, газ, электричество; продукты питания тоже дешевле, чем в других странах, а созданная правительством система государственных магазинов Mercal продает продукты в два раза дешевле, чем частные магазины. Чавес строит социализм XXI столетия, по его образному выражению. В стране существует еще капитализм с частной собственностью. Но постепенно все больше и больше предприятий национализируются, вопреки яростному сопротивлению оппозиции, которая поддерживается реакционными режимами США, Израиля и полуфашистской Европой и является горькой бедой Венесуэлы. Почти все газеты находятся в ее руках, и там пишут только одно, звучит один привычный мотивчик – все, мол, у нас плохо. Ни разу не упомянули о том, что за время правления Чавеса черта уровня бедности из-

менилась с 58 % до 8 %. В соседней Колумбии – мы недавно там были, – военной базе США (7 тысяч американских солдат находятся в этой стране) на сегодняшний день 50 % населения живет ниже черты бедности, но об этом оппозиционная пресса не упоминает. Сейчас мировые massmedia – средства массовой информации – находятся в руках евреев-сионистов. (К примеру, выходящие в Лондоне на русском языке четыре газеты принадлежат евреям.) И они через свои грязные, но глубоко продуманные программы пытаются завоевать умы посредственно мыслящих людей. И делают это небезуспешно. Поэтому вся Европа, за исключением Беларуси, голосует на выборах за правые полуфашистские партии. Это уже было перед Второй мировой войной, только сегодня фашизм называется сионизмом. No pasaran! Не пройдет!

БЕЗВИЗОВЫЙ ВЪЕЗД

Когда был разгромлен Советский Союз, так называемую «независимость» Литвы первой в Южной Америке признала Венесуэла, где президентом был ставленник США. Быстро нашли литовца, в свое время сотрудничавшего с немецко-фашистской армией и убежавшего на Запад, как и бывший президент Литвы Адамкус – солдат гитлеровской армии. Под аплодисменты назначили этого литовца послом Литвы в Венесуэле и сделали безвизовую договоренность. Из бывшего СССР в Венесуэлу могут въезжать без визы только литовцы, эстонцам и латышам нужна виза. С приходом к власти Чавеса как-то получилось, что посольство Литвы испарилось как дым: в хуторской Литве не было денег на его содержание. Но безвизовый режим сохранился. Правда, буржуазное литовское правительство ввело односторонние визы для венесуэльцев, но кто хочет ехать в эту нищую, с заросшими бурьяном полями Литву?

Не знаю, как часто приезжают литовские туристы в Венесуэлу, боюсь, что за все время никто из литовцев в качестве нормального туриста здесь не был. Но вот в прошлом году в аэропорту Порламар на острове Маргарита была арестована

молодая пара из Литвы с годовалым ребенком. Перед вылетом в Европу они вели себя немного нервно, что и бросилось в глаза полицейскому. Попросили их пройти на проверку. В багаже ничего не нашли, но в желудках с помощью рентгена обнаружили пакеты. После слабительного «туристы» освободили из желудков по 700 граммов героина в целлофановых пакетах. В Литве они были бы богатыми людьми, сумей доставить наркотик туда. О том, какой вред нанесут они молодежи – эти люди, конечно, несколько не волновались. По венесуэльским законам за транзит наркотиков дают 24 года тюрьмы. Не знаю, сколько получили они и где сидит эта пара с малышом. И как долго просидит.

Через несколько месяцев опять заметка в газете: поймали молодую литовку с двумя килограммами наркотика в багаже.

Плохую услугу оказывает литовцам безвизовый въезд в Венесуэлу.

...Я улетал из Каракаса в Минск, где вышла моя вторая книга. В аэропорту на проходе к регистрации стояли двое полицейских, мужчина и женщина. «Antidrug police» – антинаркотическая полиция. Когда подошла моя очередь, женщина-полицейский долго рассматривала мой литовский паспорт, потом попросила подойти к столу и предъявить багаж, – а это всего-навсего маленький чемоданчик и рюкзак. В чемодане были две упаковки ракушек – подарок для одной минской школы. И я боялся, что могут придраться: мол, вывозите наше природное богатство. Но женщина равнодушно взглянула на ракушки и стала засовывать длинное шило в обшивку чемодана, затем рассматривала шило и даже нюхала. Что-то сказала своему напарнику, и тот попросил меня пройти в комнату – офис. Там он сказал мне, что хотят проверить мой желудок на предмет наркотиков. «Пройдемте в туалет», – сказал он. В туалете он дал мне маленький стаканчик. «Нам нужна ваша моча для анализа». А я, как назло, десять минут назад был в туалете, и как ни пыжился, не удалось выдавить ни капли. Плюс нервозность – регистрация уже началась, как бы не пропустить рейс. Полицейский терпеливо ждал. «Не получится», – сказал я. «Тогда придется просвечивать вам желудок

на рентгене». – «Пожалуйста, какие проблемы. Только я не понимаю, почему такая проверка в отношении меня, довольно пожилого мужчины». – «У вас литовский паспорт». Я искренне рассмеялся, и, видимо, это сыграло свою положительную роль. Мы вернулись в офис. Рентген в тот день не работал. Офицер подумал, подумал и стал составлять протокол проверки гражданина Литвы – имярек, пригласил двух свидетелей подписать этот документ и отпустил меня восвояси.

Возможно, кроме двух описанных случаев с литовскими «туристами», были еще любители легкой наживы, но спрашивать у офицера я не стал – спешил на регистрацию. Так что имидж Литвы в Венесуэле очень пострадал, и как бы не ввели визовый режим из-за наркодилеров.

GORDON

Мы стояли на якоре (с заводкой шпринга с кормы на берег) в маленькой бухте Scotland bay на острове Тринидад. Здесь было около десятка яхт, некоторые из них, судя по обрастанию корпуса, стояли давно. Бухта тихая, рядом с портом, и хоть пиратов в этой стране много, но сюда они не «залезали». Нашими соседями слева оказалась большая яхта «Piesemaker». Три месяцами ранее мы встречались с ней в Бразилии, в порту Cabedelo. Gordon (Гордон), высокий, под два метра немец, и маленькая, не выше 150 сантиметров женщина с темной кожей – Ashle (родители ее из Непала) пришли в Южную Америку из Кейптауна. Муж Ashle (Ашли) – зубной доктор – умер, и она встретила Гордона. Пара приметная. Рядом с высоким Гордоном Ашли выглядела ребенком, хотя обоим по 45 лет. Гордон когда-то плавал на пассажирском лайнере стюардом, но, тем не менее, неплохо разбирался в моторах и дал мне много полезных советов. Мы с симпатией относились к ним и были искренне рады этому знакомству. Знаем, что они однажды хотели слетать в Германию к матери Гордона, но немецкое посольство не дало визу Ашли (они не женаты официально). Мы не спрашивали Ашли о ее жизни в Южной Африке во времена апартеида. Цвет ее кожи черный, как у не-

гритянки, но черты лица тонкие, почти европейские; непальцы вообще красивая нация. Нас удивило только одно: какой-то ее нелепый расизм в отношении негров, будто она – белая женщина. Мы с Гиной посмеивались тихонько между собой, слушая, как эта черная женщина с пренебрежением говорит о неграх. Но в остальном она была милой, приятной женщиной и, кажется, с Гордоном они жили в любви уже третий год.

Мы недолго стояли в Scotland bay, распрощались с «Piesemaker» и пошли по цепочке наветренных Антильских островов, посещая каждый из них, до самой Мартиники. Через три месяца зашли на венесуэльский остров Маргарита. И там от наших знакомых узнали необычную новость: Ашли вышла замуж за немецкого доктора и сейчас живет с ним на его яхте. Произошла пикантная история. Гордон улетел к матери в Германию, Ашли осталась на яхте в бухте на острове Тринидад. Через неделю Гордон получил по интернету письмо от нее: «Я вышла замуж». Не знаем, был ли он расстроен, но знаем, что жениться он не собирался никогда. И боялся завести нечаянно детей, поэтому сделал себе стерилизацию. Сексуальный аппетит он от этой операции не потерял, и вскоре через интернет нашел в Кении (где когда-то жил несколько лет) молоденькую невысокую негритянку Зиппи (Zippy – Sepfira), слетал за ней, привез в Венесуэлу, и они стали жить на яхте как муж и жена. Как-то он проговорился нам, что всегда предпочитал черных девушек: они, мол, более послушные, у них, дескать, сохранились от рабских времен уважение и страх перед белыми.

Приятно было видеть всякий раз веселую, всегда улыбающуюся Зиппи. Она подружилась с Гиной и делилась с ней своими секретами. Испанского языка она не знала, как и Гордон, и мы иногда помогали им. Она из небогатой, почти бедной семьи, но все-таки успешно окончила школу и мечтала учиться в университете. Жизнь на яхте, плавание из Тринидада в Венесуэлу на остров Маргарита были для нее настоящей экзотикой. Поначалу она радовалась раскрывшемуся окошку в другой мир. Но ей, умной по натуре, видимо, вскоре надоело быть только любовницей, кухаркой. Она написала пару рас-

сказов и отправила в журнал «Compass», который издается на Карибах для яхтенных людей. Рассказы напечатали, и Зиппи получила свои первые сто долларов. Гордон посчитал, что по интеллекту он ниже Зиппи, и это сыграло свою роль в том, что через два года Зиппи улетела от него в родную Кению, где поступила в колледж. Учится успешно и продолжает писать рассказы. Жизнь небогатая. Но ее сообщения – письма Гине – пронизаны радостью. Мы немножко помогаем ей деньгами.

С Ашли мы встретились опять в порту Puerto La Cruz, куда зашла их яхта. Здесь мы познакомились с ее мужем. Он врач. Но у него проблема с ногами, и, кажется, – так говорят люди – женился он на Ашли, чтобы она была его медсестрой. С ними были еще двое мужчин – их друзей из Тринидада. Вечером Ашли и ее муж пригласили нас в дорогой ресторан. Мы удивились, видя, как много пьют они виски. Гина – опытный глаз журналистки! – сказала, что они еще и любители наркотиков.

Потом в бухточке Laguna Chica (Венесуэла) мы увидели две яхты: одна – «Piecemaker» Гордона и вторая – «Sadko» под канадским флагом с чехом Вацлавом, которому, судя по его морщинистому телу, лет под 80. Он удрал из Чехословакии в 1956 году после неудачного переворота сионистов, которым он помогал. Когда вышел на пенсию, купил яхту и назвал ее русским именем «Садко». Три года назад по интернету нашел и пригласил на яхту молодую, лет 35, чешку Сузанну. (Она сказала нам, что Вацлав соврал, сказав, что ему только 50 лет.) Она, инженер-химик, провела на яхте Вацлава почти три года. Они зарабатывали неплохие деньги в чартере, то есть возили по Карибским островам богатых туристов. Но так получилось, что в порту Сумана (Кумана) Сузанна встретила Гордона и через два дня перебралась к нему на яхту. Вацлав выбросил в воду все ее вещи, но это ведь не поможет. Хороший урок для старых мужчин. Никогда молодая девушка, женщина не будет любить старика. Это природа, а против природы не попрешь, как шутят русские мужики.

Мы продолжали дружить с Гордоном и его новой подругой. Я иногда даже пел ей:

Сузанна, Сузанна, Сузанна,
Летят лепестки, словно снег.
В Москве о тебе постоянно
Тоскует один человек.

Сузанна не забыла еще русский язык и была рада этой песне. Сейчас они на острове Тринидад. Мы поддерживаем с Гордоном связь по интернету, иногда он помогает мне техническими советами.

Мир полон хороших и необычных людей, поэтому он и существует.

ЛЕТЧИК ПАУЛЬ

Мы с Гиной однажды сели на автобус и отправились посмотреть экзотическую часть Венесуэлы – La Gran Sabana (Большая Саванна), которая «разместилась» на обширном плато, поднявшемся на 1000 метров над уровнем океана. Плато изобилует многочисленными водопадами, здесь же большая «коллекция» столообразных гор, вроде гигантских скал. Местные индейцы называют их «тепин». На северо-западе саванны находится самый высокий в мире водопад – 979 метров, носивший до недавнего времени имя «Angel». В 1935 году американский летчик Angel, работавший на золотодобывающую компанию, впервые увидел его и хотел приземлиться на вершине, но при посадке сломалось одно шасси, и летчику вместе с двумя компаньонами и женой пришлось добираться до людей одиннадцать дней. Сейчас этот отреставрированный самолет стоит в музее города Боливар, а водопаду вернули исконное название – Кегеракураи мери, что на языке местных индейцев племени «пемон» обозначает «водопад высочайший». Нам с Гиной не довелось увидеть его, был сухой сезон и водопад «не работал».

Мы побывали на пяти водопадах, под самым большим – 50-метровым – Гина купалась, она вообще заядлая любительница купаний, а я не рискнул лезть в почти ледяную воду.

Мы доехали до небольшого городка St. Elena и остановились в недорогой гостинице, намереваясь вскоре съездить в

бразильский город Манаус на Амазонке, но в консульстве Бразилии возникла какая-то проблема с визой для литовцев. На следующий день арендовали «лендровер» с гидом-шофером и поехали на целый день смотреть саванну.

Заехали в индейскую деревню племени «пемон». Племя – около 27 тысяч человек – живет на плато в 125 селениях. Деревня аккуратная, чистая, с красивыми домиками, на крышах которых – обязательная спутниковая антенна.

Индейцы, с которыми мы общались, оставили самое приятное впечатление: красивые, умные люди, высокоинтеллектуальные. Мне вспоминались слова знаменитого полярного исследователя адмирала Пири (он покорил Северный Полюс в 1909 году) о гренландских эскимосах, с которыми прожил несколько месяцев.

«...Они дикари, но они не жестоки, они живут без правительства, но у них нет беззакония, они крайне необразованны по нашим стандартам, но показывают высокий уровень интеллекта, темпераментные, восторгаясь любой новой вещью, как дети, они, тем не менее, показывают себя как наиболее цивилизованные мужчины и женщины, и самое наилучшее у них – их преданность до смерти. Без религии и без какой-либо идеи бога они поделятся последним куском пищи с голодным, а забота о престарелых и беспомощных у них – естественное дело. Они здоровы, с крепким телом, они не имеют пороков, алкогольных напитков и дурных привычек – даже азартных игр. Несомненно, эти люди уникальны на нашей планете». (Перевод с английского мой. – *Автор.*)

Пири написал это в начале XX века, но столетие – маленькая мера времени, чтобы кардинально изменить все хорошее, заложенное в человеке. Беседуя со многими индейцами, мы с Гиной чувствовали их высокий интеллект, девочки-подростки были очень красивы и выглядели принцессами со смуглой кожей. Слова Пири об эскимосах можно отнести и к индейцам, которых мы видели.

В Венесуэле, как ни в одной стране Латинской Америки, – я не люблю это слово «Латинская», в нем так и звучит: «Покоренная европейцами», – забота о коренном населении

очень высока, в правительстве Чавеса создано Министерство по индейским вопросам. Мы однажды встречались с двумя женщинами: одна – член парламента, вторая (немка) – врач, работающая в миссии среди индейцев. Врач, побывавшая во многих странах Южной Америки, сказала, что в Венесуэле индейцы получают самую значительную помощь от правительства и имеют высокий уровень жизни.

Наш гид предлагал съездить в район, богатый драгоценными металлами и алмазами. Там работает много «дикарей»-добытчиков. И вправду, через два дня в нашей гостинице поселились двое русских молодых мужчин-золотоискателей, что было необычно для столь удаленного от России места. Но, как пел когда-то Высоцкий, сейчас и «в парижских туалетах есть надписи на русском языке». На Gran Sabana браконьерствуют сотни и сотни золотоискателей. Только недавно правительство Венесуэлы начало наводить порядок в этом уголке. Беседуя с земляками, я понял, что они тоже занимаются нелегальным бизнесом, хоть и под прикрытием какой-то вымышленной фирмы.

Поскольку поездка на Амазонку не состоялась, мы решили освоить реку Ориноко. Идти на яхте туда мы не рискнули, хотя некоторые наши друзья совершили плавание в эту вторую по величине реку Южной Америки. Мы посетили три крупных порта: Puerto Ordaz, Puerto Felix и Ciudad Bolivar. В порту Ordaz стояло несколько балкеров, берущих руду и минералы, а в порту Felix мы подходили к танкеру с украинским экипажем, но полиция не разрешила нам подняться на борт. Танкер был арестован. Таможенники нашли на нем 1000 тонн контрабандной солянки, которую хотели нелегально вывезти из страны. На танкерах, берущих нефтепродукты в Венесуэле, балуются этим.

В городе Bolivar (Боливар) мы поселились в уютной посадке «Don Carlos». Наши друзья с немецкой яхты, рекомендовавшие эту посадку, сказали, что хозяин ее – немец.

В офисе посадки нас встретил высокий, лет под пятьдесят, мужчина. «Нет, – сказал он, – я не хозяин, я – менеджер (управляющий). Хозяин Питер сейчас в Германии». И он

протянул нам руку: «Пауль». Узнав, что Гина немка, он тут же перешел на немецкий. А когда я сказал, что я русский, он чуть не обнял меня: «Наконец-то узнаю правду об этой стране». Мы сели за столик с чаем, и я поведал ему о гибели подводной лодки «Курск» от американской торпеды, о трагедии России и русского народа, поработанного израильтянами путиными, медведевыми и прочими абрамовичами. «Вообще-то, я сам – еврей, – сказал Пауль, – и часто слышу негативное о евреях, но я не разделяю политику сионизма». Он сказал, что после разгрома ГДР его отцу вернули большой дом в Берлине. (Я заметил грустную гримасу на лице Гины.)

Гина родилась в восточной части Германии, аннексированной от Чехии согласно Мюнхенскому договору. Мать ее была из полуаристократического рода, а отцом был знаменитый финский композитор Kilpinen Yrjö, «второй после Сибелиуса», как пишет о нем Wikipedia. С приходом Советской Армии и восстановлением прежних границ семья Гины переехала в небольшое селение Tannenberg в гористой части юга Саксонии. Четырнадцатилетней, Гина продолжила учиться в школе Восточного Берлина (ГДР), а после окончания школы поступила на актерский факультет Deutsche Hochschule für Filmkunst – аналог советского ВГИКа. На последнем курсе вышла замуж за английского студента-кинооператора. Мать его – коммунистка из Великобритании – преподавала английский язык в этом же институте. Потом они жили в Лондоне. Гина работала на Би-Би-Си диктором в немецких передачах, снималась в небольших ролях в фильмах, но вскоре переквалифицировалась в телевизионную журналистку, актерское образование и дарование помогли этому. В то время Запад высокомерно не признавал Германскую Демократическую Республику, как сейчас не признает социалистическую Беларусь. Группа прогрессивных тележурналистов-коммунистов из Швеции, Дании, ФРГ и Англии зарегистрировала шведскую фирму и стала снимать документальные фильмы для телевидения ГДР, разъезжая по всему миру. Гина вошла в ее состав. В разные годы своей творческой работы она брала интервью у вице-президента США, у папы римского, у астронавта, по-

бывавшего на Луне (если это правда!), и у многих видных политиков. Когда сионизм разгромил ГДР и СССР, Гина продолжала делать фильмы для «Немецкой Волны» и Би-Би-Си. Во время съемок фильма о русских моряках в порту Лервик (Шетландские острова) она встретила меня, а я встретил ее. Через два месяца мы стали мужем и женой. Одна их Гининых дочерей – Галина – живет в Восточном Берлине в большом пятиэтажном доме, владельцем которого стал потомок какого-то богача, вроде отца Пауля (но, кажется, не еврея – я с ним встречался). Поэтому на лице Гины и мелькнуло грустное выражение – она хранит светлую память о своей Родине.

Узнав, что я – морской капитан, Пауль воскликнул: «Вот здорово, а я капитан авиалайнера, почти всю жизнь работал на бельгийских авиалиниях, последние шесть лет летал в Анголу на большом «MD», берущем 300 пассажиров». Мы разговорились о Луанде, в которой я бывал. «Может быть, я даже летал на твоём самолете в Киншасу и далее на Брюссель». – «Очень даже возможно, это был как раз мой маршрут. Из Анголы мы имели хороший привесок к заработку, – разоткровенничался Пауль. – Алмазы. Мы скупали их по-дешевке и привозили домой, благо, нас не проверяли».

Я вспомнил мой вылет из Луанды. У самого самолета повторно досматривали багаж. Белые охранники просили пассажиров открыть чемоданы и шарили по всем уголкам. Я вез с собой солидную сумму в долларах, полученную от нашего партнера для фирмы, и был страшно испуган – ведь не задекларированы, не дай бог, конфискуют. Я стал что-то объяснять досмотрщику, но он улыбнулся и сказал: «Не беспокойтесь, мы ищем алмазы», и у меня тысячетонная нервная нагрузка свалилась с плеч на ангольский грунт, богатый алмазами.

Пауль рассмеялся после моего рассказа. «А что заставило тебя приехать в Венесуэлу?» – «Я вышел на пенсию – летчики рано становятся пенсионерами, – а один друг подсказал, что из Венесуэлы можно легко доставлять в США на маленьких самолетиках “экзотический груз”. (Я моментально догадался, что «экзотический груз» – это наркотики.) Для начала взял в аренду (он назвал марку легкого самолета) и полетел в проб-

ный рейс в США. Когда пролетал над островом Кюрасао, случилась беда: разлетелось ветровое стекло, и осколки впились мне в лицо, правый глаз был поврежден. Я почти ничего не видел, но успел повернуть в сторону посадочной полосы местного аэродрома. Как я сел – не помню, помню только, что на большой еще скорости врезался в ангар и потерял сознание. Очнулся в больнице. Глаз мой спасли, но когда вернулся в Венесуэлу, у меня началась нервная депрессия, и я два года лечился у психиатров. Что-то изменилось в моем сознании. Когда я окончательно выздоровел, перестал думать об “экзотических грузах”, женился на венесуэлке, у нас родилась дочь, мы живем дружно и счастливо». «Как мы с Гиной», – сказал я, улыбаясь. Пауль познакомил нас со своей темнокожей женой и дочкой, и я думаю, если бы мы остались в Боливаре жить, то были бы хорошими друзьями. «Ты так откровенен со мной», – сказал я ему. «Не знаю, почему, но я чувствую необъяснимую симпатию к тебе, Петр». – «Спасибо».

СОБАЧЬЯ ЯХТА

Мы стали на якорь в ковше небольшой судовой верфи «Navimса» рядом с яхтой под венесуэльским флагом, с которой раздался многоголосый собачий лай. Пока Гина убирала авторулевой и наводила порядок в кокпите, я стоял на носу и считал собак у соседа. Их на палубе оказалось семь. Пожилой мужчина прикрикнул на свой «экипаж» и сказал, что здесь хорошая якорная стоянка. «Сколько у вас собак?» – спросил я. «Десять». У нас не было времени расспрашивать мужчину о его питомцах, мы спешили на берег в офис. По пути встретили несколько молодых парней. «Что это за странная яхта?» – спросил я их. Парни дружно рассмеялись: «Эти собаки – его жены». Я улыбнулся их шутке. На следующее утро нашу яхту подняли на сушу, и больше собак-моряков мы не видели. Через полтора года мы снова зашли в «Navimса» для мелкого ремонта.

Выйдя на берег, увидели яхту, стоящую на площадке в стороне от других судов (здесь около 20 единиц плавсредств),

с широкой сходней, по которой бегали собаки. Это оказалась яхта нашего старого «знакомо» с собачьим экипажем. Некоторые из четвероногих бегали по территории верфи и были далеко не дружелюбны, так что пришлось вооружиться палкой. Рыбаки с ремонтируемых траулеров сказали мне: «Сумасшедший гринго, всем надоел со своей псарней». Мне было очень интересно узнать об этом человеке. Когда я приблизился к его яхте, с полдюжины собак бросились ко мне, оскалив клыки. Хозяин, стоявший недалеко, прикрикнул на них и подошел ко мне. «Хельмут», – представился он, пожимая протянутую мною руку. Я был с ним приветлив и сказал, что хотел бы немного написать о нем в своей книге. «Меня здесь не любят», – сказал Хельмут. Чувствовалось, что он рад беседе со мной и, разоткровенничавшись, рассказал о себе. Он немец, чуточку с фашистским уклоном мышления, ему за 70. В Венесуэле 40 лет. Жена умерла давно. Дети в Европе. Пятнадцать лет назад он стоял со своей яхтой в Puerto La Cruz. Одна маленькая бездомная собачонка, слонявшаяся по причалу в поисках пищи, подошла к яхте Хельмута. Он покормил ее, и она стала постоянно находиться около яхты доброго человека.

Через пару дней он взял ее на борт, и она стала заправским членом экипажа. «Я люблю животных, и мне всегда жалко голодных портовых собак». Еще одна беденькая собачка смотрела голодными глазами, как Хельмут кормил свою новую подругу. И она тоже стала членом «экипажа». Вскоре на борту было пять собак. «Все сучки», – уточнил их хозяин. «И сколько сейчас?» – «Одиннадцать». – «Какое наибольшее количество было?» – «Не поверишь, двадцать семь. Две сучки оценились, и был большой выводок. Но сейчас все они стерилизованы. Кобелей не держу». – «Были какие-нибудь неприятности из-за собак?» – «На острове Кюрасао одна укусила за колено мужчину, и хоть не было крови, суд заставил меня заплатить ему 1000 долларов».

Я не был на борту его яхты, но и издали было видно, что там грязновато. Но каждый из нас живет по-своему, по собственному разумению. Главное – быть счастливым. Конечно, Хельмут большую часть времени стоит в портах, а здесь пото-

му, что старая яхта – 30 лет – требовала ремонта. «Наверно, прокормить такую свору – нужны немалые деньги», – сказал я. «У меня солидная пенсия от немецкой компании, где работал». Я пожал Хельмуту руку и пожелал счастливых дней с его «командой». Может быть, он немножко и чудаковат, но столько лет содержать собак – это все-таки вызывает уважение к нему.

ЗЕМЛЯКИ

Мы часто якорились напротив небольшого отеля в поселке Medregal. Когда однажды сошли на берег, с радостным удивлением увидели там русских – пятерых мужчин и одну милую девушку. Я почти обнимал их: так давно не видел земляков, и вдруг в этой «дыре» (в этот отель редко заезжают постояльцы) – такой подарок для меня. Мы говорили, говорили, я расспрашивал их обо всем. Они – нефтяники, большинство из них – доктора и кандидаты наук, имеют контракт с венесуэльской фирмой. Базируются в Матурине (центр провинции, богатой залежами нефти). «Вот, нашли в интернете недорогой отель – посадку, где можно самим готовить пищу, и приехали сюда на неделю отдохнуть», – сказал мне Саша, переводчик группы. «А что делает с нефтяниками эта девушка?» – «Таня – эколог, готовит кандидатскую диссертацию». Все были, по-тропически, в плавках. пляж напротив отеля илистый, но небольшой плавательный бассейн компенсировал это неудобство. Мы близко подружились с земляками. Я подарил переводчику Саше мою книгу «Капитан, родившийся в рубашке», которую он «проглотил» в два дня и пересказал ее товарищам. Ко мне подошел здоровый мускулистый татарин Люмир Феткулаев: «Петр, как бы мне заполучить твою книгу?» – «Раз ты скоро собираешься домой в Москву, то позвони моему товарищу Сергею Герасимову, у него есть несколько экземпляров». (Через месяц у Люмира была моя книга.) Я посмотрел на загорелый торс собеседника, исполосованный большими шрамами. «Откуда это?» – «Афганистан. Чудом выжил». Он поведал мне одну печальную историю.

«...Мы входили в маленькое горное селение. Вдруг из ближайшего дома выскакивает пацан с “калашниковым” и открывает огонь по колонне. Кто-то из товарищей упал, но и пацан падает мертвым. Из-за стены внезапно появилась его мать, схватила автомат из рук сына и уже готова была нажать на курок, нацелив ствол на меня, но я всадил в нее пол-обоймы... Не могу забыть ее глаза, глаза умирающей женщины, защищавшей свою землю. Думаю, что Афганистан не сломят ни США, ни профашистская натовская Западная Европа».

На следующий день мы пригласили всю группу на борт «Pedroma», подняли паруса, и несколько часов ребята, особенно Таня, радовались, как дети: никто из них ранее не ходил под парусом. И мы с Гиной радовались, что доставили людям удовольствие. Это самая большая радость – делать людям добро.

КОШКА МУРЧА

Моя дочь Наташа шла мимо пруда недалеко от нашего дома и увидела, как двое пацанов бросали маленького котенка в воду, в холодную

апрельскую воду. Он выкарабкался на берег, его снова бросали в воду. Что за жестокость! Наташа со слезами на глазах стала просить не топить котенка. «А что ты нам дашь за это?» Наташа порылась в карманах, нашла монеты и отдала этим литовским подросткам. Это было время, когда в так называемой «независимой» Литве в одночасье исчезла человечность, каждый стал, по образному выражению Достоевского, «жидом», то есть старался добыть деньги любым путем. Почти каждый литовский подросток, продавая на улице что-либо, говорил: «Я буду миллионером, как Рокфеллер».

Наташа принесла котенка домой, мокрого, дрожащего от холодного купания. Мы вытерли его, высушили, налили в блюдце теплого молочка, и маленький зверек стал возвращаться к жизни. «Мама не разрешит оставить его дома», – дочка знала мамин характер и побаивалась. Пришла мама. «Никаких кошек в доме!» Но после маленькой дискуссии и рассказа о спасении она сказала: «Ладно уж, если это кот – оставляйте, если кошка – нет». Наташа с волнением и надеждой смотрела на меня, пока я устанавливал пол котенка. «Кот». Хотя ясно было, что это кошечка. Дочка заговорщицки смотрела на меня и была наверху счастья.

Прошел месяц. Я собирался в рейс в Шотландию. И вдруг мама обнаружила, что у нас живет не кот, а кошка. «Вот и забирай ее с собой на судно!» Что я и сделал. Дочка, провожая меня, принесла Мурку (до этого мы звали котенка «Мурчик»), устроила в моей каюте «гнездо» для нее и чуть не плакала, расставаясь. Как известно, кошки привязываются к

месту и чуть-чуть – к хозяевам, в отличие от собак. Мурка приняла мою каюту как собственную и вскоре уже играла с заводным пластмассовым мышонком. Единственная проблема была – отучить ее точить когти об обшивку кресел и дивана. Кусок доски, поставленный в каюте, устроил ее, и она остригла свои когти о дерево.

На вторую ночь, когда мы шли спокойным Каттегатом, я проснулся от того, что что-то легло на мою грудь (я имею привычку спать на спине, заложив руки за голову). Проснувшись, я услышал легкое мурчанье и понял, что это Мурча (с этого момента я стал звать ее так) удобно устроилась на моей теплой груди. «Мурча, Мурча», – сказал я и начал гладить ее. Она от удовольствия замурлыкала еще громче. Всем нужна ласка: и зверям, и людям. Кошачье мурчание – это просто волшебная музыка, чем-то сродни музыке воды у берега моря. Врачи утверждают (и не без оснований), если имеешь проблемы с сердцем, положи на грудь кошку, пусть она мурлычет. Мягкая вибрация успокаивает нервную систему, уровень адреналина снижается и сердце бьется ритмично.

Иногда я до полуночи задерживался на мостике, и когда входил в каюту, Мурча соскакивала с кресла и легонько терлась-ласкалась у моих ног, как бы спрашивая: «Когда же я могу устроиться на твоей груди?» Думаю, ей нравилось ритмичное биение моего сердца, и она блаженствовала. Может, в ее подсознании остались памятные импульсы сердцебиения мамы-кошки, когда сама она была еще зародышем. Мне это совсем не мешало спать, кошечка была такая маленькая, такая легкая. Когда я переворачивался во сне на правый бок, Мурча тоже передвигалась и всегда ложилась рядом с сердцем, но никогда – по каким-то кошачьим инстинктам – на сердце. За час до рассвета она уходила. Звериное чутье подсказывало, что это лучшее время для охоты. Охотиться вроде бы было не на кого – крыс на борту не было.

Мурча подрастала, и вскоре моей каюты ей стало мало, началось «расширение» территории. Она не спеша изучила коридоры, зашла в гости к буфетчице Лайме в кают-компанию, затем спустилась палубой ниже. На камбузе, где трудились

только женщины, она чувствовала себя среди своих, только вскоре старший помощник капитана «запретил» ей заход туда – место приготовления пищи должно быть идеально чистым. Вся команда, без исключения, любила Мурчу, и она отвечала всем взаимностью. Кажется, не оставила без внимания ни одной каюты. Пришла однажды «домой» чуть запахканная мазутом – значит, была в машинном отделении; шум работающих дизель-генераторов не пугал ее.

Когда мы принимали рыбу от шотландских траулеров, Мурча садилась чуть поодаль от рабочего места. Матросы быстро двигались, вода из шланга иногда брызгала далеко, заставляя кошку прятаться за кнехт или прыгать в коридор. Кто-то из моряков заметил кошку и бросил ей почти живую селедку. Мурча одной лапой, чуть пренебрежительно, словно боясь испачкать когти о мокрую рыбу, в долю секунды подтягивала ее поближе. Какое-то время наблюдала за «подарком», пытаясь уловить признаки жизни. Но таковых не было, рыба выловлена несколько часов назад. Мертвая селедка была ей не интересна, с ней нельзя играть, вернее, играть, и Мурча старалась оживить ее, переворачивая и даже порой подбрасывая. Наигравшись и, видимо, представляя себя охотницей, вцеплялась в рыбу передними лапами и начинала есть. Ела всегда с головы. Вероятно, в генах Мурчи заложена информация, что голова – главный орган живого существа, и жертва не убежит, если разрушен этот орган. Мурча съедала немного, но с явным удовольствием. Потом долго чистила мордашку своим длинным языком и лапой. И, довольная, прыгала через комингс с мокрой палубы в сухой коридор.

Когда жилые помещения, кладовки и другие объекты судна были изучены и освоены (только мокрый и шумный рыбцех не привлек внимания), Мурча нашла интересное место: не исследованное никем огромное пространство под обшивкой подволока. Что она видела там, в темноте, своими кошачьими глазами? Возможно, запах некогда живших там крыс заставил ее звериный нюх проверить: а вдруг притаилась где-нибудь живая крысушка.

В одну из ночей она не вернулась в каюту – дверь специально была полукоткрытой. Утром я забеспокоился. Только к обеду Мурча «вынырнула» из известных лишь ей закоулков большого судна. Голодная. День провела в каюте, отсыпаясь на диване, а вечером опять исчезла. Исчезла на двое суток. Я по-настоящему волновался – под обшивкой подволока столько разных закоулков, может, застряла и пропадет там. Опрошил многих моряков, но никто не видел Мурчу. На следующий день было не до шуток – на судне пропала кошка. Были бы крысы, можно было бы предположить, что они атаковали ее и съели. Но крыс не было. В полдень я взял в руки микрофон судовой радиотрансляции: «Кто найдет Мурчу – получит бутылку водки». Через 15 минут один матрос (фамилию запомнил) принес смиренную беглянку. Я был несказанно рад и с удовольствием отдал приз. Потом штурмана шутили: «Петр Демьянович, теперь Мурча будет исчезать часто».

Но больше она по ночам не гуляла, похоже, ей в глаз попал кусочек стекловаты из изоляции, и он долго слезился. Днем она стала приходить на мостик, запрыгивала на старый радиолокатор «Дон», который всегда был теплым в режиме подготовки, и дремала, даже мурлыкала порой.

В следующий рейс я опять взял Мурчу с собой. Она чуть подросла, потяжелела. Но, по-прежнему, вечером ложилась мне на грудь и мурлыкала.

В декабре мы стояли в Лервике (Шетландские острова). Мои хорошие друзья Ann и Bert, в доме которых моя дочь прожила неделю, часто посещали судно и всегда играли с Мурчей. Однажды, когда я вернулся из города, вахтенный матрос сказал, что какие-то люди передали мне большой картонный ящик, который отнесли в каюту. «Кажется, там что-то живое», – сказал вахтенный. Я разделся и подошел к ящику. Мурча была рядом. Открыл верх ящика и глазам своим не поверил – там сидел молодой красивый кот, белый с черными пятнами. Почти котенок. Мурча внимательно, «без улыбки», смотрела на кота. Только потом подошла к испуганному гостю и легонько тронула его лапой, мол, не бойся, давай поиграем, раз уж ты здесь.

В конверте была записка от Анн. Лига защиты животных города Лервик дарит этого кота Мурче как рождественский подарок. Зовут его Smudge (Смадж), что значит «пятнистый, запачканный». Сначала женщины, а затем почти вся команда заглянули в мою каюту посмотреть на жениха Мурчи. Об этом необычном подарке в местной газете даже появилась заметка, в которой говорилось, что Лига подарила котенка дочери русского капитана.

Мурча была более игривой, чем Смадж. Плюс она была хозяйкой судна. Галя Новикова, прачка (после «Калварии» она много лет работала на пассажирских лайнерах США), взяла в этот рейс свою старую кошку без одной задней лапы. Она звала ее почему-то Коровой, может, потому, что кошка в основном лежала в каюте. Мурча приучила Корову к субординации: как только она спускалась на нижнюю палубу, где жила Галя, трехлапая кошка сразу пряталась в каюте. Но самая смешная сценка, свидетелем которой мне довелось быть, произошла чуть позже. Мурча со Смаджем подросли, и природа сделала их настоящими супругами. Но и Корова тоже была «женщиной». Однажды Смадж зашел к ней в каюту и стал заниматься с ней любовью. И надо же, в этот момент, откуда ни возьмись, – Мурча! Сначала она из коридора спокойно созерцала своего «мужа», сидящего на «сопернице», потом стала угрожающе шипеть, потом прыгнула в каюту и с размаху так сильно ударила Смаджа, что тот взревел и слетел с Коровы. Мурча взглянула на меня: ну, какова я? И спокойно покинула поле любви и боя. Бедная Корова дрожала, забившись в угол каюты. Вот и скажи, что у зверей не бывает ревности!

В марте мы перешли в порт Castl-town-bere на юго-западе Ирландии. Мурча ходила по палубам степенно, не бегала, как раньше. Она была беременной. Все наши женщины с особой нежностью относились к ней.

Шли дни и недели. Мурча должна была бы разродиться, но что-то случилось. Она мучилась. Посоветовавшись с женщинами, решил, что нужно показать ее ветеринару. В воскресенье я поместил ее в картонный ящик, сохранившийся от Смаджа, и пошел к ветеринарному врачу. Мужчина лет сорока, он был

один в своей лечебнице. Я показал ему Мурчу. «Коновал» вдруг придвинул телефон и стал звонить кому-то. Там никто не отвечал. «На ваше счастье, – сказал он, – в санитарной службе порта Корк сегодня никого нет, иначе вам пришлось бы платить штраф 500 фунтов (700 долларов) за то, что вы вынесли на берег кошку». Я содрогнулся от такого известия. «Но все-таки вы осмотрите кошку, вы ведь доктор». «Доктор» натянул пластиковые перчатки и занялся Мурчей. «Я думаю, что плод мертвый». Через день Мурча разродилась мертвым котенком. Почему так случилось – не ясно.

• • •

Мурча в дальнейшем жила дома в Клайпеде. Вечерами я водил на прогулку нашу собаку Дину, и Мурча всегда отправлялась с нами, но держалась независимо, в пяти метрах позади нас. Соседи говорили, что впервые видят, как кошка следует за хозяином. Иногда Мурча в одиночку выходила «охотиться» на собак. Она их не боялась. Если по тропинке бежала собака, Мурча ложилась в траву и была невидима. Стоило собаке по ходу повернуть к ней, как Мурча взвизывалась и так точно ударяла коготками по носу собаки, что последняя с визгом убегала. Маленькая Дина (породы «шелти», выведенной на Шетландских островах; кстати, в то время единственная самка этой породы в нашем городе) иногда подвергалась нападению других больших собак. Мурча часто «охраняла» свою подругу, и попробуй какая-нибудь собака обидеть Дину – мало не покажется!

Вскоре Мурча принесла сразу пятерых котят, и все разных мастей. Сама она была трехцветной, а знатоки говорят, что трехцветные кошки очень умные. Я согласен с ними. Почему котята оказались разноцветными, до меня дошло через год, когда я увидел нашу кошку во дворе. У нее была течка. Мурча припадала телом к земле, соблазнительно выставя свой зад, и тихо урчала, приглашая собравшихся вокруг нее котов к соитию. Те сменяли друг друга, к явному удовольствию Мурчи: рыжие, черные, серые, пятнистые. Потому и котята получались разноцветными.

Мурча продолжает жить в клайпедской квартире и сейчас, когда я пишу эти строки. И каждый год Наташина мама дарит разноцветных котят своим знакомым. А Смаджа увезли в Алитус.

Октябрь 2000 г.
San-Sebastian, Испания.

Посвящается Александре Ермиловне

ИСПОВЕДЬ КАПИТАНА

КАТЯ

На побывку едет молодой моряк,
грудь его в медалях, ленты в якорях.
Из советской песни

Это был последний каникулярный отпуск перед окончанием мореходного училища. После отпуска – четырехмесячная стажировка на кораблях ВМФ, и свежее испеченные штурмана стайкой покинут стены альма-матер. Бескозырка с надписью «Клайпедское мор. училище» и с двумя золотыми якорями на ленточках будет заменена на мичманку с крабом.

Хорошо гостить у мамы: ты всегда сыт и чувствуешь в родном доме любовь и уют. Хорошо гостить в родном селе, где знаешь всех односельчан, людей добрых и гостеприимных, всегда улыбающихся при встрече. Для разминки иногда неплохо было сходить на колхозную косовицу, дабы не забыть трудовые навыки и заработать сена для буренки. Десна-красавица с богатыми сенокосными поймами была гордостью пушкаревцев; живописный вид реки всегда поднимал настроение, как прекрасное творение природы.

Все было хорошо. Но двадцатилетнему парню нужна была девушка, с которой в теплые летние вечера можно было прогуляться по берегу речки, отливающей лунной дорожкой на тихой водной глади, с которой можно было поговорить и пошутить, рассказать, немного хвастаясь, о морских плаваниях, которую

можно было обнять и даже попытаться поцеловать. Отпуск заканчивался, а в селе трудно было найти девчонку: одноклассницы повыходили замуж или разъехались учиться, а молодое «поколение», младше меня на 3–4 года, было вроде бы недопустимо из-за своей молодости. Да и непросто в селе дружить с девушкой. Если пройдешься вечером с кем-то, назавтра все село будет судачить, и ты тут же становишься почти женихом.

Мне повезло на короткое время встретиться с красивой, удивительно красивой девушкой Лидой. После окончания медресы она работала фельдшером в селе под Новгород-Северским. Я был просто заворожен ее украинской красотой – большие глаза, красивый рот с чуть вздернутой верхней губой, придающей необычную прелесть всему лицу, черные густые волосы, уложенные на пробор по украинской моде (на фото у нее стрижка), – такой Лида осталась в моей памяти. Вроде бы и она провела с удовольствием несколько часов со мной. Три раза я приезжал к ней (а это 20 километров от Пушкарей!), но когда подошло время целоваться, она сказала, что скоро выходит замуж за Довженко, парня из Кавпинки, соседнего с Пушкарями села. Я чуть не сел, где стоял. Я знал, конечно, этого Довженко (невысокого роста, чуть старше меня), и мне казалось, что невозможно такой красивой Лиде выходить замуж заординарного, по моему мнению, парня. «Все уже решено», – сказала Лида, и мы распрощались. Не будь я моряком, я бы плакал из-за этого, наверно.

Через много лет, а вернее, в прошлом, 2010 году, Галина Халиман, редактор газеты «Сіверський край» (Новгород-Северский), талантливая журналистка и женщина с большой доброй душой сказала мне, что Лида до сих пор хранит мое фото и помнит меня. И память вернула мне очаровательный облик красивой Лиды, которую мне не удалось поцеловать. Я позвонил ей из Лондона, услышал не изменившийся за годы голос, и мы радостно говорили, вспоминая нашу короткую встречу, нашу молодость. (С Довженко она все-таки разошлась давным-давно.)

Хочу сказать пару хороших слов о Галине Петровне Халиман. В своей статье о моей первой книге «Капитан, родивший-

ся в рубашке» она пишет: «Не всі політичні погляди і оцінки поділяючи, схилиюсь перед усім, зробленим цією людиною і капітаном. Нам так важливо залишатись самим собою».

Я так благодарен Галине Петровне за эти слова, они так помогли мне понять самого себя, это высокая оценка моей жизни: в последний мой день мне не будет мучительно больно за прожитые годы, выражаясь словами Николая Островского. Я безмерно рад, что познакомился с этой чудесной женщиной, рад не только из-за ее хороших статей о моих книгах, нет, рад потому, что у нее добрая душа.

Когда я набирал экипаж на судно (а я капитанил тридцать лет), то, беседуя с каждым новичком, чувствовал: ему буду говорить «ты» не потому, что он моложе меня и по рангу ниже, а просто инстинкт подсказывал, что он – хороший человек, ему можно доверять и быть с ним ближе; у некоторых же просвечивалась недобрая душа, и независимо от должности, лучше держаться на дистанции и быть на «вы».

С Галиной Петровной, будь она членом моего экипажа, я был бы на «ты».

До отъезда оставалось провести дома две ночи. Кто-то подсказал, что моя соседка, лет 16-ти девушка Катя, работает ночным сторожем в школе. И я, чуть выпив для смелости, зашел вечером туда. Слово за словом, и два юных создания стали обниматься и целоваться, а когда я стал ее раздевать, то «ты что, я даже дома никогда не была голой», – но, тем не менее, платье и все остальное было снято. Мы теряем искусственно возвращенную религией стыдливость постепенно, маленьким шажками, но каждый раз получаем затаенное до этого момента наслаждение, вступая в мир новых отношений девочка–мальчик, женщина–мужчина. Свет мы не включали – не дай бог, кто-то подсмотрит, – но через широкое школьное окно щедро светила луна, и я любовался красивым телом молодой нимфы...

На следующий вечер – уже в другом классе, подальше от центра села – она произнесла: «Ой, еще больше, чем вчера». Я, безусловно, был не ухарь-купец, не был осторожным и терпеливым, все приходит с опытом. До сих пор не уверен, что сделал все перфектно и аккуратно.

Утром возле нашей хаты стояла подвода, меня должны были отвезти на железнодорожную станцию Витемля. Я умачивал получше солому для сидения и боялся поднять голову: напротив, за соседским плетнем, стояли Катя и ее сестра и смотрели, как морячок в бескозырке покидает село. Мне было до боли стыдно, я хотел подойти к Кате, хотел прикоснуться к ней рукой, но знал, что после этого она будет ждать меня, а я, такой молодой, никак не мог обещать ей жениться – это слово тогда для меня было равносильно слову «тюрьма».

Лошадь пошла, подвода тронулась, а я даже не обернулся. Мне до сих пор стыдно за это, и тогда было мучительно стыдно. Через год моя сестра Валя написала мне, что Катя после окончания школы вышла замуж за парня из другого, лежащего за Десной, села. Я вздохнул с радостью и сказал в душе: «Будь счастлива, Катя».

В прошлом году я побывал в родном селе (через 50 лет после описываемого события). В хате, где я когда-то родился, сейчас живет Катина сестра, красивая яркая женщина (думаю, что Катя тоже очень красивая!), приехавшая недавно из Донбасса. Она сказала, что Катя живет в Донбассе и иногда вспоминает меня. Надеюсь, не злым словом. Я хочу сказать ей: «Прости, Катя, что я не попрощался с тобой тогда. Всю жизнь мне от этого стыдно».

ТОНЯ

«Тоня, ты почему не ходишь в школу, что случилось?» – «А может, мне не нужна эта школа». – «Как так, – возмутился я, – десятый класс, через два месяца госэкзамены, аттестат зрелости, а ты хочешь бросить школу?»

Моя соседка, с которой с малолетства мы жили рядом и все босоногие годы были неразлучными друзьями, в 10 классе влюбилась в односельчанина, вернувшегося из армии. Была весна, жизневоспламеняющий сезон года для всего растущего и живущего. Весна бурлила ручьями и набухающими почками, весна бурлила гормонами в крови, которые требовали выхода, требовали излияния.

Не только живые существа получают наслаждение от акта – назовем его репродуктивным, ибо он дает размножение, – но и все растения во время цветения получают удовольствие сродни сексуальному, иначе Природе трудно было бы заставить размножаться тысячи и тысячи живых и растительных творений на нашей Планете. Мне казалось, что не каждое растение цветет, к примеру, алоэ. Но вот вчера на берегу бухточки Laguna Chica (Венесуэла) я увидел куст алоэ с тремя очень твердыми стебельками, на верху которых красовались цветы. А колючие кактусы тропиков – как чудно они цветут! Любой цветок, большой или маленький, ароматный или недоступный для нашего обоняния, посещают насекомые: пчелы, бабочки и сотни, если не тысячи других букашек. И когда они собирают нектар и пыльцу, по артериям растений струится радость, сходящая с оргазмом животных и людей.

Легко было поддаться искушению и познать рвущуюся наружу пульсацию жизни, вкусить райское яблоко. Что и случилось с Тоней. Радость эта была такой жгуче-прекрасной, что средняя школа в сравнении с ней не стоила ничего. Тоня была в забытьи от разбуженной страсти – природы. Почти две недели она не ходила на уроки. Я был комсоргом школы, и, естественно, меня это вывело из себя; и не только как комсорга, но как соседа, как близкого друга. Вернее, вывело из себя равнодушие товарищей и учителей, будто бросившая выпускной 10 класс ученица была не наша подруга. Я пошел к директору Василию Алексеевичу. «Ну что ж, – сказал он, – если Ермоленко Антонина решила бросить школу, это ее дело». – «Как так – ее дело, мы должны заставить ее окончить школу, ведь аттестат зрелости – это путевка в жизнь». Переговорил со своим классом, все меня поддержали. Собрали комсомольское собрание, пригласили Тоню. Она стояла в двух метрах от нас – и она была далеко от нас. Ее лицо светилось такой радостью, излучало такое сияние, видимое нами, но не проникающее в нас, ее глаза были ненормально счастливыми и в то же время равнодушными к нам, пригласившим ее на «суд», все мы – ее одноклассники, ее друзья были для нее вроде неодушевленных предметов, толь-

ко умеющих говорить. Перед нами стояла не наша подруга, перед нами стояла королева, перед нами стояла царица Нефертити. (В то время я мало знал о Нефертити. Это позже в Берлинском музее я час не отходил от чуда, я час любовался прекраснейшим лицом, изваянным древнеегипетским скульптором. Или посмотрите на дюжины скульптур святых Мадонн в Лувре. Все они прекрасны, как может быть прекрасна только молодая грешница, – моделями служили любовницы скульпторов.) Я поместил в книгу фото Тони рядом с фото скульптуры. Не ищите различий, поверьте мне, Тоня в 17 лет была прекрасна, как египетская царица. Видимо, эта красота и есть воплощение женского превосходства.

Тоня смотрела на нас чуть прищурившись, как на челядь, и как бы говоря: «Что вы знаете? Вы ничего не знаете. Это я знаю, что такое радость и что такое счастье». Она была выше всех нас, выше подруг-одноклассниц. Выше хлопцев. Наверно, Мария Стюарт в период своих страстей с мужчинами смотрела на всех так, забыв обо всем, забыв о королевстве, забыв об обязанностях, забыв о людях. Она была безудержна в своих поздно разбуженных сексуальных желаниях. Ее двоюродная сестра Елизавета – королева Англии, – в противоположность Марии, была фригидна, не могла иметь детей. Любовники «любили» ее только как самодержицу, при каждом удобном случае старались переспать с придворными дамами. Лишенная природного счастья познать любовь, познать оргазм Елизавета целиком ушла в политику и в грязный бизнес добывания денег, не гнушаясь работоторговлей. Возможно, она испытала единственный в жизни оргазм, когда палач поднял отрубленную по ее приказу голову Марии Стюарт. В постели женщина не имеет титулов. Страсть – это неземное блаженство, данное в разной мере всем людям на планете, но женская страсть намного сильнее мужской. Прочтите Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», прочтите книги о Марии Стюарт. В древнегреческой мифологии говорится о Тересее – сыне нимфы Харикло. Юношей он увидел двух змей и убил самку, после чего сам превратился в женщину. Через семь лет он-она убил вторую змею и снова стал мужчиной. На вопрос

Зевса и Геры, кому любовь (секс) приносит больше радости – мужчине или женщине, Тересий ответил, что женщина получает удовольствие в 9 раз большее, чем мужчина.

Я вел собрание. «Ты должна окончить школу», – и весь класс загудел, поддерживая меня. «Но я пропустила много уроков». – «Поможем». На следующий день она сидела за партой, как ни в чем не бывало. По вечерам приходила в нашу хату, и я помогал ей по математике, физике и другим предметам. Перед госэкзаменом я снова говорил с директором и с некоторыми учителями о том, что Тоня должна получить аттестат зрелости, что ей нужно немножко помочь на экзаменах. И она получила аттестат. Неглупая от природы, она родила четверых детей, заведовала животноводческой фермой колхоза, а потом многие годы работала завмагом. Не всегда ее жизнь была светлой: умер первый муж, вышла за второго, через несколько лет он погиб; третий муж моложе ее, но живут в согласии; умерла взрослая дочь – пришлось пережить и это горе. Но ее лукавая улыбка осталась прежней, хоть и ходит она сейчас с палочкой – болит колено. Я встретился с ней в прошлом году, когда навестил родное село. Уже по одной милой, как в молодые годы, улыбке можно видеть, как эта женщина любит жизнь, ценит радость жизни.

Все дети, или почти все, в пяти-семилетнем возрасте начинают изучать свое тело и частенько играют в «папу–маму». Моей первой подругой в этих играх была Тоня. Мы с ней ровесники, но она почему-то знала больше об отношениях мужчина–женщина. Однажды под вечер мы стояли возле двора и смотрели на группку девчат и парней, собравшуюся вокруг гармониста. Один хлопец обнял крепко девушку (в охапку – по-пушкаревски!), та завизжала, скорее от удовольствия и приличия ради, согнулась, не давая руке парня проникнуть под юбку. Сельские нравы всегда более свободны, более естественны. Тоня смотрела на это с интересом, потом подняла подол платья, оголив живот (трусики в это время в селе никто не носил), дотронулась до pussy и сказала: «Он хочет потрогать это». И опустила платье.

Это она приглашала меня в Могилкин ров (овраг), за-

росший кустарником, и там, в густых зарослях, поднимала платице и, раздвинув ножки, говорила: «Ложись на меня». Я ложился, мой маленький стручок становился твердым, и я инстинктивно двигался на Тоне, касаясь ее между ног. «Так делают взрослые», – говорила она. Где она подсмотрела это – не сказала (мать ее умерла давно, отец работал шахтером в Донбассе, и жила она с бабушкой и дедушкой). Поиграв во «взрослых», мы вставали, отряхивались и, как ни в чем не бывало, шли домой. У детей свой мир, все мы проходили через эти игры, только забываем о них или же стесняемся вспомнить. Последний раз мы баловались с ней, когда нам было по семь с половиной лет. Именно тогда я заметил у нее первый черный волосок внизу живота недалеко от пуссу. Через год, когда мы закончили первый класс, летом, на мое предложение сходить в овраг Тоня ответила категорическим отказом, и больше никогда мы с ней не игрались. Я был немножко разочарован и удивлен такой переменной. Видимо, уходило детство, и Тоня превращалась в женщину. Позже, уже в зрелые годы, в серьезной книге американских врачей-сексологов Masters and Johnson я прочел: «Большинство девочек теряют интерес к мастурбации в возрасте шести-семи лет, но возвращаются к этому с наступлением половой зрелости». Поэтому первоклассницам учительница часто говорит: «Положите руки на парту». (Несколько женщин подтвердили мне это.)

В классе шестом, когда всем было по 12–13 лет, с нами учились несколько парней-переростков, из-за войны потерявших четыре года школы. Им было 16–17 лет. Один из них, самый рослый, Алексей (Ляксе́й – по-пушкаревски) на уроке вытаскивал из штанов эрегированный член и исподтишка показывал девочкам, сидящим в классе. Некоторые из девчат взглянут на Ляксеев член, захихикают тихонько и отвернутся. Только Тоня (я сидел позади нее и все видел) смотрела на фаллос с вожделением, безотрывно. Видимо, природное начало у нее было сильнее, чем у других сверстниц. И, наверняка, у нее было мокро между ног от желания. Тоня была просто здоровая девочка, хорошо сделанная Природой.

• • •

После восьмого класса во время школьных каникул я работал в колхозе учетчиком у доярок, зарабатывал трудодни для нашей небогатой, без отца-фронтовика, семьи, отпивался молоком и слушал иногда откровенные разговоры молодых доярок. Летом колхозное стадо перегонялось за речку на пойменные, богатые травой луга. Ранним утром четыре доярки и я переправлялись на лодке и до вечера находились за Десной. Коров доили три раза: утром, в обед и вечером. В мою обязанность входило замерять надоенное молоко, трудодни дояркам насчитывались в зависимости от количества литров. После вечерней дойки приходил баркас и забирал нас и молоко. Между дойками девчата садились на сухой пригорок, подкреплялись, чем бог послал, и начинали судачить, то есть рассказывать о чем-либо. Я присаживался рядом и, растопырив уши, слушал. Однажды молодая незамужняя Вера, лежа на сухой траве, потянулась сладко: «Эх, мужика бы!» Я тут же – мол, какие проблемы, чем я не мужик (в ту пору мне так хотелось женского тела). «Нет, ты пацан еще!» – «Какой пацан, хочешь посмотреть?» – и тронул поднявшееся в штанах место. Все засмеялись. «Пацан, пацан», – подтвердила Катя, более старшая среди женщин и добавила: «Вот я часто вспоминаю своего Ивана, погибшего в проклятую войну. Перевозил на лодке людей через Десну, и когда возвращался – прямое попадание». «Расскажи, как у тебя было в первый раз», – попросила одна из девушек. «Я всячески отказывалась, а он держал меня в объятиях и не выпускал. Я попросилась по малой нужде. Он подхватил меня на руки и отнес. А потом все случилось. У меня дочь-красавица от него». На следующий день Вера рассказывала о своем первом мужчине. Я слушал эти откровенные исповеди, и у меня, взрослеющего подростка, глаза краснели от напряжения, и было обидно, что эти молодые женщины не хотели принимать меня за мужчину. Мне пришлось ждать еще два с половиной года этого события.

МАЙЯ

На пароходе «Новая Земля» каюта третьего штурмана была на шлюпочной палубе по левому борту. Мы стояли в Таллинне на судоремонтном заводе «Коопли». Штурманские вахты были суточными, как обычно при стоянке в порту.

Утром в 8 часов я сменился, позавтракал в кают-компании и лег на койку с книгой в руке (всю жизнь перед сном нужна была книга). Уже глаза стали слипаться, как раздался стук в дверь. Вошла лаборантка Майя, хрупкая, лет под тридцать женщина. Для меня, двадцатидвухлетнего, она была старухой. «Ой, извините, можно я попечатаю на машинке акты анализов?» – спросила она. «Какие вопросы, садитесь, печатайте, что вам нужно, и чувствуйте себя, как в своей каюте». Она мило улыбнулась, взглянув на меня, лежащего в одних трусах, но за полузатянутыми занавесками койки. Не стук клавишей машинки, а что-то другое отогнало начисто сон. Женщина в каюте, и мыодни. Инстинктивно в голову вошли шальные мысли и кое-что воспрянуло. Желание в таком возрасте не заставляет себя ждать. Минут через десять печатание закончилось, я выглянул за штору – Майя собирала листки. «Что нового на вашей палубе?» – спросил я у нее. Она встала с кресла и подошла поближе ко мне. «Что там может быть нового, комиссар сейчас хороший, не лазает по вечерам с проверкой женских кают». – «Присядьте сюда, не бойтесь», – сказал я, чуточку отодвигаясь к переборке, давая место сесть ей, благо койка была низкой. Майя села, оставив листки бумаги на столе. А дальше сработал природный инстинкт: я чуть приподнялся, обнял, сжал, схватил Майю, и она уже лежала на койке. Было небольшое сопротивление, обычное для женщины в такой ситуации, но мне так хотелось, моя гиперсексуальность рвалась наружу с такой мощью, что выпустить «жертву» было выше моих сил. Некогда было раздевать ее, не было времени – дверь была не заперта, и кто-нибудь мог войти. Я просто оттянул чуть в сторону низ маленьких черных трусиков... Через секунду она уже обнимала меня, забыв, что надо бы еще немножко попротестовать. Все закончилось быстро. Моя природная по-

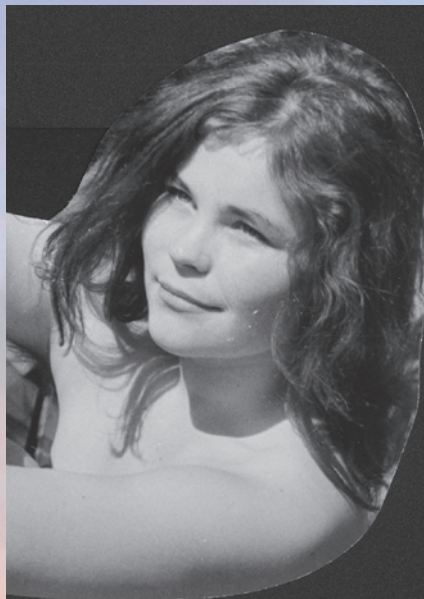
требность была удовлетворена, а о партнерше я вовсе не думал, будто это была резиновая кукла. Отвалился в сторону и почти тут же захрапел, нет, нет, не захрапел, я никогда не храпел, и многие женщины были благодарны за это, помучившись годами с храпящими мужьями. Что делала и о чем думала Майя – мне было все равно, я уже забыл о ней, я уже почти спал. Сквозь дрему услышал, что она с кем-то разговаривает. Я чуть отодвинул коечную штору. У открытого иллюминатора стоял наш электромеханик Саша Москаленко. Они говорили о мужчинах и женщинах. «Ах, – слышу голос Майи, – некоторые мужчины, как животное: получили свое и уснули, им бы поласкать женщину, но они не знают, как это важно для нас». Я слушал, притаившись за задернутыми шторами, и мне стало так стыдно, так стыдно, что я на всю жизнь запомнил слова этой женщины. Это был хороший урок для меня. Все, конечно, приходит с опытом, и не сразу, но Майя помогла мне понять многое, и в будущем – не таком уж скором – я старался не быть эгоистом (не всегда, правда). Всю жизнь я был хорошим учеником в любой учебе – в школе, в мореходке, в институте, и, в конце концов, – на ложе любви. И когда партнерша говорила: «Ах, ты такой чудесный любовник», – это было как похвальная грамота. Я помню, как в наш Дом отдыха в Иодкранте («Океан-рыбфлот»), где несколько друзей-капитанов отдыхали летом, приехала группа харьковчан-кагэбистов, и среди них несколько женщин. Одна из них, миловидная, лет тридцати (капитан КГБ), ходила немножко грустная. Валерий Ширпитис, клайпедский кагэбист, курирующий флот, и мой приятель, подошел ко мне: «Петя, вы...би ее, она так хочет тебя, а уже скоро уезжать. Это будет не по советскому регламенту – вернуться домой с курорта, ни с кем не переспав». Следующей ночью она благодарно обнимала меня: «Спасибо, спасибо, спасибо. Я буду помнить тебя всегда».

Доводя свою женщину ласками до мультиоргазма, когда она, уставшая, засыпала у меня на плече, я мысленно говорил: «Спасибо, Майя, за урок и прости за тот случай».

Майя все-таки похвасталась Тамаре Кругликовой, бухгалтеру плавбазы – они жили в одной каюте, – что имела меня

Со священником, обвенчавшим нас

Моя Светоносная Гина
(в молодости)

Лида
(к рассказу «Катя»)

Тоня

Автор с первой женой Сашей и
кузиной Нели

Наташа в молодости

Лайма

Линда

Деби

(или я имел ее). Наверно, ей все-таки понравился мой натиск, почти насилие. Тамара Кузьминична, женщина, прошедшая огонь – войну с Японией – и медные трубы (на китобойной флотилии «Алеут»), женщина, любящая жизнь и крепких мужчин – последнее только вызывало уважение к ней, как к царице Тамаре, – на следующий день сказала мне: «Как ты мог, ведь она такая неопрятная баба». – «Разве об этом думаешь, когда сильно хочется, Тамара Кузьминична?» – «И то правда. Вы, мужики, – такая кобелятина».

• • •

В Таллинне было много приятных приключений. Однажды в центре города я встретил друзей по КМУ – двух механиков и судостроителя, с ними был грузин, тоже моряк. И вот мы, пятеро молодых парней, стояли на улице Виру, когда к нам подошли три женщины. Одна, постарше и покрупнее комплекцией, знала кого-то из нашей компании. «Ребята, нам нужен один мальчик». Грузин сразу шагнул вперед: «Берите меня, я грузин». «Подожди, – сказала лидер (как выяснилось позже, она – директор гастронома, дама с деньгами), – мне нравится вот этот скромный парнишка». И указала на меня. Я отступил в сторону: «Ребята, я никого не знаю, лучше кто-нибудь из вас». – «Нет, нет, тебя выбрали – иди». В квартире директорши были двое молодых мужчин. Меня посадили рядом с самой симпатичной и молодой девушкой. «Это твоя», – шепнул один из мужчин. Были выпивка, богатая закуска, разговор о чем-то. Я сидел молча, почти не пил. Вскоре почувствовал, что моя партнерша тискает под столом мою ногу. Я уже настроился на приятное времяпрепровождение с ней, как что-то в компании изменилось. «Ухажер» директорши стал о чем-то спорить с ней, потом подсел ко мне: «Будешь с хозяйкой, она так хочет». Я взглянул на крупнотелую «слониху» и у меня сразу упало настроение. Но что сделаешь, дареному коню в зубы не смотрят. Закончилась пьянка, пары разошлись по постелям. Я до сих пор улыбаюсь, вспоминая мою партнершу-директоршу. У нее было большое тело, и, соответственно, все было большим и широким. Она была похожа на нынешнюю Батурина, ужасно

некрасивую толстую еврейку, жену Лужкова. Собственно, к старости все еврейки становятся уродливыми, возьми, к примеру, Голду Меир или Майю Плисецкую, или ту же Рапорт, которая выступала под псевдонимом «Пугачева Алла». Последняя, правда, делала десятки косметических операций, но все равно сейчас выглядит, как королева.

• • •

В кафе «Виру», куда мы заходили иногда с друзьями после получки, один раз молодая девчушка, пришедшая туда со своим парнем, поссорилась с ним и пригласила меня танцевать. Я был в морской униформе. После танца ее партнер подошел ко мне: «Пойдем, поговорим». Обычное приглашение на драку. Мы вышли в фойе. Я напрягся, ожидая нападения. Вообще-то я не драчун, ни с кем никогда не дрался, кулаки у меня небольшие и характер не агрессивный. Эстонец был ниже меня ростом. И вдруг он улыбнулся: «Ты – моряк, и мой брат – моряк». И протянул мне руку: «А с Ульви (так звали девушку) я поссорился, и ты можешь быть с ней». Во время второго танца она попросила проводить ее домой. Она говорила с милым акцентом и, танцуя, плотно прижималась ко мне.

Перед тем, как войти в подъезд дома, мы молча, без единого слова, спустились по ступенькам, ведущим в подвал. Она сама сняла трусики. И было нам так хорошо на жестком бетоне, что через несколько минут мы снова были друг в друге. «Сколько тебе лет?» – спросил я. «Много, уже пятнадцать, я закончила восьмой класс». У эстонок немножко другая культура, чем у русских. Девочки начинают половую жизнь чуть раньше русских однодок.

• • •

Из наших однокашников в Эстонии обосновался только Ким Лавринович, мой хороший друг. Когда-то он женился (второй раз) на молодой красивой девушке Люде из Таллинна. Люда была умницей, вскоре она уже занимала довольно высокий пост начальника АХО (административно-хозяйственного отдела) на-

шего предприятия. Многие друзья Кима пытались немножко флиртовать с Людой, она была лет на двенадцать моложе нас и выглядела девочкой. Но, славабогу, жена Кима была неподдающаяся. Вскоре они переехали из Клайпеды в Таллинн. Люда стала работать секретарем одного из министров в советской Эстонии. На эту должность дур не брали. Ким стал работать в Эстонском пароходстве, дошел до старшего помощника капитана на крупном судне. У них родились сын и дочка. Дочь после окончания Ленинградского института вышла замуж за еврея, который увез ее в США. Позже Люда провела несколько лет у дочери, даже работала в цветочном магазине, и мало-помалу приняла тот американский недобрый стиль жизни, который не нравится европейцам из-за идеологической жестокости режима. Мы как-то установили переписку с Людой по интернету. Читая в моих книгах высказывания против фашиствующего сионизма, Люда пишет: «В конце концов, согласно святой библии, мы все произошли от евреев». «Нет, Люда, – ответил я ей, – может быть, ты – от евреев, не случайно твой зять – еврей, но лично я произошел от обезьяны, согласно теории Дарвина, и горжусь этим».

В следующем письме Люда с возмущением пишет о русских женщинах, живущих в США, ее знакомых. «Нет, раньше (то есть в СССР), было лучше». «Что – лучше, – возмущается Люда, – вы имели машины, шикарно жили?» – «Нет, мы жили без машин, но было лучше». И невдомек ей, что при советской власти люди были счастливы, а это главное – быть счастливым. Не обязательно иметь машину, я сам заимел ее только в 45 лет, а всю жизнь был счастлив, разъезжая в поездах по бескрайним просторам необъятной Родины моей, захваченной сейчас евреями. Кое-кто из переродившихся говорит мне иногда: «Но при Советах, Петр, ты бы не имел яхты». «Да, – отвечаю я, – я бы не имел маленькой яхты, но я бы имел огромную страну – Советский Союз – и был бы счастлив, как большинство советских людей». Но должен сказать: я имел яхту в советское время – небольшой пятиметровый швербот. Мы возвращались из рейса и в Бискайском заливе подбирали выброшенную, видимо, штормом лодку, на которой я ходил по Куршскому заливу, в основном под мотором.

• • •

...Лондон. Утро. Тысячи и тысячи людей на улицах, молодые и пожилые, лысые и с шевелюрами, седые и темноволосые, европейцы и евреи, мужчины и женщины – все спешат на нелюбимую (для 95 %) работу. И лица у всех такие некрасивые – и у женщин, и у мужчин, все озабочены предстоящим днем, все озабочены мыслью о деньгах, мыслью, как бы не потерять работу. Они – абсолютное большинство из них – ничего не производят, не выращивают рожь, не разводят коров, не ловят рыбу, не строят дома, они, в основном, сидят в офисах. Но все хотят есть, и есть вкусно. Всех их кормит серп и молот, всех их кормит крестьянин и рабочий – самый бедный слой современного капиталистического общества.

Я наблюдал утренние улицы в Бразилии, Венесуэле, на Кубе – все до наоборот: люди идут, спешат, но улыбаются искренне и поэтому красивы; их лица чуточку темнее, чем у европейцев, но они ближе к радостям жизни, чем лондонцы или те же немцы – эти белые люди с банковскими счетами, все со сжатыми узкими губами. И что характерно: если мельком посмотреть на кого-нибудь, в ответ получишь короткую холодную, искусственную улыбку, которую я называю «американской»; это улыбнулся не человек, это улыбнулся запрограммированный робот, которого страшная, в своей сути полузвериная капиталистическая система научила, заставила так «улыбаться», ибо вокруг злые хищники – люди. Улыбнись! Покажи им подобие улыбки – может, они не съедят тебя сразу. Улыбка – это дар божий, которым человек показывает свою радость. Даже новорожденный ребенок свою первую радость от жизни, от мамы, склонившейся над ним, выражает через милую улыбку. Даже некоторые звери улыбаются. А на Западе улыбку сделали индустриальным знаком.

В Беларуси, в Минске, куда я езжу каждый год за подпиткой для моей славянской души, если ты улыбнешься прохожему, то в ответ получишь живую дружелюбную улыбку, несмотря на временные экономические трудности. Нет, наши люди добрее, наши люди человечнее, наши люди более естественны, чем западные. И не верьте, белорусы, что все эти

западники – счастливые люди. Сейчас в Англии, к примеру, собираются выбросить на улицу 7 тысяч учителей, 6,5 тысячи врачей и даже 30 тысяч полицейских. Согласно последним официальным данным, 12 миллионов человек в Англии не умеют читать и писать. Это прямо как в джунглях Амазонки. Зато за один месяц войны с Ливией из бюджета израсходовано не боевые действия более 2 миллиардов фунтов стерлингов. Се ля ви – как говорят французы.

КАСТЕЛЯНША

Сексуальная революция нашего поколения началась с 1960 года, когда появились первые контрацептивы – таблетки против зачатия. Эти таблетки, не дающие 100-процентной гарантии даже сейчас, позволили молодежи расслабиться, особенно тем, кто объявил себя хиппи (в моем переводе советского времени это слово означает «тунеядец»). И вот молодые и не очень молодые порывают с прежними представлениями о сексе, основанном на понятии греха и скрытности, которое столетиями взращивала иудейско-христианская религия. Буйно расцветает порнография, массово печатаются на Западе эротические книги. Правда, Владимир Набоков, американский писатель, сумел издать свою педофильную «Лолиту» до начала этой «революции». Не опиши он сексуальные сцены с двенадцатилетней девочкой, никто бы и не знал, что есть такой писатель. Даже в Советском Союзе в журнале «Иностранная литература» стали появляться в упомянутое время издания с эротическими сценами. Начиная с Древней Греции и Римской империи, эротика была изобретением мужчин и в утешение мужчин. Хотя сейчас в Англии и США авторами эротических книг являются преимущественно женщины, и еврейки – лидеры этого бизнеса. Евреи вообще лидеры любого грязного бизнеса. Да и Россия недалеко отстала. Посмотрите электронный журнал «Самиздат» (www.lib.ru), раздел эротика. Подавляющее большинство авторов – женщины и гомосексуалы. У женщин больше сексуальных фантазий, чем у мужчин. Появились шокирующие мини-юбки. Более откры-

той стала проституция. Даже в Испании, где маленького роста еврей Франко держал бедный народ в сжатом до синевы кулаке, открываются бордели. Прогрессивный русский публицист Тарасов пишет: «Буржуазное общество потому так легко приняло “сексуальную революцию”, что она позволила расширить рамки мещанского потребления за счет секса, легализовать секс как товар – вдобавок к недвижимости, еде, питью и примитивному псевдоискусству». Великая Богиня – Природа, как всегда, вовремя поняла, что в этой революции есть излишества, нарушен баланс, и в наказание за это выпустила из непотребного мешка новую ужасную болезнь – СПИД, приостановившую немного разгул похоти. В будущем точно так же будет наказан сионизм; евреи в своем стремлении к богатству, в своем садизме по отношению к другим нациям, к русской нации особенно, не знают предела. Скоро, очень скоро они все свои наворованные деньги унесут в могилу.

Это только предтеча. Мы, семнадцати-восемнадцатилетние курсанты мореходного училища, за пять лет до начала моды на мини-юбки, за пять лет до «революции» были обычными здоровыми парнями со своей проблемной гиперсексуальностью. По вечерам, после отбоя, лежа на койках в кубрике (все спальные комнаты назывались по-корабельному), кое-кто из нас «травил» о женщинах, кто-то хвастался своими победами. Но мне кажется, абсолютное большинство из нас на первом курсе были девственниками. Это уже на третьем курсе все мы стали мужчинами. Но и тогда из-за своей необразованности мы неосознанно соглашались с Ницше, которого никто из нас в то время не читал: «Счастье для мужчины – я хочу, счастье для женщины – он хочет».

Часто первый опыт у парней бывает с женщиной старшего возраста. Старшина роты, распределяя наряды, назвал мое имя: «К кастелянше, помогать разбирать белье». В кастелянском помещении хранились на вешалках наши гражданские костюмы и бельевые запасы училища. Кастелянша, по нашим понятиям – старая женщина, лет под сорок, еврейка, улыбнулась слегка левым уголком рта: «Ну, помощничек, иди сюда. Вот эту кучу белья надо рассортировать, просты-

ни – отдельно, полотенца – отдельно». (Год назад начальником Клайпедского МУ был еврей Митурич, и он поустраивал в мореходку массу евреев – типично для еврейского кагала. Даже заведующий столовой, камбузом – по-флотски, был маленький толстенный еврейчик со странной фамилией Минималин, что давало повод для шуток над минимальными порциями.) Я начал трудиться, иногда чихая от пыли с несвежих простыней. Когда закончил эту работу, кастелянша позвала меня в другой слабоосвещенный угол. Я подходил к ней и в полумраке за что-то зацепился ногой, да так неловко, что свалился прямо на женщину, и мы вдвоем упали на мягкую кучу белья. И вдруг она обхватила меня руками, я не успел опомниться: «Не бойся, сынок». Ее рука уже пыталась растегнуть левый клапан моих флотских брюк (флотские брюки не имеют ширинки): «Помоги». Когда ее пальцы сжали мой еще пока мягкий отросток, я почувствовал, как он мгновенно стал железным. Еврейки, с их азиатской родословной, – темпераментные женщины. За свою долгую жизнь я знал их около дюжины. Но тогда глухой стон, чуть не крик кастелянши почти испугал меня. «Все хорошо, сынок, спасибо. Только не проговорись никому».

В программе сионизма есть очень важный пункт – «Израилены невесты». В советское время, если еврею не удавалось занять высокий пост, то к «хозяину» этой должности умело подсовывали в постель симпатичную темпераментную еврейку, и вскоре народный комиссар или член ЦК женился на ней. И новая жена потихоньку давала супругу выгодные сионизму советы: кого, куда и т. д. Во времена Сталина практически все народные комиссары, то есть министры, были женаты на еврейках: Хрущев, Молотов, да и у Сталина первая жена – Сванидзе – еврейка. (Это ее родственник сейчас в захваченной сионистами России изгаляется над русскими людьми и не скрывает, что он – жид.) Вторая жена – Надежда Аллилуева – тоже из еврейской семьи. Даже наш литовский первый секретарь Антанас Снечкус был вторично женат на еврейке. О Брежнев и его еврейском семейном окружении и говорить не надо.

Я долго ожидал нового наряда к кастелянше. Но больше

визита на мягкое белье не было. Когда мы получали у нее постельные принадлежности, она и глазом не повела в мою сторону, может, не запомнила меня, но, скорее всего, я был не первым и не последним ее «сынком». Я переживал немножко из-за этого, думал, а может, я ее не удовлетворил, может, у меня недостаточно большой, но тогда почему она стонала, почему между стонами говорила: «Е...и меня, сынок»?

Была когда-то в советское время недоброй памяти «большевичка» Роза Землячка (Розалия Залкинд – настоящее имя). Зверь и садистка. Это она вместе с другим евреем Бела Кун (Арон Кохн), будучи членом Реввоенсовета Армии Фрунзе, приказывала топить тысячами русских солдат Белой Армии, попавших в плен, вывозя их в Черное море на шаландах с открывающимся дном. На Белом море «пламенный чекист» Михаил Кедров (Моше Зедебаум) таким же садистским методом утопил 1092 русских офицера. Помните об этом, русские и славянские люди! Но кровавая Роза была темпераментной еврейкой и каждый вечер выбирала к себе в постель «сынка» из красноармейцев. Некоторые из них, не умевшие держать язык за зубами, таинственно исчезали. Говорят, что Землячка была потом любовницей Сталина, который оставил ее в живых после еврейского заговора. Все бывшие Маршалы-евреи: Тухачевский, Якир, Блюхер, Бела Кун, пытавшиеся свергнуть вождя, были расстреляны. Так что темпераментная pussy порой спасает жизнь.

Между ребятами часто велись разговоры: о, у него (кого-то) такой большой, все бабы будут его. Все мы, еще, по сути, подростки, по незнанию думали так: большой член – счастье. Никакого сексобразования тогда не только в СССР, но и на Западе не было, все приходилось познавать из собственной практики, из рассказов старших мужчин, не всегда правдивых. Хорошо, моя соседка Надя Фролова, молодая вдова (муж ее погиб в Астрахани) «успокоила» меня насчет длины. «У него был такой большой, что за всю совместную жизнь я никакого удовольствия не получила, была только боль, было только мучение. Вот с тобой – совсем другое дело», – улыбнулась она, прижимаясь ко мне крепче. Даже знаменитая пор-

нозвезда Silva Sant (чешка), снявшаяся в 300 порнофильмах, сказала: «Предпочитаю средние члены, от больших – только боль». Так что говорю всем мужчинам: не очень беспокойтесь о длине, не верьте порнофильмам с гиперчленами, изрыгающими чуть не стаканами «сперму», сделанную из кефира и накачанную в канал перед эякуляцией. Все модели – актрисы, я бы назвал их проститутками, ибо они зарабатывают деньги своими pussy, никакого наслаждения, никаких оргазмов во время съемок не испытывают, за редким исключением: восточные «телки» – японки, тайландки и другие азиатки, от природы склонные к быстрому оргазму.

Все мы в молодости, в период становления и перехода к мужественности, имели те или иные комплексы. После Нади один из моих комплексов исчез. Сейчас врачи-сексологи и статистика утверждают, что средний размер у европейца – 14,5 сантиметра. Только 10 % мужчин имеют большие члены. Как ни странно, у негров средний член на один сантиметр короче европейского, только в мягком «виде» их пенисы выглядят больше, так как они имеют небольшой коэффициент расширения. Самые маленькие члены (как утверждает статистика) – у японцев, то ли это островной синдром, то ли какая-то другая закономерность.

А наш судовой врач показал однажды, как замеряют длину сексологи. Оказалось, у меня почти 17 сантиметров, точнее, 16,8. Мужчины, имеющие больше среднего размер члена, думают, что для женщины этого достаточно. Нет, женщине нужна в первую очередь ласка, а затем соитие. Знаменитый американский писатель Генри Миллер – его книги сейчас стоят на полках «Классика» – сознается, что у него был большой (5 дюймов = 15 сантиметров), и он был любовником высшего класса.

На транспортном судне «Кенгарагс» плавал со мной несколько рейсов старшим помощником капитана хороший человек Паша Багно. Он был маленького, вернее, невысокого роста, но весь так и светился энергией. Свой комплекс, связанный с ростом, он всегда оправдывал: «Я пошел в корень», – мол, у него такой большой (как он признался, 20 сантиметров). Наше судно почти каждую неделю заходило в иностранный порт, и поскольку мы с Пашей оба были любите-

лями прекрасного пола (а кто из мужчин не страдает этим?), то иногда делали вылазки в «злачные» места вместе, хоть это и противоречило инструкции: капитан и старпом не могут покидать корабль одновременно. Но инструкции на то и издаются, чтобы их нарушать. Мне запомнилась пара визитов к женщинам. Один раз в Лас Пальмасе мы «сняли» двух приятных, но не первой молодости девчат. Поначалу немножко выпили с ними виски, прихваченного с собой, угостили их советским шоколадом и разошлись по разным комнатухам. То ли от виски, то ли от хорошего питания (на судне был прекрасный кок), но я «замучил» свою партнершу. Когда я вышел в коридор, Паша сидел со скучным лицом: «Ну, ты даешь, я уже полчаса жду тебя». Что меня немножко удивило.

В Нуадибу (Мавритания) мы пригласили негритянку, одну на двоих – в баре больше не было женщин. «Только, Павел Захарович, чур, я буду первым», – сказал я, утверждая свое капитанское право. Когда Паша вышел из комнаты, наша партнерша была такая разъяренная, такая взбешенная, что чуть не плевалась в моего товарища, осыпая его грязными словами. Чем он ее обидел, я не стал спрашивать, но подумал: «Твои 20 сантиметров – не гарантия успеха».

В то же время, как пишут в некоторых книгах, женщины в своем кругу говорят едва ли не с восторгом: «У него такой большой». Мы, мужики, ведь тоже говорим: «У нее такие большие сиськи», а ведь это совсем не показатель темперамента женщины, что мы ценим превыше всего. Может быть, взять в руки большой член и удовольствие, но это не значит, что удовольствие будет полным. Из моей практики: самые темпераментные – это женщины с небольшой грудью. Наташа Битюкова, подруга моей кузины Нели, кроме длинных красивых ног и красивого лица, имела почти ничего, только два маленьких бутончика с начинающими набухать сосками, но секс любила до безумия, дайбоже каждой с большими «тыквами».

Одна еврейская «мадам», проститутка высшего пошиба, пишет в своей книге, как она принимала одного японского министра, прибывшего в Нью-Йорк. У него длина была не более 5 сантиметров, как утверждает она. Вообще-то еврейская

Тора (эта книга была включена в библию в начале средневековья под названием «Ветхий завет») запрещает еврейкам заниматься проституцией. (В библии слово «проститутка» упоминается 54 раза, слова «блядь» или «распутница» – 53 раза.) Несмотря на иудейские запреты, еврейские женщины всегда были первыми на панели. Так, в 1938 году в Вильнюсе, по официальным данным полиции, среди городских проституток 80 % были еврейки.

Моя Светоносная жена Гина часто говорит мне: «You are my magic man (Ты мой волшебный мужчина)». Это она убрала мой последний комплекс, когда, обнимая меня при нашей первой близости, сказала: «You have a nice popa (У тебя красивая попа)». Я стеснительно буркнул: «I don't know (Я не знаю)», ибо всю жизнь я стеснялся своей попы – она казалась мне большой. В детстве мы, сельские пацанята, купались в Десне, естественно, голышом, не знали, что такое плавки или купальники. Однажды мой друг Вадим (это он помог мне заасфальтировать улицы в родном селе) сказал: «Петя, у тебя большая задница». Я посмотрел на голых друзей – да вроде бы нормальная у меня попа, правда, у некоторых они были сзади плоскими. И вот почти всю жизнь я мучился из-за слов Вадима. Иногда для сравнения смотрел на пляже на мужчин с абсолютно плоской попой и думал, что это и есть эталон мужской красоты. Позже я прочел в одной умной книге, что женщин привлекает в мужчине лицо и попа. «Плоские» мужчины не так эффективны. Вот выдержка из книги бразильской журналистки Кики Сильви: «Как же он был красив! Он был моего роста с широкими плечами. А его ягодички! Санта Мария! Какие у него были ягодички! Настоящая мужская попка, кругленькая, упругая, сбита, в меру упитанная». С момента встречи с Гиной в «Stenly hotel» я стал абсолютно перфектным, уверенным, без единого комплекса мужчиной. Даже форма моей головы Гине нравилась, глядя ее порой, она говорила: «My lovely football (Мой славный футбольный мяч)».*

* Только у людей есть самооценка. Возьмите, к примеру, червя – у него нет никаких комплексов относительно своей значимости (Генри Миллер).

Порой хотелось напевать из Высоцкого: «Я вышел ростом и лицом. Спасибо матери с отцом». Но для избавления от всех комплексов мне нужно было прожить большую часть жизни и нужно было встретить мою богом посланную Гину. У нас с ней все просто чудесно, ибо самая волшебная близость – это когда люди любят друг друга. Я старался всегда быть с ней ласковым настолько, что она порой получала восемь оргазмов. «До тебя у меня никогда такого не было. Я до сих пор не верю, что этот мужчина любит меня». – «А мне, – вторил я ей, – кажется невероятным, что такая женщина влюблена в меня. Это как сон». С годами иммунная система наша заставила немножко уменьшить пыл, но и сейчас порой мы чувствуем себя очень даже молодыми. Мы с Гиной в любви так долго и вечно потому, что каждый из нас чувствует свою личную независимость, которая необходима каждому человеку. Мы не контролируем друг друга, ибо доверяем беспредельно друг другу, и совместную жизнь строим вместе, как единое существо.

НИЁЛЯ

Это было хорошее и молодое время, когда из Клайпеды в Вильнюс летали двухмоторные самолеты Ли-2. В аэропорту я встретил моего товарища – капитана Толю Ковалева. Не так давно, будучи еще штурманами, мы посещали с ним одну квартиру, где жили две девушки, которые частенько оставляли нас на ночь. Моя – Элла – натуральная блондинка, я дразнил ее «Эллочка-людоедка», умела ритмично сжимать своей pussy мой пенис, что было ново для меня и доставляло необычное удовольствие. Тем она и запомнилась. Толина черноволосая Женя была особой страстной и всегда громко стонала. Эллочка, лежа со мной, часто над этим смеялась.

Двум капитанам, только что вернувшимся из рейсов, было о чем поговорить. Мы взяли бутылку коньяка и коротали время, ожидая вылета.

В самолете тогда можно было курить и выпивать, была свобода передвижения, уничтоженная позже сионистскими службами ЦРУ и Моссада. Это они взорвали небоскребы в

Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, это они убили президента Чили Сальвадора Альенде 11 сентября 1973 года, это они взорвали дома в Москве, дабы еврей Путин стал президентом России. Кстати, во взорванных московских домах не проживало ни одной еврейской семьи. Отделение Моссада – ФСБ четко подготовило убийство сотен русских людей. Были, конечно, в то время сволочи и других национальностей, вроде двух литовцев Бразинскасов, убивших советскую стюардессу Надежду Курченко. Приземлившись в Турции, они были встречены теплыми объятиями людей из ЦРУ и до сих пор, возможно, живут в США. А может, уже сдохли. Но в нынешней профашистской Литве они занесены в списки героев.

Мы с Толей сидели рядом, курили, потягивали коньячок из горлышка и говорили. Самолет попал в турбулентную зону, началась качка. Кое-кому из пассажиров стало плохо. Женщина, сидевшая впереди, попросила нас не курить. Рядом с ней сидела молодая, очень красивая девушка. Вскоре из кабины вышел второй пилот, наших лет мужчина. Проходя мимо и видя страдания женщины, пошутил: «Не курите, моряки (мы к тому времени затушили сигареты), а то высажу сейчас на берег». Мы засмеялись его шутке. Позже я крепко подружился с ним. Саша Пастухов, бывший военный летчик, часто летал в Клайпеду, и всякий мой визит в Вильнюс я старался попасть к нему. Вскоре он стал командиром, или, как говорят на Западе, – капитаном.

Перед выходом из самолета я спросил у красивой пассажирки, к кому она прилетела. «К сестре». – «Она встречает вас?» – «Нет, я знаю дорогу, не первый раз в Вильнюсе». – «Так, может, зайдём в ресторан, время обеденное». Она улыбнулась и согласилась. Устоять перед двумя молодыми моряками с капитанскими шевронами сложно. (Мне тогда было двадцать шесть.) Милая девушка была убийственно красива. Мать ее – литовка, отец – армянин. «Гибридная» Ниёля взяла от обоих родителей самое лучшее: темные волосы и глаза – отца, нежное лицо с румянцем – матери. Ей было девятнадцать лет. Она работала учительницей в начальной школе в Дарбенай – большом поселке недалеко от Клайпеды. Не хва-

тало учителей, и ей после окончания школы и трехмесячных курсов предложили учить первоклашек.

На следующий вечер я был в однокомнатной квартире ее сестры. Мы сидели вдвоем на кухне, пили вино, чем-то закусывали и оживленно болтали. Сестра Ниёли была постарше. Мы засиделись далеко за полночь (автобусы уже не ходили), и она сказала; «Ложитесь оба на кухне». На узком матрасе удобнее всего было лежать в обнимку. Как я ни уговаривал Ниёлю раздеться – она ни в какую. Но ей нравились мои пытливые руки, она учащенно дышала, когда я ласкал ее, но до заветного места допуска не было. Я промучился – с настоящей болью – до утра и с рассветом ушел. Но вечером я опять был у них. И опять она позволяла ласкать себя везде, ласкать всю, даже держала мой жезл в руке, но проникновение опять не состоялось. В жизни все желаемое должно быть хорошим, иначе бы у нас не было бы желаний. Здесь же желаемое хорошее для меня становилось пыткой. В 2 часа ночи я оделся. «Завтра я уезжаю», – сказала Ниёля. «В котором часу поед?» – спросил я и ушел домой. В семь вечера мы встретились на вокзале. До отправления было около часа времени. Ниёля стояла в конце перрона молчаливая, понимая, что мы расстаемся навсегда. Я тронул ее за плечо. Две маленькие слезинки скатились по ее щекам. «Я – девственница», – сказала она. «Почему же ты не призналась мне у сестры? Дай твой билет, – и я разорвал его. – Уедешь послезавтра». Она улыбнулась такой счастливой улыбкой и, всхлипнув последний раз, обняла меня крепко.

Ночью, лежа в моих объятиях, красивая в своей наготе, Ниёля сказала: «Если ты не женишься на мне, я тебя зарежу. У моего отца – армянина – есть большой кинжал». Это была, конечно, шутка, но с долей маленькой тревоги за свершившееся. У Кавказа свои обычаи.

Пару раз я приезжал в Дарбенай. Когда заканчивались уроки в школе, мы с Ниёлей уходили за поселок в уединенные места. Домой она стеснялась приглашать меня, мама-католичка может догадаться, что дочка уже не девушка.

Вскоре я ушел в пятимесячный рейс; пять месяцев между

нами было безмолвие: радиogramмыя не посылал по ее просьбе, дабымама не узнала. Вернувшись, я взял у товарища письмо от Ниёли. Она писала, что к ней сватается учитель местной школы, литовец, мать настаивает на свадьбе, отец тоже. «Против отца, – пишет она, – идти не могу». Я ответил ей коротко: «Милая Ниёля, ты самая красивая девушка из всех, кого я знал. Это были чудные часы, проведенные с тобой. Я желаю тебе счастья. Я никогда не забуду тебя».

• • •

С Сашей Пастуховым, летчиком, в самолете которого я познакомился с Ниёлей, мы стали друзьями. Он начал летать на «тушке», и всякий мой приезд в Вильнюс (в Вильнюсе жили мой родной дядя, тетя и моя любимая двоюродная сестра Неля) мы встречались с ним. Вскоре Саша женился на самой красивой стюардессе Литвы – Лене (Эляне). Он, может, не был красавцем, но был очень обаятельным, имел добрую душу, от него искрилось это щедро, чем, видимо, и покорила Лену. Они жили дружно, иногда летали в одном экипаже. Когда ждали ребенка, Лена ушла с работы. После смерти моего дяди я редко посещал Вильнюс, но с Сашей иногда разговаривал по телефону. Годы летят стремительно, почти как самолет. Прилетев в Вильнюс, я позвонил Саше. Ответила Лена: «Приходи вечером, пожалуйста».

Лена закатывала трехлитровые банки с домашним сливовым компотом. Я обнял ее. «А где Саша?» – «Садись». И она поведала, что они с Сашей не живут вместе уже два года. Сын сейчас у (ее) мамы в Паланге, ему уже семь лет. Саша навещает их, но редко, летает по всему Союзу.

Когда все банки были закатаны, мы сели к столу. Я открыл принесенную бутылку шампанского. Лена быстро захмелела и оставила меня у себя. Никогда в жизни я не спал ни с одной женой моих товарищей, хотя возможности такие были, и кое-кто из них слегка намекали на согласие, но совесть моя абсолютно чиста перед моими друзьями. У нас был один однокашник, еврей, который когда-то хвастался: «Сегодня иду с Галей Кузьмичевой (женой товарища), она согласна». А вслед за

ней было еще несколько жен друзей. Но он еврей, а евреи – люди без чести. Как писала в своей книге Ирина Конюхова – жена знаменитого Федора Конюхова – «евреи не имеют порога нравственности».

Здесь же с Леной вроде мой принцип не нарушался: она уже давно не была женой друга.

Тело у Лены было необычно шелковисто-бархатистым, кожа была настолько нежной, что гладить ее было величайшим удовольствием. «Я знаю, что я такая, – сказала она, – мне уже говорили об этом». Уровень тестостерона у меня в ту ночь был очень высок, и я пять раз кончал в Лену. К сожалению, моя бурная активность не сделала ее такой же, она оставалась чуть прохладной, как ее шелковистая кожа. Может быть, из-за ее бесстрастности мне хотелось ее опять и опять, я надеялся расшевелить ее, довести до кипения. Она всякий раз принимала меня безотказно, обнимала меня крепко, ее pussy была очень влажной от моей обильной спермы, но я не чувствовал ответного излияния. На мой вопрос она ответила: «Я такая, мне приятно с мужчиной, приятны объятия, приятны движения во мне, но что такое оргазм по-настоящему, не знаю». – «Ах, жалко, что послезавтра я уезжаю, ты бы познала, что такое оргазм».

БИРУТЕ

В конце ноября выпало много снега, было чуть холодновато, градусов десять, не меньше. Я шагаю по улице, высокий и здоровый, радуюсь всему, что вижу. Я люблю жизнь, люблю людей, люблю, наверно, немножко себя – неосознанно, и улыбаюсь. Под вечер морозец стал поострее, и я зашел в кафе около кинотеатра «Балтия» выпить рюмку коньяка для «сугрева». Зал был пустой, только за одним столиком сидела девушка. Официант принес коньяк с бутербродом. (Русские люди никогда не пьют без закуски, может, поэтому и пьют больше, чем на Западе, где экономят на всем, включая закуску.) Я посмотрел на девушку: «Можно, я к вам сяду?» Что-то грустное просвечивалось на ее молодом лице. Днем случилось несчастье. Бируте (так звали девушку) работала

водителем небольшого фургончика, доставляла товары со складов в магазины. Как раз позади кафе, где мы сидели, в узком переулке был «черный вход» в универмаг, напротив которого девушка поставила машину. Когда разгрузка закончилась, Бируте села за руль и включила заднюю передачу, чтобы отъехать от ступенек магазина. (Надо сказать, что тогда не было автоматического сигнала, как сейчас.) А под задним колесом играл пятилетний мальчик. «Не знаю, что сейчас будет, на сколько лет меня посадят, и жить не хочется». «Выпей немножко», – и я подвинул к ней рюмку с коньяком.

Потом мы шли по вечернему городу. Я решил не оставлять ее одну и проводить до Малой Деревни (пригород Клайпеды), где она жила. Для нее я оказался настолько нужным, большим подарком, потому что мы говорили о чем-то другом, не о несчастье, и Бируте впервые с момента случившегося чуточку расслабилась и улыбалась, слушая мои смешные истории, которые я «сыпал» без перерыва.

Около дома, где она снимала комнату или койку, мы обнялись, и я поцеловал ее: «Не отчаивайся, жизнь ведь все равно продолжается». «Я не могу пригласить тебя к себе», – сказала Бируте. «А мы постоим здесь немножко». Мои руки чувствовали тепло под ее одеждой, и хоть был мороз, но я приспустил теплые рейтузы девушки и наклонил ее к заборчику. Когда ее лоно стало влажным, и она слегка застонала, я вжался в нее насколько можно и тоже застонал.

Затем мы стояли обнявшись, нам было тепло, мы были как одно целое. «Спасибо тебе за все, – сказала Бируте, – теперь, может быть, я усну».

СТУДЕНТКА

Мне было за пятьдесят. Я ехал на своем «мерседесе» из Вильнюса. Возле Кришкальниса (около ста километров от Клайпеды) голосовала молодая девушка. Я остановился:

- Куда?
- В Палангу.
- Садись... Зачем в Палангу?

– К маме. Я перешла на второй курс университета, а сейчас – на каникулах.

– А что учишь?

– Литературу. Буду учительницей.

– Похвально, всю жизнь уважал учителей. Сколько лет тебе?

– Двадцать через месяц. А вы чем занимаетесь?

– Капитан я, почти с детства в морях.

– О-о-о, все девчата любят моряков.

– И ты тоже?

– Немножко, – засмущалась моя попутчица.

За бортом автомобиля сиял солнечный июльский день. Невысокие деревья на обочине шоссе тоже радовались лету и ярко зеленели. Невольно хотелось остановиться и присесть в тени на бархатной травке. В моей жизни это был хороший, в общем-то, творческий период: я сидел в директорском кресле судоходной компании, четыре больших корабля неплохо работали, и каждое утро я вставал с радостным настроением. После офиса я часто заходил в контору госпредприятия «Юра» (бывший «Тралфлот»), где еще сохранялась структура с советского времени и где сидели те же служащие, как и в «довоенное» время. Я заходил в кабинеты. Говорил с некоторыми женщинами о моем бизнесе, и вскоре стал чувствовать какое-то другое, отличное от прежнего – капитанских времен – внимание этих милых женщин. Потихоньку осмелев, я стал приглашать то одну, то другую пообедать со мной в уютном месте за городом, обычно в гостиничном ресторане. А иногда женщина без обиняков намекала, что хорошо бы встретиться наедине. Я был уверенным в себе бизнесменом, и, видимо, запах успеха, запах самоуверенности привлекает самку, в данном случае – женщину. Секретарша генерального директора, молодая рослая литовка Ниёля призналась в постели, что давно мечтала переспать со мной. Обычно после обеда мы поднимались с приглашенной женщиной в гостиничный номер, иногда задерживаясь и опаздывая на работу. Я уже давно не занимался коллекционированием, что было по молодости, но к тому времени (по скромным подсчетам) имел более 400 женщин почти

со всех континентов, кроме Австралии. И никакой болезни за долгую (уже!) жизнь. Почти каждую неделю у меня была новая партнерша, но ни одну из четырех женщин, работающих в моем офисе, я не приглашал обедать, инстинкт подсказывал: нельзя! Я стал прямо как поручик Ржевский; не знаю, куда подевались мои природные робость и скромность; возможно, женщины помогли избавиться от них. Один, не совсем приятный для меня эпизод: лучшая подруга жены, на квартире которой мы когда-то жили и которая была замужем за известным литовским капитаном, нашим хорошим другом – мы всегда отмечали праздники вместе, – однажды позвонила мне, попросила встретиться, а после обеда откровенно предложила себя в любовницы. Я все-таки при всем при том оставался порядочным человеком – с женами друзей никогда не крутил любовь – и тактично увильнул от «соблазна».

Не так давно, в одном рейсе, на судне было шесть женщин, хороших милых женщин. Ну, ладно, буфетчица (стюардесса) была, как обычно «по уставу», любовницей капитана, но однажды, спустившись вечером с мостика, я обнаружил в спальне под простынею совсем другую женщины – прачку Лиду. Когда я кончил, а я не могу делать это тихо, всегда получается со стоном, чуть ли не с криком, эта Лида испуганно спросила: «Петр Демьянович, с вами все в порядке?» – «Все в порядке, а твой Римантас (ее бой-френд) не такой?» – «Нет, он молча посопит, посопит и отваливается».

Через два дня под простыней лежала нагая Зина – пекариха, а через неделю – вторая повариха Тоня, такая скромница в жизни, а тут – надо же, никто бы не подумал!

В том рейсе в моей спальне побывали пятеро из шести женщин. Позже я выяснил, что буфетчица проболталась, мол, капитан – хороший любовник. Вот женское общество и решило проверить. Но никакой ревности, никаких проблем в этом «гареме» не было: я был ласков и добр со всеми, знаю, что они и сейчас вспоминают меня добрым словом.

Такое обилие женских тел, вернее, девичьих, у меня было только в Вильнюсе, где почти все подруги моей двоюродной сестры Нели были моими любовницами. До сих пор удив-

ляюсь, я всегда был стеснительным и скромным, и поэтому часто инициатива «поймать» исходила от девушки. Ира Плышевская – миниатюрная Венера, Лариса Соколова имела красивую большую грудь. Наташа Битюкова могла служить супермоделью. И другие – уже не помню их имена. Неля порой ревновала меня. Однажды на сеновале мы с Ирой «изучали» 100 способов, а Неля лежала в двух метрах от нас и мастурбировала. Но мы никогда не согрешили с ней, хоть и были близки к этому. В один период мы были по-настоящему влюблены друг в друга, и ее родители обсуждали между собой возможность нашей женитьбы.

...Мы с попутчицей продолжали ехать, неспешно разговаривая о ее студенческой жизни. Мне хотелось продлить наше путешествие, хотелось побыть с этой молодой симпатичной девушкой подольше. «Ты любишь кофе?» – «Да, люблю». – «Давай остановимся. У меня в термосе хороший кофе и даже печенье есть». Я захватил из багажника покрывало, и мы расположились за кустарником.

Честно признаюсь, я не соблазнял ее. Но так получилось, что она разрешила себя поцеловать. Ах, как хорошо, что люди сотворили поцелуй, с него начинается дружба, с него начинается любовь. Он возбуждает сексуальные гормоны, он порождает желание к более откровенным ласкам. Я убрал термос с покрывала, очень мягко, без усилия положил девушку и стал целовать ее ноги. Она сама подняла вверх платье и даже помогла снять белые трусики. Ей нравилась эта игра, ей хотелось. Но когда я попытался войти в лоно, почувствовал, что что-то не так, и заметил на ее глазах слезы. «Ты что, целка?» – «Да. Один студент пытался, но у него не вышло». – «Не плачь, большой боли не будет». Когда она стала женщиной, я не терзал ее, а быстро кончил на живот. «Не бойся, не забеременеешь».

В машине, перед тем, как тронуться, я достал зеленую банкноту: «Это для бедной студентки. Бери, бери, знаю, все студенты бедные, потому что молодые». «Спасибо, – тихо сказала она, – за это и за то». – «И тебе спасибо. Я довезу тебя до дома». Это было мое последнее приключение с молодой

поросль, эта была последняя (как я шучу) из одиннадцати тысяч девственниц.*

Через год я встретил Гину, и уже никогда и ни с кем не ездил обедать и никого не угощал кофе с печеньем. Только мою Великолюбимую Светоносную Женщину. При нашей первой близости я спросил ее: «Ты знаешь, что твои глаза в момент оргазма становятся зелеными?» – «Нет, никто не говорил мне об этом. Если это так, то потому, что люблю тебя сильно, как никого в жизни». И уже двадцать лет мы живем в чудной гармонии. Наша жизнь счастливая и полна нашими чувствами друг к другу. Мы никогда не бываем в плохом настроении, даже если что-то случается неприятное с техникой (я называю техникой все сотворенное человеком: дом, яхту, машину, компьютер и тому подобное). Мы любим людей и никогда не чувствуем их неприязни. Мы не богаты, славабогу, но и не нищие, живем скромно, особенно с тех пор, как «поселились» на яхте (уже 12 лет!), нам хватает 300–400 долларов в месяц. Мы долго искали друг друга, порой спотыкались в тумане и мгле. Гина у меня – третья жена, я у Гины тоже третий. Но счастливым человек хочет быть всегда – и в молодости, и в зрелые годы. А чтобы иметь счастливую семейную жизнь, надо уметь любить, надо каждый день влюбляться друг в друга. Мужчины, брейтесь не только утром, но и всякий раз, когда идете с женщиной в постель. Дарите любимой цветы. Ведь людей не любят за просто так, любят за что-то хорошее, за что-то необычное. Первый наш День Рождения на яхте (Гина родилась 19, а я – 20 февраля) мы встретили в порту Сантандер – северная Испания. Марина (яхт-клуб), где мы стояли, была далеко от города, полтора километра нужно шагать только до автобусной остановки. Поэтому мы редко ездили в центр. За день до нашего «Рождества» я хотел было отправиться за цветами, но Гина запротестовала. Ну ладно.

* Когда-то Магеллан нарек мыс на входе в пролив, носящий его имя, мысом Одиннадцати тысяч девственниц. Миф об этих девушках, сочиненный иудейско-христианской церковью, долго бытовал, и в святцах был даже день, посвященный девственницам. Сейчас мыс называется просто: Вирхенес – Девственница, чтобы моряки не задавали вопрос: «А где он взял столько?»

Я оделся потеплее и пошел «изучать» прилегающие к марине земли. Хотя и была зима, но испанская, везде зеленела трава, а под кустами, где было теплее, я обнаружил разнообразные скромные цветы, из которых собрал маленький букетик. На следующее утро я вручил его Любимой Женщине. Она даже прослезилась. Позже Гина нашла в букетике пятнадцать разных цветков, включая клевер.

НАТАША

С Наташей Платоновой мы познакомились в Друскининкайском санатории (Литва). Она только что защитила кандидатскую, и муж Наташи, уже кандидат наук, подарил ей путевку. Жила она в одной комнате с Ниной, молодой женщиной-инженером из Комсомольска-на-Амуре. В столовой меня посадили к ним за столик, обе внимательно и с определенным интересом посмотрели на меня: я был в приемлемом для них возрасте, лет на 10–15 старше. Нина показалась мне более общительной (если сказать по-мужски – более доступной), чем молодая кандидат наук, державшаяся чуть прохладнее. Поначалу мы с Ниной ходили на прогулки, иногда с нами рядом шла Наташа. У Нины заканчивался санаторный срок. Только в последний день она решилась на близость. Что греха таить, замужняя или незамужняя женщина мечтает в санатории переспать с мужчиной, когда будет еще такой шанс (в родном городе работа, семья, муж). Желание это естественное, и не нужно называть женщин блядьми, хотя слово «блядь» в своей основе ничего плохого не несет, просто характеризует здоровую от природы женщину, любящую наслаждения, без которых жизнь была бы пресной. А во всем, включая секс, нужно немножко разнообразия, ибо чем больше мы познаем, тем более умелыми становимся. Нина прислала мне из далекого Комсомольска два очень теплых (я бы назвал их любовными, интимными) письма. «Без тебя санаторий не оставил бы никакой памяти», – призналась она.

После отъезда Нины мы с Наташей свободное от процедур время стали проводить вместе. Иногда ходили в кино. И тут

мне подфартило: мужчина, живший со мной в «каюте», уехал, я стал «хозяином» комнаты. Пригласил Наташу вечером к себе, она, интеллигентная женщина, не стала играть в недо-трогу, разделась и легла в кровать. «Первый раз я изменяю мужу». – «Ничего страшного, он тоже однажды сделает это, если уже не сделал». (Я был немного циником.) Наташа в постели была любопытна, ей нравились мои изощренные и необычные для нее ласки, неизведанные с мужем, но с оргазмом была проблема. «Вот когда мастурбирую, получаю яркое, хорошее удовольствие, а с мужем... Приятно, но хочется большего». (У них уже пятилетний сын.) Она с «академической» выкладкой говорила о вагинальном и клиторальном оргазме. «Запомни, – сказал я ей, – все оргазмы только от стимуляции клитора и его “окрестностей”».

Я собирался уезжать. «Вот тебе подарок, – и подал ей вибратор. – Тренируйся. Встретимся – проверю». (Вибратор по-испански – *consolador*, то есть утешитель.) Она засмеялась: «Я буду хорошей ученицей, обещаю». Мы оба чувствовали, что расстанемся не навсегда. У нас зародилась нежность. Эта умная милая женщина, преподаватель престижного института, нуждалась в чувственном приключении, и оно пришло к ней в моем образе. Далекий от ее профессии, от ее академического окружения (муж ее работал в Академии наук СССР), далекий от ее московской культуры, я умел, тем не менее, интересно рассказать морскую историю. И в то же время был если и не малоопытным сельским парнем, то впитал в себя немного грубоватой морской манеры, и моя нестеснительность в интиме привлекали Наташу, и, видимо, действовал также простой постулат: каждая интеллигентная женщина должна иметь любовника.

Мы расстались с надеждой на встречу. Меня вскоре послали в Москву в командировку (я напросился сам, надо признаться). Наташа навестила меня в гостинице – у нее были два свободных от лекций дня, – а потом она отважилась пригласить меня к себе. Муж был на работе, сын – в детсаду. И хотя она очень боялась – не дай бог, соседи заметят! – тем не менее, встретила меня в своей квартире с зажженными свечами и бутылкой шампанского. После короткой прелюдии Наташа расстелила на полу толстое по-

крывало (семейное ложе исключалось). Мы лежали обнаженные и ласкали друг друга. Я вдруг вспомнил: «А где твой вибратор? Покажи, что ты им делаешь». – «Я часто использую его, муж пока не знает». Вибратор мягко заурчал. Пока она ласкала им свой клитор, я пристроился сзади. Наташа, почти единственная из многих, никогда не чувствовала боли или дискомфорта от этого. «Ты представляй, что тебя имеют два мужика», – сказал я, и от этих слов она застонала и получила сильный оргазм. Фантазии часто помогают, многие женщины любят, когда мужчина говорит всякие «неприличные» слова, называя вещи своими именами. И эти слова, грубо используемые в русском языке, становятся вдруг для женщины такими сладкими, что кое-кто из них просил: «Продолжай, продолжай говорить так». Наташа любила фотографироваться в разных позах со мной, и как она признавалась, эти фотографии ее очень стимулировали.

Вскоре я ушел в рейс в Тихий океан. Со мной отправилось и теплое чувство к Наташе, которое я берег, как мог. В том рейсе я даже не претендовал на буфетчицу, имевшую парня из экипажа. Возвращались самолетом из Лимы через Москву. Была промежуточная двухчасовая посадка в бразильском Сальвадоре, где я купил Наташе красивый и, по моим средствам, дорогой перстень с изумрудами и бриллиантами. Мы приземлились в Шереметьево утром. «Раньше двух часов дня не смогу вырваться», – ответила Наташа по телефону. Мой самолет на Клайпеду вылетал вечером.

Наша встреча была более чем теплой. «Спасибо большое, только я не смогу носить твой подарок. Как я объясню мужу появление такой дорогой вещи?» – «Навестишь позже маму в Киеве, скажешь – от нее. А сейчас возьмем такси и побудем немного наедине». Наташа слегка нервничала, но не возражала.

Я договорился с таксистом, тот отвез нас в ближайший лесок и на двадцать минут покинул машину, оставив нас с Наташей.

Стоял московский довольно прохладный ноябрь. Не просто было пристроиться на заднем сиденье, не просто было снять с нее теплые рейтузы, но я был в таком диком возбуждении после шестимесячного воздержания, что мог свернуть горы. Когда все закончилось, Наташа тихо сказала: «Ну что ж, позже я буду го-

ворить сама себе: и такое было в моей жизни». Потом у нас была недельная встреча в Киеве, где жила ее мама. Наташе нравилось разнообразие ласк, и она соглашалась, как задорный любознательный ребенок, на любое новшество. Позже она призналась маме, что я делал в постели. Мать ведь тоже женщина, и ей были интересны все проказы дочки. Иногда я разговаривал с мамой по телефону, она была как бызаговорщицей, поддерживающей нашу связь. В Портленде (США) я ездил в знаменитый чем-то госпиталь (по-моему, там лечился известный баскетболист-литовец), пытался достать Наташиной маме лекарство от тромбоза.

Следующий мой рейс был в Аргентину. В море Наташа стала моей музой – я вдруг снова стал сочинять стихи после многолетнего затишья. Когда-то, еще будучи молодым штурманом, я сказал себе: или ты будешь плохим поэтом, или будешь хорошим капитаном. Я выбрал второе и на долгие годы отложил поэтическое перо. Один клайпедский капитан – В. Трофимов – хороший поэт, его стихи часто печатались в городской газете, по-пьянке утопил судно, выскочив на скалы Тод около острова Борнхольм (Балтийское море). И вот Наташа вернула мне желание творить. Сочинение стихов – приятное занятие, никогда не скучно, голова все время занята работой, ложишься спать – перед сном запишешь пару рифм. Конечно, любимая работа (а капитанство было ею) – творчество, но стихосложение давало особую радость. В том рейсе я написал много стихов, и все они были посвящены Наташе. Часть из них была опубликована в газете «Рыбак Литвы», но в целом я не умилялся им, это простые «непричесанные» вирши, скорее, не от таланта (таланта у меня нет, во всяком случае, я его не развил), а просто от души. Помещаю некоторые из них в эту книгу только для того, чтобы показать мое чувство к Наташе, настолько оно было светлым.

Бессонница

Плещется тихо волна за бортом.
Спать... Спать...
Лучше не думать о дне прожитом.
Спать... Спать...

Завтра настанет снова рассвет.
Спи. Засыпать!
Нет, не уснуть. Мыслей пестрый букет
Не оборвать.

Милая нежность, склонись надо мной
И обними.
Легким касанием рук мою боль
Молча сними.

Шепотом тихим песенку спой
Иль прочти стих.
Если усну – то только с тобой
В мыслях моих.

К Наташе

Мы все грешны в какой-то мере,
Сам дьявол не сочтет грехов
Всех наших. Жить без всякой веры,
Без ангелов и без богов
Куда как просто. Но сознание
Содеянного давит нас,
И вдруг потянет к покаянию,
Как-будто скоро – судный час.

Блажен, кто верует. Он в храме
Священника всегда найдет
Для исповеди. И Адамом
Невинным станет. И начнет
Грешить опять. Как надо мало
Душе. Мне это не дано,
И брутто всех грехов усталых
Лежит на мне давным-давно.

Ни падре, ни попа, ни муллы
Нет рядом. Море. Океан.

Лишь чайка крыльями взмахнула,
 Да на воду залег туман,
 Как на душу, – белесо-синий
 От патагонских берегов.

Прошу тебя, моя богиня,
 Дай отпущение грехов,
 Чью тяжесть временем измерил
 И совестью своею я.
 Не оставляй меня без веры,
 Ведь ты – религия моя.

Зеленый луч

1.

Вечер тихий. Чуть качает
 Зыбью судно. Отштормило.
 Море мило принимает
 Утомленное светило.

Солнце за день обогрело
 Океана половину.
 И, усталое, зарделось
 Ярким цветом апельсина.

2.

Вот коснулся диск горячий
 Голубой глазури водной,
 И влюбленное светило
 Входит в плоть воды холодной.

А любовь всегда рождает
 Красоту и мир гармоний –
 Солнце, с морем обвенчавшись,
 Дарит людям луч зеленый.

Перед тем, как слиться с морем,
 С этим вечно юным чудом,
 Шаловливо подмигнуло
 Драгоценным изумрудом.

Луч зеленый над светилом
 Тонкой шапкой изогнулся
 И, чуть-чуть поколебавшись,
 В небо острием взметнулся.

С древних пор в примету верят:
 Будет счастье мореходу,
 Если солнце подарило
 Луч зеленый на заходе.

3.

И когда я наблюдаю
 Предзакатное светило,
 До захода еще знаю:
 Будет встреча нынче с милой.

Потому что луч зеленый
 Так прекрасен и чудесен,
 Как твой нежный взгляд влюбленный,
 Как мотивы твоих песен.

Пролив Дрейка

(Пролив, отделяющий копьеобразную Южную Америку от Антарктиды, назван в честь знаменитого пирата Дрейка. Пролив – одно из самых опасных для плавания мест.)

Там, где Америки копье
 Нацелилось на полюс южный,
 У мыса Горн извечно бьет
 Волна крутая. Ветер выюжный
 Свистит зимой у мыса Горн.
 То место проклято богами,
 Наверно, было с давних пор.

Пролив с жестокими штормами
 Всегда коварен, как пират,
 Чье имя, как клеймо, застыло
 В названии. И хоть преград
 Природа там нагромодила,
 Зимой и летом корабли
 Мыс знаменитый огибают.
 А Горн у Огненной Земли
 Их сталь и души закаляет.

В традицию давно вошел,
 Как память парусного века,
 Обычай: кто хоть раз прошел
 Проверку у пролива Дрейка, –
 Серьгу из золота носить
 Тот может в левом ухе гордо,
 Как знак, который получить
 Можно лишь в кузнице у Горна.

Прекрасны нравы старины,
 Их возродить порой мы рады.
 Ведь до сих пор с гребня волны
 Глядит на нас призрак пирата.

*Разошлись, как в море корабли
 (Поговорка)*

Идут корабли морскими путями.
 Их сотни, их тысячи, но между нами
 Морское пространство, мили и волны,
 И встреч мы не делаем, даже невольных.
 Постоите, друзья, задержитесь слегка,
 Ведь мы же живые, в кои века
 Нарушим движение графиков наших,
 Сойдемся поближе, друг другу расскажем:
 Откуда идем, как живем, как детишки,
 Как настроенье, шалят ли нервишки,
 Какая погода у вас позади,

И будут шторма ли на нашем пути?
 Неважно, что есть языковой барьер,
 Улыбка и жест нам покажут пример.
 Ведь души морские у вас и у нас
 Как сестры родные, без грима, прикрас.
 Одни нас ведь тропики солнцем смолили,
 И солью одной ураганы солили,
 Судьба наделила нас счастьем одним,
 Чуть-чуть подгорчив его перцем своим.
 Присядем за стол. Пусть в каюте тесно,
 Но мы не в обиде. Подай-ка вино,
 Стюард, капитанам. Наполним бокалы
 И выпьем за то, чтоб подводные скалы
 Своим поцелуем не тронули нас.
 А третий бокал мы поднимем за вас,
 Любимые женщины всех континентов,
 Блондинки, брюнетки и прочих оттенков.
 И выпьем еще мы за мир и покой
 Над каждой планетой и каждой судьбой.

Увы, невозможно собраться нам вместе –
 У каждого свой путь, другим неизвестен.
 Хоть линии курсов пересеклись,
 Моргнули огнями и – разошлись.

Прогулка по ночному Байресу

*(Жители Буенос-Айреса называют свой город Байресом.
 Улицы Флорида и Лаваже знамениты своими богатыми
 магазинами и ночными заведениями.)*

В городе широких авенид
 Жизнь бурлит, сверкает юность и реклама.
 Байрес весело на всех глядит
 Взглядом жрицы эротического храма.

Город ночью – это тень и свет.
 Центр его – ночной базар по распродаже
 Тела женского. Запретов нет
 Там, где скрещены Флорида и Лаваже.

(Соблазняли в этот вечер две
Жрицы молодые, только все напрасно.
Мой соблазн живет сейчас в Москве,
Самый соблазнительный из всех соблазнов.)

И ликует праздник авенид,
И гремит ночей бездумное веселье.
Только рядом, бледные на вид,
Притаились тихо улицы-ущелья.

Окон темнота теплом не жжет,
И никто не зазывает наготовю.
Непродажная любовь живет
Здесь простою жизнью, может быть, святою

Но не тьма, а свет людей влечет.
Снова на Флориде я, но только рядом
Ты идешь со мной, прижав плечо,
И люблюсь с тобой старым Арбатом.

От контрастов сразу не устать,
Мы скучаем при однообразии.
Можно в жизни праведником стать,
Только как природу обуздать,
Если в голове живут фантазии?
23 октября 1989 г. Буенос-Айрес

Депрессия

Что-то грустно чуть-чуть,
Как к разлуке – предчувствие.
Видно, время пришло
Что-то предпринимать.
Дни бегут чередой,
Затеняя то чувство,
Что позволило нам
В сказке год пребывать.

Может быть, я устал,
И поэтому кажется,
Что уходит любовь.
И мой мир обеднел.
Но ведь кто-то из нас
Вскоре все же отважится
Ощутить безысходность
Расстояний и дней.

Мне было хорошо с Наташей. Была ли это любовь? Порой в доказательство этого хотелось услышать от нее: «Я хочу от тебя ребенка». Несколько женщин говорили мне так. Но жизнь ставит свои, более прагматичные условия: второго ребенка она не хотела. Мы продолжали встречаться, порой было немыслимо трудно организовать очередную встречу. Однажды мне пришлось проехать на своих «жигулях» 500 километров (плюс 500 назад за день) по разбитым российским дорогам до подмосковного Можайска, куда Наташа приехала на поезде. Отпущенные судьбой два часа мы провели на опушке леса, а любовью занимались в машине. Позже она приезжала в дом отдыха в Калининградской области, а это рядом с Клайпедой. Мы встречались с ней три с половиной года, но и сейчас я изредка звоню ей. Мы остались друзьями. Она прочла две моих книги, но я постеснялся спрашивать ее «высокоакадемическое» мнение, боясь получить негативный отзыв. Когда-то она подправляла, редактировала мой рассказ о Патагонии, было много ошибок, но, главное, Наташа заставила меня отказаться от слова «ихние», мол, есть только слово «их». Она же убедила меня не носить черные рубашки, мол, мне идут только светлые тона, и я следую этому совету до сих пор. Спасибо. Моя первая жена Саша тоже прочла книги. Поначалу сказала мне: «Ты молодец!», но позже призналась, что книги ей не понравились. Это – единственный негативный отзыв. Но многочисленными читателями книги приняты очень тепло, я получил десятки электронных писем с хорошими отзывами, в пяти газетах Беларуси и Украины печатались статьи о книгах – на трех славянских языках, но главное – мои односель-

чане, простые люди, хвалили эти книги, особенно за простой язык. Одна женщина сказала: «Демьяныч, спасибо за чудные закаты, за морские волны, за зеленые лучи, о которых я узнала из твоих книг». Это – большая радость для меня.

ДЕВЧУШЕЧКА

Я называл ее любовно девчущечкой, она была на двадцать шесть лет моложе меня. Честно говоря, это я уговорил ее устроиться на судно буфетчицей (или стюардессой – по иностранному), пообещав ей хорошую зарплату, очень хорошую сравнительно с той, которую она получала в парикмахерской. И она согласилась, заняв место своей подруги Люды, сказавшей: «Не пойдешь ты – пойдет другая. Не будь душой, соглашайся». Заместитель директора по кадрам Бружас (мы были с ним дружны, когда он работал секретарем горкома партии) помог быстро оформить Лайму на работу, сказав мне, чуточку завидуя по-мужски: «Красивую буфетчицу ты нашел». – «Все молодые для нашего возраста красивые». Я смотрел на выходящую из отдела кадров девчущку в мини-юбке, с красивыми ножками, и был несказанно рад. Я находился в опасном возрасте – пятьдесят, – когда к мужчине возвращается вторая молодость, второе дыхание и появляется жгучее желание любить молоденьких. Я всегда был противником неравных браков, когда пожилой мужчина брал в жены молодую девушку. Не может быть долгой любви в таком браке, через несколько лет она заметит, что в супружеской постели лежит старик. Любовь к молодым – это не извращение. Это – закон природы, когда самец выбирает молодую самку: будет здоровый приплод. То же происходит и с стороны самок. Взять, к примеру, оленей. Самки пасутся в стороне, пока два самца в упорной борьбе, до поломки рогов, бьются за обладание гаремом. Естественный отбор, как бы по Дарвину. Только история человечества говорит, что право выбора было почти всегда на стороне мужчин, за редким исключением привилегированных цариц вроде Клеопатры, Екатерины Великой и других. До сих пор это исключение считается

не совсем естественным. Но на днях (сентябрь, 2010) феминистское движение за равные права добилося, что в некоторых странах (Швейцария, Франция) официально запрещено употреблять слова «мать» и «отец», отныне можно говорить и писать в документах только «родители», чтобы уравнивать женщин с мужчинами. Так что, русские мужики, если евреи Путин и Медведев решат присоединиться к «Европе», то придется вам прекратить посылать по матушке, придется прекратить материться. Уже несколько лет существует женская ассоциация «Пума». Преамбула Устава ее – каждая зрелая (читай, пожилая, то есть после сорока) женщина имеет право жить с молодым парнем. Ассоциация периодически арендует морской лайнер, и несколько сотен «зрелых», надо полагать, богатых женщин со своими молодыми партнерами совершают круиз по разным морям. Поверьте мне, что в круизе появляется «зверский аппетит» к сексу, ибо там больше нечем заняться. Обмениваются ли женщины партнерами – вопрос, но ясно, что молодой парень не может любить по-настоящему «тетю» или «бабушку». Я немало лет прожил в Лондоне и знаю, что многие английские леди – одинокие или одинокие в постели при старом муже – летают в бывшую английскую колонию Гамбию (южнее Сенегала), где «снимают» молодых негров, затем возвращаются домой одухотворенными. А что сделаешь, природа требует своего.

Со мной плавал несколько рейсов тралмастер Унгулайтис. Ему было за сорок, но он жил с девятнадцатилетней, которая упрашивала его жениться на ней. «На сколько лет, на год, на два? А потом ты не захочешь жить со старым», – был его ответ. Мне известны несколько неравных пар, не очень счастливых. Немного чокнутые от славы заслуженные артисты вроде еврея Рязанова, Табакова и других на старости лет женились на студентках, ну и сейчас выглядят карикатурно со своими животами-гарбузами. А стройные молодые жены напропалую изменяют им, бессильным старикам.

Сейчас не модно жить по старым канонам: «Но я другому отдана и буду век ему верна». Поэтому, когда Лайма пришла на судно и стала моей любовницей, я сказал себе, что

постараюсь помочь ей тем, что будет в моих силах, но не позволю дойти до «женись на мне», как это случалось со многими капитанами. Первое, в чем она нуждалась, так это избавиться от фригидности. (В Бразилии, в главной газете страны «O'Globo», я прочел как-то, что 28 % бразильских женщин не знают, что такое оргазм.) Лайма поведала мне, что была замужем, что имела несколько любовников или, попросту, мужчин, но никогда не испытывала оргазма. «Ну и тунеядцы все твои мужчины, – сказал я, – такой красивой девушке с такими чудными грудями (у нее действительно были большие молодые ядренные груди) не получать от жизни самого большого удовольствия просто грешно!» Но расшевелить ее естество было не так просто. Мы иногда играли по часу, благо, я имел гиперсексуальность, как молодой. Эти игры ей нравились; каждый день после обеда, когда она заканчивала уборку кают-компаний, у нас был «адмиральский» час. Лайма заходила в капитанскую спальню (моя большая каюта состояла из салона-кабинета, спальни и ванной комнаты), сбрасывала ненужную одежду. Я любовался ее красивым молодым телом, и сам становился молодым.

Когда у нее была простуда, я делал горячую ванну из морской воды и заставлял ее греться; кажется, она была тронута этим, а мне доставляло истинное удовольствие помогать ей, как ребенку. Она порой и была для меня ребенком, о котором нужно заботиться; может, поэтому искренне привязалась ко мне (я не хочу сказать: она полюбила меня). Одним вечером я включил видео – эротику. «Смотри!» А сам стал умело ласкать ее. И произошло желаемое: Лайма вдруг вздрогнула, приглушенно всхлипнула «ой». Это был ее первый оргазм. Она поднялась, радостно улыбаясь, и мне было приятно: «Молодец, молодец, теперь все будет в порядке. Только в следующий раз не стесняйся кричать, это поможет ощутить затаенное блаженство». Дать наслаждение женщине – это иногда намного важнее собственного оргазма, неосознанно у тебя появляется гордость за это, потому что дарить людям радость – это предназначение каждого хорошего человека.

После этого жизнь изменилась. Лайма приходила ко мне в

спальню не для того, чтобы сделать своему покровителю приятное, а чтобы самой в порыве оргазма взлететь на небеса.

Во время стоянок в родном порту мне приходилось часто ездить в Вильнюс по делам фирмы. И я всегда брал Лайму с собой. По дороге останавливались в тихом, закрытом от людей месте и радовались жизни. Лайме, по-моему, даже нравилось заниматься любовью с небольшой опаской – а вдруг кто-то увидит. Кажется, от этого она испытывала более острое наслаждение. Иногда я просил ее повернуться лицом вниз. «Ой, заканчивай, больно!» – «Ну, хорошо, я не буду так». – «Нет, нет, продолжай, тебе ведь нравится, только кончай побыстрее». Ах, ты, моя девчущечка, какая же ты была добрая и податливая. Все-таки, она любила меня. А я любил ее. Не только за молодость, но и за хорошую душеньку. Лайма была доброй с людьми, никогда не делала никому зла, в компании она иногда рассказывала что-нибудь смешное с таким юмором, что все хохотали. Ее любил весь экипаж.

Был у меня на Клондайке друг Хесус Гомес, испанец. Когда-то он закончил Ватиканский университет, но не захотел быть священником (его готовили для униатской церкви, и он знал украинский язык), потом два года учился в дипломатической школе, работал несколько лет дипломатом в Москве, вообще, был необычный человек. Однажды мы стояли у причала порта Лервик, брали груз на Виго (Испания) для его компании. Под вечер Хесус, элегантно одетый, пришел к нам на борт и первой, кого он встретил на палубе, была Лайма. Позже Лайма рассказывала и смеялась: «От Хесуса пахло таким чудным одеколоном, что скажи он: иди со мной, – я пошла бы за ним куда угодно». На следующий день я пришел к нему на квартиру. «Покажи твой парфюм». Это был «Fahrenheit» – французский Диор. С тех пор я пользуюсь только им. Гина часто шутит, видя, как я «душусь» перед выходом в город: «Теперь все женщины будут следовать за тобой». Почему фирма Диор нарекла этот одеколон именем физика Фаренгейта, температурной шкалой которого пользуются до сих пор в «отсталых» США и некоторых других странах, не знаю.

Когда мы закончили брать груз на Виго, я встретил моего

друга Дерека, учителя местной школы. «Хочешь попутешествовать в Испанию на моем судне, благо, сейчас рождественские каникулы?» Дерек с превеликой радостью собрал чемодан и на следующий день поселился в лоцманской каюте. Мой друг – необычный человек, он говорит на 33 языках.

Во время стоянки в Виго Дерек собрался идти в парикмахерскую подстричься. Я остановил его. «Какая парикмахерская, зачем тратить деньги, у нас своя профессиональная парикмахерша – Лайма». Лайму пригласили ко мне, она принесла расческу, ножницы. «Пойдем, Дерек, на верхний мостик, там я подстригу тебя». Они знали друг друга уже давно.

Через час врывается ко мне разъяренный Дерек. «Петр, смотри, что она со мной сделала», – и дергает себя за волосы. Я взглянул на разгневанного друга – очень аккуратная короткая прическа, с которой при его молодости он выглядел еще моложе. «Очень хорошая прическа, тебе очень идет, – сказал я, – ты выглядишь молодо, как пацан». – «Вот именно, как пацан, а я учитель». Дерек долго держал обиду на милую Лайму, может, даже и сейчас не забыл. Потом он грустно рассказывал: «Петр, я пришел на урок с этой короткой прической, и ты знаешь, эти великовозрастные ученики стали показывать на меня, смеяться и скандировать «фашист, фашист». (Дерек преподавал немецкий, и родители его были немцы.) При западной демократии это – обычное явление. Я как-то побывал в одной английской школе – это просто ужас, никакого уважения, не говоря уже – почтения к учителям нет. Лайма, живя в США, рассказывает, что там тоже дети – школьники, как бандиты. Где наша славная советская школа?»

Когда я ушел с капитанского мостика и сел в директорское кресло в офисе, Лайма через месяц тоже ушла на берег. «Я не смогу плавать ни с одним капитаном после тебя». – «Наверно, теперь тебе надо найти хорошего парня и выходить замуж». – «Наверно». О своих новых мужчинах она рассказывала мне все, не были они суперменами. Иногда после рабочего дня Лайма звонила мне в офис. «Можно я приду к тебе?» Мы беседовали, как очень близкие люди, а потом она просила: «Вы...би меня, пожалуйста». – «Так ты же с парнем

живешь». – «Он толком ничего не может».

Жизнь преподносит нам не только приятные вещи. Лайме пришлось лечь в больницу, делать очень серьезную операцию. Я боялся, как бы после этой операции красивая девушка не впала в депрессию, не потеряла веру в жизнь. Но вскоре ей повезло, она получила «зеленую карту» США и уехала из голодной буржуазной Литвы. В Штатах она сумела получить гражданство – а это было непросто, – вышла замуж за хорошего литовца (он работает дальнобойщиком), выучилась на медсестру. Лайма имеет постоянную хорошо оплачиваемую работу, дом, мужа, помогает маме, живущей в Клайпеде, иногда приглашает маму к себе или навещает ее. И я думаю, что она счастлива. Она заслужила это – быть счастливой. Я поддерживаю с ней связь по телефону, мы по-прежнему остались хорошими друзьями. Я прочел Лайме эту часть книги, и мы оба радостно перенеслись в то хорошее, молодое, несколько необычное для нас время. Лайма искренне призналась, что я был лучшим из всех мужчин в ее жизни, потому что был ласковым.

РАЯ

Пароход «Новая Земля», на котором я штурманил несколько лет, по приходу в Клайпеду обычно отдавал якорь в заливе, напротив речки Данге, в ожидании глубоководного причала. На берег мы переправлялись на небольшом портовом буксире, который швартовался в реке рядом с паромным причалом. (Паром ходил ежечасно на Куршскую косу.) В один из прохладных вечеров (был декабрь), ожидая буксира, я попросился погреться в небольшое сооружение, почти будку, где сидела кассирша, продававшая билеты на паром. Молодая женщина была красива почти цыганской красотой. Полные губы с яркой помадой приветливо раскрылись в улыбке, и от этого мне стало сразу теплее.

Через пару дней Рая пригласила меня домой. Она жила напротив ЦБК в немецком домике, в квартире брата. Занимала там небольшую комнатуху с чуланом и полуторной

кроватю, на которой вскоре я стал ночевать в свободные от вахт дни. Рая в первую ночь рассказала, что была замужем за капитаном – известным в Клайпеде, не хочу называть его имя, – но разошлись, почему – не сказала. Тогда меня, еще очень молодого и далекого от житейских неурядиц, не очень-то все это интересовало. Меня интересовало и влекло женское тело, а у Раи оно было богатое. Я уже не причислял себя к разряду сосунков, но, тем не менее, когда ее полные губы сжали мою возбужденную плоть и стали двигаться по ней умело и долго, меня чуточку удивила смелая Раина инициатива, но было так приятно, что я начал двумя руками помогать ей, лаская роскошные волосы на ее голове.

Я понял, что опытный, старше на десять лет Раин муж обучил ее всем вариантам постельной любви. А для меня это было в новинку. В один из вечеров луна светила через окошко – оно было рядом с кроватю – и нежно освещала Раино лицо. Она лежала на спине и призывно открыла свои полные губы. Она очень любила это. Когда подошел момент «пик», я хотел освободиться от ее жаждущих губ, но Рая схватила меня за ягодицы, не дав выйти из ее рта. Я смотрел при лунном свете, как она делала глотательные движения, жадно, с аппетитом. Это доставило мне необычно сильное удовольствие, и я помнил этот момент всю жизнь, ибо Рая была первой женщиной, глотающей мое семя. Потом она вдруг застеснялась, но не от того, что сделала, не от того, что она любит это, а просто забеспокоилась, что мне, неопытному, «процесс» этот не нравится. Пришлось прикинуться ухарем: «Ну, что ты, Рая, это делают все семейные пары, не беспокойся, мне очень даже нравится». Чуть позже я понял, что при всей кажущейся страстности она была фригидной, не получала оргазма, и эта неудовлетворенность делала ее почти ненасытной к оргазмам партнера. Что-то подобное описано Ги де Мопассаном. Иногда днем, когда брат с женой были на работе, а детишки – трех и четырех лет – были дома, бегали, шалили в соседней комнате, Рая могла лечь на край кровати, раздвинув призывно ноги, показывая пунцовые губы между ними. «Но ведь дети могут войти, дверь ведь не закрыта». – «Не бойся, давай».

И я давал, признаться, не всегда с большим желанием. Потом со стороны ее двух братьев начались намеки о женитьбе. Это не Запад, где мужчина и женщина могут жить годами без регистрации брака; у русских в советское время это не практиковалось. Пришлось распрощаться, все равно не было любви, только физиология.

• • •

В разных советских портах, куда мы заходили, быстро найти симпатичную девушку и познакомиться с ней было трудновато: на танцы (по-нынешнему – дискотека) не пойдешь, мешал далеко не подростковый возраст, да и танцором я был плохим. Зато выбрать в городских автобусах красивую молодую кондукторшу не составляло большого труда. Обычно она соглашалась на встречу после работы, которая заканчивалась иногда в полночь. Вопрос был один: где найти «уютное» местечко? На судно не поведешь: советские этика, мораль и закон не разрешали это; гостиница была «не по карману», да и туда тоже не пустят, ведь мы не супруги. Приходилось искать «подножное» место, где можно было бы прилечь. (Мне кажется, вся молодежь прошла через это.) В Клайпеде мы с Валеи, очень красивой кондукторшей, пару раз ходили ночью к строящимся домам недалеко от немецкой мельницы. (Я упоминаю часто слово «немецкий» потому, что Клайпеда – это исконно немецкий город Мемель, заложенный тевтонцами в 1240 году. После Первой мировой войны город был под литовским протекторатом, а в 1938 году Гитлер включил его в состав Рейха. После разгрома Германии в 1945 году Сталин подарил Мемель Литовской Советской Социалистической Республике. Никто не мог предположить, что Первый секретарь ЦК компартии Литвы товарищ Бразаускас станет первым предателем литовского народа, станет верным слугой сионизма, разгромившем Советский Союз и убившем миллионы простых людей. Сейчас в «процветающей, независимой» Литве 70 % пенсионеров голодает зимой, полмиллиона семей получает продуктовые пайки, как это было в голодные послевоенные годы.) В строящемся доме с уже навешанными кое-где дверь-

ми я снимал с петель одну из них и делал «постель», подкладывая под Валу свой пиджак. Помню, как в самый интересный момент она шептала мне: «Только не вместе, жди, когда я кончу, боюсь забеременеть». Почему-то считалось у девчат – при одновременном оргазме можно легко залететь, хотя медицина и сексология утверждают обратное: спазм в вагине при оргазме перекрывает путь сперматозоидам. Но это мы знаем сейчас, а тогда мы были такими же, как мои первобытные прародители, жившие 25 тысяч лет назад в месте, где раскинулось мое родное село Пушкиари.

В Таллинне кондукторши приходили обычно в огромный Кадриорг парк (парк Екатерины), где было много кустов и не очень много людей в ночное время. Эстонки были не очень стеснительными. Если кто-то проходил недалеко от нас и покашливал – мол, чем занимаетесь? – ни одна из моих подружек не меняла позы, продолжая приятное занятие.

Оглядываясь в туманную даль прошлого, я вижу полдюжины симпатичных кондукторш, стоящих в шеренге по стойке «смирно» и ждущих меня.

ГАЛЯ

На второй вечер по прибытии в санаторий «Шахтер» (Трускавец, Западная Украина) я заглянул в бар. Зал в мягком свете неярких бра пустовал, только у стойки сидела молодая женщина в длинном вечернем платье. Я сел рядом: «Вам не скучно?» «Скучно», – улыбнулась она. Миловидное, с чуточку татарскими чертами лицо каким-то внутренним сигналом-излучением показывало, что я понравился, и мы стали оживленно беседовать: откуда, когда, чем интересуемся. Когда в баре появились посетители, я сказал, что живу в комнате пока один (это «пока» длилось весь санаторный срок за небольшую мзду главврачу) и пригласил ее к себе. Галя встала. Она была симпатична, стройна, а вечернее платье очень соблазнительно струилось по ее телу, по ее красивым ногам, по ее прелестной попке. Истинная красота тела видна через любую ткань, даже мешковина не скроет прекрасно изваянное женское тело.

Не было никакого жеманства, было взаимное желание двух здоровых людей – мужчины и женщины. Галя была очень темпераментной, все время стонала, изливаясь оргазмами. Была просто находкой, очень сладкой ягодой. Когда я сменил ее позу, она сказала: «О, ты и это знаешь! Где ты научился?» Ее вопрос удивил меня, никто из женщин никогда не спрашивал, все игры в постели принимались так, как хотел мужчина и, конечно, чтобы это нравилось женщине.

Через два дня Галя рассказала о своей жизни. Мы уже любили друг друга (нужно любить многих людей, и ты будешь счастлив и любим ими). Ей тридцать два, у нее дочь-подросток. Молодой студенткой Галя вышла замуж за военного летчика, но хватило ума (как сказала она) ребенка родить после института. Кочевала вместе с мужем по разным военным городкам. Все было хорошо и прекрасно. Но в одном из полетов над атомным полигоном муж получил большую дозу облучения.

«Я сидела часами около его койки в госпитале и не верила, что этот молодой красивый мужчина, мой муж, отец моей дочери, медленно умирает. Хотелось верить в чудо, но оно не произошло. Мой любимый человек умер. Я была в таком отчаянии, что готова была тоже умереть. Если бы не дочь, может, так оно и было бы. Ты ведь веришь в лебединую верность: если один лебедь погибает, то второй складывает крылья и камнем падает на землю». Через несколько лет (она с дочкой жила уже в Казани) рана понемногу зарубцевалась, Галя снова стала улыбаться и однажды встретила врача-хирурга. У него были золотые руки, он делал сложнейшие операции и был известным в городе врачом. Они стали жить вместе. Врач оказался очень опытным в любовных ласках, он показал Гале на ее теле многие эрогенные зоны, и ее природный полуазиатский темперамент раскрылся с такой силой, что ей хотелось и хотелось, она будто пробудилась ото сна. «Я, конечно, не стала нимфоманкой, – шутит Галя, – но поняла, какая это чудная радость – секс». Ей казалось, что ее друг – единственный на свете мужчина, знающий, как сделать женщину счастливой в постели и показать необычные вещи, а разнообразие в сексе –

важный элемент чувственной игры. Гале думалось, что, кроме хирурга, никто не знает этих тонкостей. «Я была с ним, как кошка в период течки». Поэтому она и удивилась, когда я сменил миссионерскую позицию на другую, на следующую, еще на другую, когда от моих ласк она кричала приглушенно: «О боги! О боги!» К сожалению, через пару лет совместной жизни знаменитый хирург Казани стал алкоголиком; он, видимо, уже был им и раньше, но скрывал это, сколько мог. Галя снова оказалась на обочине счастья.

В санатории часто организовывались экскурсии в горы, к скале Довбуша (был такой народный герой в Прикарпатье, по израильско-американским меркам – террорист). В автобусе мы с Галей, не сговариваясь, садились на заднее сиденье и, пока группа внимала гиду, мы ласкали друг друга руками и, как правило, успевали завершить хорошее дело к моменту посещения первой достопримечательности. Острота от необычности – вдруг кто-то из группы оглянется на нас – делала поездку необычно приятной. Конечно, мы тоже ходили со всеми около скалы Довбуша и даже представляли, как этот молодой гуцул со товарищи грабил нажитое нечестным путем богатство. По вечерам в «келье» мы были счастливы как дети. Однажды она стала в позицию «дога» и сама предложила свою прелестную попку. Только в самом начале ей было чуточку больно, но с моими умелыми руками, ласкающими клитор, она быстро получила оргазм и никогда не возражала против этого.

Давным-давно, когда я был молодым вторым штурманом на СРТ (средний рыболовный траулер), мы ловили рыбу дрейфтерными сетями недалеко от маяка Нантакет. Тогда территориальные воды США были только три мили. В этих местах летом при солнечной погоде всегда стоит небольшая дымка, так как от испарений морской воды в воздух поднимаются мельчайшие крупинки соли, которые и создают дымчатую мглу. Даже многие моряки думают, что дымка – это легкий туман. Было солнечно – штилевая погода, мы лежали в дрейфе на сетях, и был День Рождения моей первой жены Саши. Я поставил на стол ее фото, достал заветную бутылку водки и пригласил в маленькую каюту капитана и старший

комсостав – старпома, стармеха, радиста. После первой рюмки капитан Макаренко Валерий Борисович, прекрасной души человек и талантливый рыбак (позже он всю жизнь провел на БМРТ), сказал: «Красивая у тебя жена, Демьяныч». «Других не держим», – пошутил я. «За ее здоровье и за ваше счастье!» Как-то незаметно разговор перешел на женщин. И пошла обычная мужская моряцкая «травля». Валерий Борисович, захмелев – кто-то принес еще бутылку, – спросил: «А в попу пробовал?» Мне, молодому мужу, было как-то даже не по себе от этого вопроса, чем-то грязным отдавало. «Иногда это совсем неплохо, – продолжал умудренный жизнью капитан, – некоторые женщины даже любят это, если очень влюблены в мужчину». После рейса мы с Сашей решили попробовать. Первый опыт оказался печальным: Саша сразу побежала в туалет, и мы никогда больше не практиковали с ней это. Оба были неопытными в какой-то степени, я думаю, эта неопытность и помогла нам разойтись. Вообще-то, надо признаться, у нас не было гармонии, чем-то мы не «срослись», было у нее немножко высокое самомнение, возможно, ей не стоило выходить замуж за моряка. Хотя второй муж тоже был моряк – недобрым словом вспоминает он Сашу, заставившую его заняться контрабандой, из-за чего мужчина потерял работу. С третьим мужем, подполковником милиции, она также не смогла ужиться – мол, жадный, и долгие годы живет одна, но со своими хорошими стихами: «В комнате дышат лохматые тени, шторой задернут лунный фонарь». Чудно, не правда ли? И еще один хороший стих, понравившийся мне.

Зачем исчезли так внезапно
Наш не окончив полонез?
Умчали кони безвозвратно
Вас сквозь вечерний стихший лес.

Вы мне оставили виденье
В оправе жемчуга и кос
Да лепестки забытых нежных,
Увы, без вас поникших роз.

Зачем так ярки нынче свечи?
 Для вас их свет невыносим.
 Уж жемчуг снят, обмякли плечи,
 А рядом тот, кто не любим.

Вы мне оставили виденье
 В оправе жемчуга и кос.
 Придет весна, вернет, как прежде,
 И косы рук, и жемчуг слез.

Наверное, Саша счастлива по-своему, а стихи помогают ей в ее одиночестве. Как сказала Люба Оробейко – ее подруга и жена моего однокашника, «Саше не дано было от природы уметь любить, ей просто хотелось нравиться многим – это ее беда, беда попрыгуньи-стрекозы». Конечно, мы оба были не ангелами, в чем-то я допускал ошибки, которые Саша могла бы подправить, но она не горела таким желанием, видимо, считая, что рядом с ней должен быть идеальный мужчина. Но идеалом не рождаются, идеалом становятся. Разрыв произошел, когда, вернувшись из моря, я увидел у дочки протертый локтем до дыры рукав школьной формы. Ладно, не было денег на новое платье, но аккуратно заштопать мать обязана.

Я уходил в очередной рейс и оставил Саше письменное согласие на развод. Наша знакомая, присутствовавшая на суде, рассказала позже, что Саша наговорила на меня много «выдуманной неправды, не очень чистой – мягко выражаясь». Даже эта знакомая была возмущена таким поступком, ибо знала, что я был хорошим семьянином, трудягой, и хоть порой не хватало денег, но я сумел получить трехкомнатную квартиру (помогли мой однокашник Сергей Герасимов и мой начальник – светлой памяти – Гребенченко Виталий Григорьевич). Квартиру я оставил Саше.

Уезжая из Клайпеды, Саша сказала, улыбаясь, друзьям: «Петя любит меня так сильно, что если мне будет трудно, я вернусь к нему, и он меня примет».

Через 20 лет, когда я был «freelance», то есть «свободный стрелок», а у Саши что-то не клеилось с последним мужем,

наша дочь, наша хорошая, славная дочурка Лена, взявшая лучшее от моей породы и очень похожая на меня, организовала встречу: уж очень ей хотелось сесть между папой и мамой и обнять обоих – естественное желание каждого ребенка. Саша приехала в Прибалтику из Перми. Я встречал ее на своем «мерседесе» у границы с Латвией. Вот из машины вышла женщина, приятная на вид, в шляпе с большими полями. Перед этим я чуточку волновался. Но когда посмотрел на Сашу – у меня в душе не шевельнулось ни капельки теплого чувства: предо мной стояла не когда-то любимая Сашенька, передо мной стояла совсем чужая, неинтересная мне женщина со следами былой красоты. Я был сам поражен таким равнодушием. Надежда, что я буду любить ее всю жизнь, увы, не оправдалась.

• • •

Моя хорошая красивая полька Регина (у нее необычно полные губы), с которой мы много лет были друзьями, сказала однажды: «Хочешь попробовать в попу? Мой муж часто делает это». С этой Региной мы иногда «любили» друг друга, стоя по грудь в реке, за кустиком (было у нас такое уютное тайное место под Клайпедой), и это было так необычно, так сладко. Возможно, потому, что мы, лаская в воде друг друга, видели гуляющих по лугу людей. Если отбросить всю искусственную стеснительность (я бы сказал, ханжескую!) и говорить правду, то каждый мужчина и почти каждая женщина имели анальный секс. Неумелый мужчина может причинить боль, умелый – доставить удовольствие. И никакой грязи. Это действие древнее, как само человечество, и практикуется где-то больше, где-то меньше, в зависимости от региона. Конечно, часто этот акт имеет психологический аспект – поза безусловного подчинения, – но только если в этом акте нет любви. В мое – советское – время ходило много слухов о кавказцах, любителях анального секса. Когда-то в службе мореплавания нашего предприятия работала секретарем милая умная Надежда Александровна. Она прожила в Грузии восемнадцать лет и хорошо знала, что «такое» грузины. «Не верьте,

что они хорошие мужчины, хорошие любовники. Ложь это. Лодыри они. День-деньской просидит на базаре, продавая какую-нибудь мелочь, а вечером придет домой – давай, жена, жрать, – а потом к уставшей за день женщине и – секс, и обязательно попа, без всякой ласки, без всякой подготовки, обычно с болью. Не люблю я кавказцев», – рассказывала Надежда Александровна.

Касаясь темы физиологии, нужно сказать, что Природа сотворила чувственный орган очень умно, предусмотрев все варианты соития. Плоть вокруг вагины и ануса пронизывают тысячи канальчиков, вроде потовых пор, через которые выделяются из этой плоти-железы соки желания, а затем происходит выброс-оргазм. Поэтому женщина чувствует любовный зуд на «большей площади», и он намного сильнее, чем мужской. Хорошо «натренированная» женщина, а их не такой уж большой процент, излучает свои соки не только вагиной. Они через поры-канальчики проникают и в оболочку ануса. При мощном и неоднократном оргазме лубрикация сзади почти такая же интенсивная, как и в вагине. Но сначала разогрейте женщину, дайте ей возможность получить несколько оргазмов: ее попа станет влажной, и она без проблем примет туда мужчину. И никакого крема не нужно, уж поверьте мне!

В Венесуэле, где мы провели несколько лет, иметь большую попу для женщины так же важно, как когда-то на Украине иметь «повну пазуху сісок». Сравнительно с европейскими «леди», латиноамериканки, по сути, – гибрид африканской, индейской и чуть-чуть европейской рас – очень даже смотрятся со своими объемистыми, если не сказать, глобальными попами. Хорошо, у моей Гины эта часть очень даже выпуклая, и я иногда шучу: «Ты можешь жить в Венесуэле без проблем». Она ведь наполовину лапландка, поэтому Гина похожа чуточку на китаянку. В школе ее дразнили «чина», то есть «китаянка».

В Венесуэле редко делают силиконовые груди, но если ягодицы «уродились» тощими, то к услугам женщин – десятки клиник, где можно увеличить важную на данном континенте часть женской красоты. В магазинах, где торгуют купальниками (бикини) и женским бельем, нам бросились в глаза на-

кладные попы. Все мужики скажут, что женщина с хорошо выступающей попой смотрится сексуально. Но это совсем не значит, что в постели она темпераментна. Как я упоминал, в Бразилии, к примеру, 28% женщин (почти каждая из них – с большой попой) фригидны, то есть не испытывают оргазма. Только пятая часть из этого количества имеет патологию, остальные нуждаются в «мачо» – мужчине, который может разбудить их либидо.

...Галя прилетела ко мне в Литву второй раз на целую неделю. Со своим мужем-алкоголиком она уже не жила. После двухмесячной разлуки мы были как сумасшедшие, а ей очень хотелось быть такой. Я зажимал ей рот: «Тише, всю гостиницу разбудишь». Однажды, как обычно, после ванны мы легли в постель. Галя попросила меня стать на четвереньки. Она ласкала мои гениталии, а затем начала покусывать мой зад, сначала ягодицы, а потом – анус. «Кричи!» – потребовала она. Вначале я не понял, но она умело продолжала, и вдруг я ощутил с легкой болью от укусов странное удовольствие, совершенно другое, чем обычный секс, очень приятное. И я застонал. Природа дала этой части тела очень чувствительные нервы не только женщинам, но и мужчинам. Галин муж, знаток эрогенных зон, обучил ее этому.

А Галя показала это мне. И еще она показала мне «глубокую глотку». Головка мужского члена входит слегка в пищевод и касается сотен пупырышек. Это вроде мягкой наждачки, скользящей по чувствительной головке. И пусть это длится короткие секунды, но магическое действие этих пупырышек помнишь долго-долго.

Спасибо, Галя! Ты осталась в моей памяти светлой женщиной. С тобой было все чудно.

ЛИНДА

Дорогой Петр,

скажу честно – читала твою книгу и искала тебя, того человека, которого я так мало знала...А теперь надо тебя узнавать по книге, в которой ты так красиво проводишь сюжетную ли-

нию. Хочется читать страницу за страницей, дальше и дальше. Интересные места, где вы останавливались, интересный образ жизни, интересные люди, мысли, воспоминания из прошлой жизни. Поздравляю и радуюсь!

В этот момент я сижу на мансарде в Ниде и вижу Куршю Марю и белые паруса яхт... Помню, как пятнадцать лет (нет, уже семнадцать!) назад ты привез меня в Ниду из Клайпеды. Эти воспоминания прекрасны, как и все, что было. Но не все мечты сбываются. Ты внезапно уехал, и я потеряла интересного человека, о котором так часто вспоминаю.

Если скажу, что у меня все прекрасно, – это будет чистой правдой. На работе – я на вершине. Я – ведущий журналист крупнейшей литовской газеты, на телевидении имею свою собственную программу, и теперь не только сама беру интервью, но не успеваю давать их для журналов и телевидения. Мои две книги стали бестселлерами, люди узнают меня на улице и останавливают. В моей профессии я уже достигла всего, что в Литве возможно. В личной жизни я тоже счастлива. Мои дети имеют образование, занимают хорошие места. Мой спутник жизни – мастер, композитор и музыкант джаза, знаменитый в Европе. Наша жизнь полна искусства, музыки, литературы, друзей и путешествий.

Но я – все еще романтик и мечтатель. Привет Гине, я очень рада за вас.

Целую. Линда. 20.07.2010.

Как хорошо, что природа дала нам такой великий дар, как Память. Маленький эпизодик из нашей пространственной жизни, затаившийся среди тысяч и тысяч ему подобных, вдруг выплывает из глубин, и наш мир, наше настроение осветится такой яркой многоцветной радугой радости, что на время забываешь об окружающей тебя жизни и переносишься в прошлое на белоснежных крыльях Памяти. Некий умный фильтр в нашем мозгу отсеивает неприятные эпизоды, которые случались в изобилии, но оставляет светлые воспоминания.

С Линдой Лаваските я познакомился в начале девяностых.

Она работала заместителем редактора молодежного журнала, а ее «боссом», то есть редактором, был Пятрас Альгулис, мой бывший матрос. Годом раньше он пришел на РТМС «Сувалкия» матросом второго класса. Но до этого он окончил факультет журналистики в Вильнюсском университете. Романтик по натуре, сын простых честных литовцев, он решил познать нелегкую рыбацкую жизнь. И познавал ее добросовестно, трудился очень прилежно, а таких матросов экипаж и капитан (я как раз и был капитаном) любят; не стеснялся сказать правду-матку сменному рыбмастеру, если видел непорядочность. Отказался брать у второго штурмана склеенную пятидолларовую банкноту (был день выдачи зарплаты), и мне пришлось уладить конфликт. До сих пор эта купюра лежит в моем архиве, уже почти двадцать лет. Пятрас был мне симпатичен, и когда после рейса он сел в редакторское кресло престижного журнала, мы продолжали дружить с ним. Он был вхож в кабинеты высшей власти новобуржуазной Литвы и как-то пригласил меня в здание парламента, где мы встретились с депутатами Палецкисом, предавшим идеи своего отца-коммуниста, и известным литовским писателем Пашкевичем (когда-то он был первым редактором журнала «Jaunimos Gretos»). Пашкевич был честным человеком и был известен в Литве своей насмешливо-острой критикой многих легко взлетевших на националистической угарной волне политиков.

Однажды в редакции Пятрас познакомил меня с красивой молодой журналисткой Линдой. С ней никогда не было скучно, она всегда интересно рассказывала и умела заразительно смеяться. Я думаю, все, кто с ней встречался, влюблялись в нее. (И я не без греха!) Родители Пятраса тоже очень любили Линду и мечтали, как признались они мне, что сын женится на ней. Линда была разведена, а дети жили с ней. Каждый раз, когда я приезжал в Вильнюс, то старался встретиться с этими хорошими жизнерадостными ребятами, меня просто влекло желание увидеть Линду.

Несмотря на молодость, в жизни Линда имела много необычных приключений. Одно из них – английский лорд, который после знакомства с красивой литовочкой уговорил ее

посетить фамильный замок-дворец. Его мама – урожденная французская графиня – очень привязалась к Линде и лелеяла мечту, что сын женится на этой аристократичной женщине, которая станет украшением старинного рода.

Если под аристократизмом понимать ум, красоту, доброжелательность, то Линда действительно была аристократкой душой и телом. Когда она улыбалась, ее милое лицо излучало просто солнечное сияние, и собеседнику хотелось слушать и слушать ее нежный, но с какой-то чувственной хрипотцой голос, который завораживал и невольно обольщал. Линда была обворожительной ведьмочкой, дающей людям радость от любования, созерцания ее. Было бы больше таких женщин на Земле, наверно, планета наша была бы прекраснее, и не было бы войн, разве что Троянская, но причиной была бы не Елена Прекрасная, а Линда Прекрасная.

Проведя некоторое время во дворце лорда, но ни разу не переступив порога его спальни, Линда поняла, что не сможет полюбить этого человека: жить нужно с мужчиной, а не с титулом. Она отказалась от возможности стать супругой лорда (леди) и вернулась домой. Лорд вскоре снова приехал в Литву и привез обручальные кольца, но он не уговорил Линду надеть на изящный пальчик кольцо с бриллиантами.

• • •

Линда позвонила мне и попросила помочь добраться до Ниды. Я встретил ее на вокзале, встретил с радостью. Домик стоял на живописном берегу Куршю Марю, и хоть был декабрь, но вид на залив был красив. «Хочу отдохнуть несколько дней одна. Это домик моих друзей». Пока Линда разжигала огонь в печке, я спустился к машине и взял оттуда бутылку Malt Whisky. Мне не нужно было куда спешить, и мы долго и с удовольствием болтали, смакуя понемножку вкусный напиток. Потом, естественно, настал момент, когда кому-то надо проявить инициативу, и почти всегда инициатором выступает мужчина. Когда я обнял Линду, она, шутя, со смехом, стала ускользать. Нет, мы не были пьяны, может, только чуточку. Дальше – больше, мы резвились с ней как дети, ее ноги, кото-

рые я старался обуздать, взлетали вверх-вниз, пытаюсь освободиться от моих крепких рук. Это была чувственная возня, и если бы я не видел в этом элемент сексуальной игры в сопротивление, может, меня не хватило бы на эти полчаса, которые мы провели играя. Но, видимо, ей это нравилось. «Может быть, она мазохистка», – мелькнуло у меня на секунду. И только когда, схватив ее за бедра, я уткнулся ртом в ее черные трусики, она вдруг затихла и прижала мою голову крепче. Потом в момент оргазма она кричала по-литовски: «Eik! Eik! Eik!» (Дословный перевод: «Входи!»; англоязычные женщины кричат: «Come!», то же значение, но правильный перевод будет: «Кончаю!») Линда – очень темпераментная женщина, она и в постели была истинной аристократкой. Ты не можешь держать долго в памяти наслаждение своим оргазмом, но помнишь долго наслаждение, которое ты дал женщине. Славную женщину, любящую жизнь и секс, мы помним всю нашу жизнь именно из-за ее восприятия радости от оргазма, подаренного тобою. Делай добро, дари женщине радость.

Я уехал от Линды под утро, к первому парому. Через несколько дней мы провели с ней бессонную ночь в аэропортовской гостинице. Последний мой «визит» в Линду был уже на рассвете, и помнится, что она, утренняя, была уже очень усталой от многочисленных «Eik!». Это была наша соловьиная ночь, после нее мы уже никогда не виделись. Но спасибо Памяти, сохранившей для меня и для Линды чудные воспоминания о нашей короткой, но безмерной любви. Я очень горд, что знал эту необыкновенную женщину.

ДЕБИ

С этой милой девушкой, невысокого роста (примерно метр пятьдесят) мы с Гиной познакомились несколько лет назад в поселке Guacagaro (Венесуэла), на рейде которого мы якорились месяцами. Деби (Deborah) была студенткой колледжа, изучала агрономию. Поскольку она обратилась к нам на английском, Гина после знакомства предложила ей приходить к нам на яхту и помогать друг другу в изучении языков, Гине –

испанского, Деби – английского. Так началась наша дружба с этой молодой (ей было тогда чуть больше семнадцати лет) студенткой. Раз в неделю, обычно в субботу после обеда, Деби присылала на мобильный телефон SMS: могу ли я прийти к вам? В полчетвертого я подходил на надувной лодке к дому ее бабушки, стоящему у самой воды, Деби спрыгивала в лодку. Гина всегда готовила мятный чай, который в Венесуэле не популярен, но наша гостя любила его. Я подавал ей бисквит: «Тебе, бэби». «Я не бэби, я взрослая», – в шутку возмущалась Деби. Гина говорила с ней на английском, она отвечала на испанском. Урок был очень эффективен, я тоже старался схватить что-то из испанского. Деби была девочка с юмором, полтора-два часа пролетали быстро и весело.

Вскоре мы познакомились с ее родителями. Они жили в доме с большим садом, держали, кроме трех собак, несколько дюжин кур, свинку и еще какую-то живность. Отец Деби – пенсионер, кажется, мы с ним одного возраста, мать намного моложе его. Живут скромно, как большинство людей в поселке, но приветливые, как все венесуэльцы.

Деби не имела особых друзей в поселке, мы ни разу не видели ее с парнем, разве только когда приезжал двоюродный брат с острова Маргарита, и они вдвоем купались, иногда доплывали до нашей яхты и отдыхали в кокпите. Гина угощала их чем-нибудь. Языковые уроки продолжались успешно, мы любили эту веселую девушку, которая всегда была радостной. Но однажды – это было уже через два года после нашего знакомства – Деби пришла к нам в угнетенном настроении: «Родные не понимают меня, отец все время ругается». И она сказала нам, что она – лесбиянка. Мы приняли это спокойно, мы – толерантные люди и не считаем гомосексуалистов и лесбиянок изгоями; если природа распорядилась так, что эти люди составляют 10 % от всех, то, значит, был в этом какой-то резон. Жаль, что пока ученые-сексологи не дают ответа. Было ведь мнение, что аппендикс – это ошибка природы, ненужный отросток внутри нашего тела. А сейчас доказано, что он выполняет определенные функции, нужные организму. Так и с однополрой любовью: нужно разобраться, что к чему.

После этого Деби была с нами откровенна, рассказывая о своих партнершах, их было не так много. С последней – Лолой – очень красивой, но чуть полноватой девушкой у Деби была страстная любовь, они порой жили вместе. Это длилось около года. Затем произошел разрыв. Возможно, потому, что Лола – бисексуалка, для нее что женщина, что мужчина – все равно. Наша студентка плакала и долго страдала. Но жизнь продолжалась.

Увидев, что я сижу в кабине за рукописью, Деби спросила, о чем я пишу. «Сейчас – о женщинах. Хочешь, и тебя включу в книгу?» – «Хочу». – «Тогда я должен взять у тебя интервью. Не бойся, я не буду спрашивать о твоих чувствах». – «Мои знакомые часто допытываются, как мы, лесбиянки, занимаемся сексом. Такой вопрос очень неприятен мне». – «Не волнуйся, я с достаточным кругозором человек и хорошо знаю, как две женщины ласкают друг друга». Когда я отвозил ее на берег, то, пользуясь отсутствием Гины, задал несколько вопросов. «Когда ты лишилась девственности?» – «Год назад, когда мне исполнилось девятнадцать», – «Это был мужчина?» – «Нет. Лола». – «Вибратором?» – «Рукой, большим пальцем». – «Ты спала с мужчиной?» – «Только один раз, с шофером микроавтобуса (мы знаем его), и это случилось только потому, что меня подпоили; от этого, кроме омерзения, ничего не получила. Женщины намного ласковее. Они не в пример мужчинам знают, как доставить радость другой женщине». – «Что привести тебе из Лондона?» – «Вибратор».

«SUWARROW BLUES»

У нас заканчивался полуторагодовой срок нахождения в Венесуэле, и, по закону, нужно было покинуть страну на 45 дней. Мы подняли паруса

и, весело чирикая, пошли в сторону острова Кюрасао – голландской полуколонии. По пути якорились на острове Tortuga (*tortuga – черепаха*), островах Los Roques (скалы) и Aves de Sotavento (птицы – подветренные). Остров Orchilla, где ЦРУ вместе с местными прихвостнями в 2002 году короткое время держало в заточении нынешнего президента Венесуэлы Уго Чавеса, мы прошли в одной миле, ночью. Здесь расположена военно-морская база, и яхтам не разрешается туда заходить.

Для ярких впечатлений нам хватило Los Roques. В этом архипелаге сконцентрировалось более 50 островков. На североамериканской карте, которой мы пользовались, некоторые из них нанесены неточно, и полагаться на WP (*waypoint – пункты*) для GPS было нельзя: приходилось все время идти под машиной и внимательно смотреть вперед, стараясь заметить риф, отсвечивающий своей бирюзой. После трех дней стоянки у главного острова Gran Roque, не очень спокойной и не очень комфортной из-за волнения, мы прошли между островками на запад и с трудом, опасаясь коснуться грунта, отдали якорь у острова Elbert Cay, более защищенного от восточного господствующего ветра, правильное было бы сказать, – от пассата. Было мало радости наблюдать, как эхолот «уменьшает» глубину до 30 сантиметров под килем, но яхтенная лодия утверждала (а теперь и мы подтверждаем), что если точно выдерживать рекомендуемый пеленг на коралловый островок-скалу по корме, то можно безопасно зайти между рифами на якорную стоянку рядом с берегом, заросшим кустарником.

Мы были здесь одни, пиратов не опасались, но, увидев становившуюся на якорь в одной миле яхту, все-таки обрадовались и наладили с ней связь на 16-м канале УКВ. Сюда иногда заходят колумбийские бандиты, переправляющие на быстроходных катерах наркотики в США, и при случае грабят яхты. (50 % населения «демократических» Соединенных Штатов употребляют наркодурман; многие американские банки, принадлежащие иудеям, тайно субсидируют колумбийских наркодилеров.)

Переход к следующему «архипелагу» – Aves de Sotavento – был в солнечный день, но пассат задувал до 6 баллов, разгоняя довольно крутую волну. Гина вдруг почувствовала боль в спине. Когда-то, до эпохи портативных телевизионных камер, Гина – журналистка – помогала кинооператорам таскать тяжелые ящики с аппаратурой и травмировала позвоночник. Со временем, когда мы стали плавать на яхте, эта боль ушла на долгие годы, но вот весьма ощутимая качка на крутой попутной волне затронула успокоившийся было нерв. Из-за этого мы отложили поход в Гватемалу и Мексику. Но не беда, в Мексике мы оба уже бывали: я заходил в порт Мазатлан на судне «Пасвалис», а Гина несколько раз снимала там документальные фильмы. У нас есть будущее – было бы здоровье и желание.

Острова Aves de Barlovento (наветренные) и Aves de Sotavento (подветренные) – обитель птиц. Поэтому острова и зовутся «Птичьими» – Aves. В одном справочнике говорится, что 80 видов птиц гнездятся на этих скалах. Даже трудно поверить, что существует столько разных птиц в этих водах.

Постоянных жителей здесь нет, изредка заходят яхты, и никто не тревожит птиц. Мы подходили к «Подветренным» с юга. Подзакрутили стаксель и, не спеша, прошли вдоль самого большого островка Isla Larga. На две трети он покрыт мангровыми зарослями, только западная часть со скалистым грунтом была голой. Манграм нужен илистый или мягкий грунт, куда они могут опустить свои «щупальца», свисающие с ветвей, чтобы вырастить из них новые стволы-деревья.

На открытом берегу стоял небольшой домик с высоким флагштоком, на котором развевался флаг Венесуэлы. Это –

пост береговой охраны (*guarda de costa*). «Если есть пост, то вряд ли сюда заходят пираты», – подумали мы. (Хотя в Карибском море пиратом может оказаться любой, казалось бы, мирный рыбак.) Мы поднялись немножко севернее и отдали якорь у островка *Palmeras*, где стоял рыбацкий навес, росли три коксовые пальмы и не видно было ни одной души. Всегда моряки (а мы с Гиной тоже моряки, по-английски – *sailors*) радуются окончанию перехода, пусть даже однодневного, радуются заходу в порт или на якорную стоянку и предстоящему отдыху. Любое плавание под парусом по крутым волнам немножко утомляет, и ощущение тишины и покоя в закрытом от ветра месте наполняет душу невероятной радостью. Вскоре наступили сумерки, и на острове *Saki-Saki* зажегся маяк, посылая круговой луч каждые 8 секунд. Нам стало даже чуточку теплее от этого луча, будто что-то живое скрашивало наше присутствие в безлюдном месте, не всегда таком уж спокойном.

Пять месяцев назад наш друг Gerard – яхта «*Boekrah*», Голландия – по пути на Кюрасао тоже ночевал здесь. С погодой ему не повезло. Задул SW-ветер до 10 баллов в шквалах, вопреки положенному пассату от Е. Пришлось ему менять место и стать на якорь с восточной стороны островка с маяком. Не так просто совершить подобную операцию в темноте при штормовом ветре. «Новое место, – говорит Gerard, – было далеко не подарком. В двух кабельтовых к Н и Е – коралловые рифы, на которых зловеще пенилась белыми лохмотьями вода, подсвеченная вспышками огня маяка».

К полуночи ветер немного ослаб, но начался другой кошмар: над островком и обширной коралловой отмелью сгрудились почти неподвижные зловещие черные тучи, и из них стали падать красочными зигзагами молнии. Одна за другой.

Яхта «*Boekrah*» – стальная. Gerard сидел со своим помощником в кокпите и со страхом ждал, когда одна из этих – в миллион вольт – молний ударит в мачту. В каких-то двадцати метрах острие молнии вонзилось в воду, и гейзер из пара зашипел, как паровоз, выпускающий излишек энергии. Светопредставление продолжалось до четырех часов утра. От близких разрядов были повреждены радиоприемник и CD-

проигрыватель, и разрядился аккумулятор. Правда, утром заряд немного восстановился, и удалось запустить двигатель. У стоящего недалеко катамарана было полностью выведено из строя все электрооборудование.

«Такого страшного явления природы, – говорит Gerard, – я не мог даже представить». Возможно, на дне, в грунте, много железа, притягивающего молнии. А может, сказали бы набожные люди, это – богом проклятое место, ибо здесь 3 мая 1678 года французская эскадра из 18 военных кораблей, идущая на захват столицы Венесуэлы – Каракаса, налетела ночью на рифы. Спасся только один корабль. 1200 моряков остались в этих водах. Голландцы – а они пытались владеть этими островами – поднимали с рифов дорогие бронзовые пушки, нужные для войны (люди, вернее, правители всегда воюют). Даже сейчас любители-аквалангисты находят предметы с кораблей. Но у нас на яхте нет аквалангов, хотя Гина, когда мы были в Австралии, сумела окончить недельные курсы и лихо ныряла с аквалангом на глубину. А я довольствовался маской с трубкой. Подводные красоты, которые мы видели на Большом Барьерном рифе, – сказочные, и мы часами любовались богатой изумрудно-синей жизнью подводного царства. Я однажды тронул ластом раскрытую пасть гигантской – больше метра в диаметре – раковины. Мгновенно створки ее сомкнулись – я чудом успел выдернуть ласт. И представил, что было бы, если такая «ракушка» схватила бы ногу ныряльщика.

Перед заходом солнца пассат чуточку ослаб, но мы все-таки вытравили якорь-цепь на всю длину до жвака-галса. В бытность курсантскую это необычно звучное слово употреблялось к месту и не к месту. Если кто-то рассказывал интересную историю и вдруг прерывался, то окружающие рассказчика товарищи тут же ворчали: «Ну, давай, трави до жвака-галса», то есть рассказывай до конца. Или если кому-то во время шторма было плохо, и он «освобождал» желудок за борт, то потом «больной» говорил: «Вытравил из желудка все до жвака-галса». Короче говоря, это значило «сделать что-то до конца, до предела». Фактически, жвака-галс – это соединение якорь-цепи с корпусом судна, и делается таким, чтобы можно

было легко вытравить всю цепь за борт в аварийном или экстремальном случае, рассоединив этот «жвак» прямо с палубы бака. На яхте (я имею в виду нормальные яхты, вроде нашей) якорная цепь крепится к корпусу прочным капроновым шнуром, который легко разрезать ножом при необходимости. Редкие случаи, когда якорь-цепь (или якорь) попадает под скалу и выбрать его невозможно. На больших судах можно спасти оставшуюся часть цепи, если она вытравлена не на всю длину, расклепав скобу Кентера, соединяющую смычки по 25 метров. Обычно суда отдают якорь-цепь длиной, равной трем глубинам, а яхты – пяти-шести глубинам.

Когда наша якорь-цепь на яхте «Pedroma» («Педрома») попала под скалу на шестиметровой глубине в одной из бухт острова Гренада, то выручил рыбак, который, держась за цепь, спустился вниз и освободил ее. Точно такое же происшествие случилось с нами на острове Лансароте. Тоже рыбак (здоровый негр из Сенегала!) нырнул и со второй попытки освободил нас, вытащив цепь из-под бетонного блока – мертвого якоря для швартового буя.

На рейде далекого порта Лервик (Шетландские острова) покоятся десятки якорей с цепями, утерянных в ураганы русскими (советскими) кораблями, что работали на приемке рыбы от шетландских рыбаков на так называемом «клондайке», в том числе и два якоря с моей многострадальной, едва не погибшей в ураган «Калварии».

Мне слово «жвака-галс» запомнилось задолго до первой плавательской практики не из-за курсантских шуток, а из-за одной весьма трагической истории, которую я прочел в журнале «Морской флот».

В 1902 году 8 марта на острове Мартиника произошло извержение вулкана. Был разрушен город Saint Pierre. Погибло 30 тысяч человек. Только двое чудом спаслись. Один из них – негр Ciparis, сидевший в подземной камере тюрьмы. Его обнаружили спасатели через пару дней после извержения. Он был приговорен к смерти за убийство белого человека в пьяной драке и ждал экзекуции. Чудесное спасение сделало негра знаменитым, но через год он, опять по-пьянке, чуть не

убил человека и снова попал в тюрьму; после этого след его затерялся.

На рейде порта стояло больше дюжины кораблей. От раскаленных докрасна падающих камней несколько парусников вспыхнули. Пароход «Orsolina» 7 мая, за день до катастрофы, прекратил принимать груз, несмотря на протест таможни, и ушел в море без клиренса (от англ. «clear» – чистый) – разрешения портовых властей покинуть порт. Капитан другого парохода в день извержения, видя горящие на рейде парусники, понял, что спастись можно, если немедленно уйти в море. Времени на выборку якоря не было, капитан сам побежал на нос судна и отдал жвака-галс. Якорь-цепь ушла в воду, пароход медленно начал удаляться от огненного ада.

Я помнил эту историю всю мою капитанскую жизнь и постоянно требовал от боцмана проверять жвака-галс, чтобы он, не дай бог, не заржавел из-за бездействия.

На скалистом безлесном острове Кюрасао есть две бухты с причудливо изрезанной береговой чертой, будто создававший когда-то этот клочок земли «бог» был не совсем трезв и искромсал берега острыми зигзагами. В одной из этих бухт (Schottegat) построен порт – город-столица Виллемстад (первый раз я заходил туда в 1986 году на РТМС «Ионава»). Вторая бухта называется Spaanse Water (Испанские воды) и служит многие годы укрытием для яхт.

Мы зашли сюда по пути на Кубу. С трудом нашли место для якоря среди десятков яхт разных национальностей. По соседству с нами стояла голландская яхта «Suwarrow Blues». Странное название не вызвало удивления. Я вначале даже прочитал его как «Sparrow Blues», то есть «Воробьиный блюз». Гина рассмеялась и поправила меня. Но объяснить это слово «Suwarrow», даже с ее богатой журналистской эрудицией, не смогла. За долгие годы нашего скитания по морям встречались яхты с очень замысловатыми названиями. Во французском порту Lezardrieu я как-то прочел на корме одной яхты: «No nichego mama». Мне-то, русскому, было понятно,

но для остальных набор этих слов был абракадаброй. Даже название нашей яхты «Pedroma» вы не найдете ни в одном словаре мира, ибо это слово сотворено из «Pedro» – «святой Петр» и «Rome» – «скиталец».

Вскоре мы подружились с голландцами. Трое детей – две девочки 12 и 10 лет и мальчик 7 лет – были членами экипажа этой дружной семьи.

«После рождения первенца, – рассказывает Wietsne, жена и мать, – нам попала в руки книга об острове-атолле Suvarrow, лежащем в Тихом океане. Большое коралловое кольцо, окружающее группу островков, безопасный вход в глубокую лагуну, белоснежные пляжи, южное солнце, легкий бриз – это стало нашей мечтой. И мы с мужем решили, что должны идти туда на яхте. Но не было денег. Только через 10 лет, когда у нас родились еще двое детей, мы продали дом, распрощались с работой и перешли жить на яхту. Наша многолетняя мечта об атолле была так сильна, что мы нарекли свое маленькое судно «Suvarrow Blues». Потихоньку, с небольшими проблемами, пересекли Атлантику. Отсюда, из Кюрасао, пойдем через Панамский канал к “нашему” острову».

Я не стал расспрашивать голландских друзей о деталях и координатах этого атолла, поскольку мы с Гиной решили не идти в Пасифик – Тихий (или Великий) океан. Я был на Большом Барьерном рифе и сделал вояж от Орегона (США) вдоль Северной и Южной Америк до Мыса Горн, а Гина в свое время побывала на некоторых островах Океании, снимая документальные фильмы. От наших друзей, пересекших Тихий, мы знали, что плавание от Панамы до Маркизских островов довольно сложное; не верьте, что на этом пути вас ждет легкий бриз пассата.

После двухмесячной стоянки в Кюрасао мы распрощались с дружной голландской семьей, пожелали им счастливого плавания к своей мечте – атоллу Suvarrow, и поспешили вернуться в Венесуэлу, где жизнь не такая скучная и не такая дорогая, как на полукOLONIALном Кюрасао, превращенном в военную базу США.

Может быть, мы забыли бы о яхте «Suvarrow Blues», если

бы через полтора года мне не попала в руки книга на английском языке «Suvarrow Gold» (*gold* – *золото*) новозеландского капитана James Cowan, изданная в 1936 году. Автор много лет плавал на парусниках между островами Океании и знал многочисленные истории, связанные с авантюристами, ищущими на островах золото, спрятанное пиратами. Самый большой рассказ посвящен сокровищам атолла Suvarrow. И вдруг оказалось, что Suvarrow – это «Суворов», да, да, наш Александр Васильевич. Англичане исковеркали фамилию Суворова, превратив ее в несуразное слово, будто взятое из полинезийского наречия (они мастера на такие выверты), и поместили это слово на английские адмиралтейские карты, хотя в британской энциклопедии написано «Suvorov».

В 1814 году российский корабль «Суворов» под командованием лейтенанта Лазарева «пересекал» Тихий океан. 27 сентября вахтенные матросы заметили по носу большие стаи морских птиц, которые кружились над крохотными низкими островками. На картах Британского адмиралтейства это место было «белым». Лазарев определил позицию 13°14'S и 163°50'W и нарек атолл именем Суворова. Так Александр Васильевич шагнул из России не только в Альпы и Францию, но и в Тихий океан, или, как он долго именовался у нас, – Великий океан. (Даже я застал в школе географические карты с надписью «Великий или Тихий океан».)

Коралловое кольцо, обрамляющее несколько клочков суши, протянулось почти на 50 миль (все атоллы «сооружены» на кратере вулкана кораллами, неподвижными животными – по классификации ученых). Внутри атолла самый большой остров Anchorige Island, шириной в 4 кабельтовых (≈ 700 метров), протянулся на полторы мили. Высота его всего лишь 5 метров над уровнем моря. Но пальмовые деревья «поднимают» островок до 25 метров, и издали атолл Суворов выглядит как плавающая роща. Второй остров Motu-To почти такой же по площади. Остальные островки очень маленькие.

Сюда во время Первой мировой войны заходили немецкие военные корабли на бункеровку углем, доставляемым транспортом, хотя в 1889 году Британская империя аннексировала

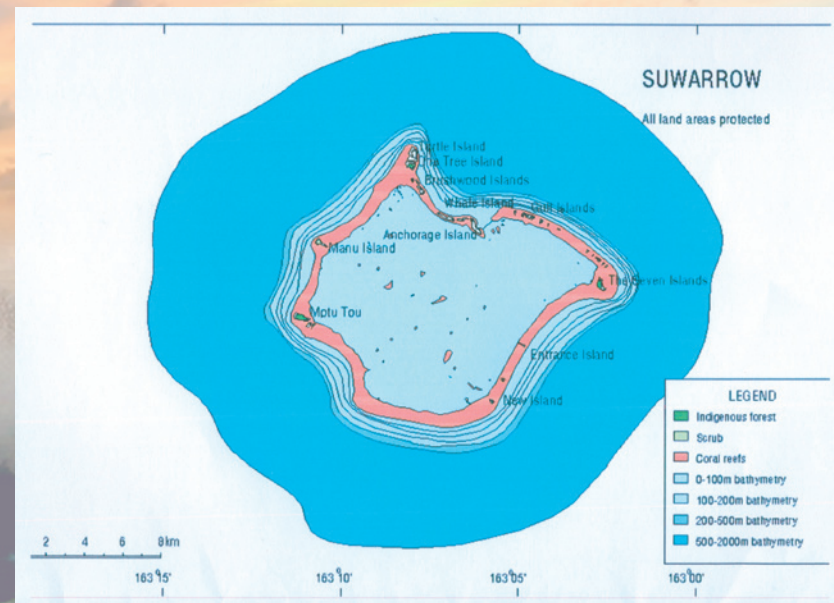
Гроза в море

Мы с Гиной
на высоте 4280 метров (Чили)

Кошка Мурча

остров с русским названием, и время от времени на флагштоке, установленном на Anchorage Island, развевался «Юнион Джек» – так неофициально называют английский флаг, поднимаемый на военных кораблях и в фортах.

Во время Второй мировой войны на острове находились четверо английских наблюдателей, докладывающих по радио о проходящих судах. Для них был построен домик и установлены цистерны с пресной водой.

Том Нил, бывший корабельный механик ВМС Великобритании, исколесивший Океанию и посетивший десятки островов и островков, в 1945 году увидел атолл Суворова и загорелся идеей жить здесь в одиночестве. Но только в 1952 году, когда ему исполнилось 50 лет, он решился осуществить свою мечту, договорившись с капитаном небольшого «каботажника», идущего в направлении атолла, отдав ему 30 фунтов. А на оставшиеся 40 фунтов – Том не был богатым – закупил нужное для робинзоновской жизни снабжение, взял кошку с котенком и высадился на атолл. От военных там остались куры и три свиньи, которые за 7 лет одичали. Овощи, посаженные Томом, свиньи портили, и ему пришлось убить их. Мяса хватило на несколько месяцев. А куры стали жить при доме. Основной пищей для отшельника были бананы, плоды хлебного дерева, папайя, кокосы и разнообразная рыба, которой была богата лагуна. Коты тоже объедались рыбой, но исправно ловили островных крыс, завезенных сюда каким-то судном в незапамятные времена.

Только через 10 месяцев с начала отшельнической эпопеи на атолл зашла на пару дней первая яхта. Экипаж ее подсказал «владельцу острова» идею: отремонтировать небольшой причал, который был разрушен ураганом в 1942 году. Том с энтузиазмом взялся за работу. Работа – лучшее средство от тоскливого одиночества. Когда через шесть месяцев причал был готов, налетел жестокий шторм, утром Том увидел, что от причала ничего не осталось.

В мае 1954 года у Тома был сильный приступ артрита – сдвинут диск позвоночника. Почти четыре дня он находился в полупарализованном состоянии, но, к счастью, экипаж за-

шедшей яхты помог ему справиться с болезнью. Позже эта яхта отплыла на остров Rarotonga, и яхтсмены поведали о бедственном положении Тома. За ним было послано суденышко, и в июле 1954 года он вернулся к людям. Через два года женился на 32-летней женщине, они имели двух детей. Но этот странный человек – по мнению окружающих его людей – в 1960 году снова отправился на свой любимый атолл, где пробыл еще 4 года. Трудно понять, что же заставляло здорового умственно мужчину жить так долго без людей. Второй раз он покинул атолл, когда туда прибыла группа ловцов жемчуга. Они не были толерантны, то есть общительны, обычно такие люди – хищники по натуре.

Через 3 года, в июне 1967, Том появился опять в своем жилище и был там до 1977 года, пока сильные боли в желудке не заставили его на попутной яхте уйти на остров Rarotonga. В госпитале у него обнаружили рак. Через 8 месяцев он умер и был похоронен на том же острове.

Сейчас я уверен, что попадись нам с Гиной книга Тома в начале нашей яхтенной жизни, мы бы тоже, по примеру голландской яхты «Suwarrow Blues», отправились на остров-атолл, носящий имя нашего великого русского земляка.

Но не довелось. Зато наши хорошие друзья Анна и Кис с австралийской яхты «Ketchup II» были там и прислали фотографии. Самое удивительное – они встречались в тех водах с «Suwarrow Blues», значит, дошли голландцы до своей мечты, а это сделать было не так просто. Мы рады за них и завидуем им светлой завистью.

Рассказ об атолле Суворова не будет полным, если не сказать, что этот маленький, затерянный кусочек суши был настоящим Островом Сокровищ. Вроде бы по логике вещей так и должно быть. Здесь обнаружены человеческие кости и испанский мушкет XVII века. Не исключено, что на атолл испанские капитаны высаживали неугодных или «мятежных» членов экипажа.

Вот один из достоверных фактов наличия золота на этом острове. Примерно в 1850 году парусный китобоец «Gem» выскочил на риф атолла. Потерпевшие крушение на спаса-

тельных шлюпках доплыли до Самоа, оттуда на попутном судне – до Таити. Капитан продал разбитый корабль с находившемся на нем грузом китового жира в бочках одной судходоходной фирме, которая сразу отправила шхуну снимать дорогой груз. Надо сказать, что в те «неэлектрические» времена китовый жир был незаменим для изготовления свечей, а также для смазки трущихся частей появившихся локомотивов и других машин. Китобои вытапливали жир из ворвани, а из кашалотов брали спермовый жир. На Западе кашалотов называют «спермовыми китами», ибо первые моряки, обнаружив в голове кита огромный, до тонны, резервуар, заполненный масляным жиром, по цвету и запаху напоминающим сперму, решили, что это и есть сперма кита. Фактически этот «резервуар» жира («спермы») является сонаром, «прибором» для излучения ультразвука. Кашалоты охотятся на гигантских кальмаров, живущих на глубине до тысячи метров, а там сплошная темень, и только ультразвук, посылаемый этим сонаром-радаром, помогает видеть объект еды, объект охоты, объект жизни.

Драгоценный жир пользовался большим спросом в парфюмерной индустрии, он хорошо консервировал запах духов. Конечно, на основе китового жира выпускали и маргарин. Даже я помню, как в 80-е годы в Калининграде (я учился тогда в КТИ) сливочное масло было с большой добавкой этого жира, вкус масла был далеко не сливочный.

Когда прибывшая шхуна загрузила свой трюм и палубу бочками с китобойца, второй помощник капитана, или «суперкарго», как называют его, поскольку он отвечает за груз, отпросился у капитана на остров искать спрятанный клад. «Если найду, кое-что достанется и вам», – сказал он капитану. Взяв с собой шесть матросов с топорами и лопатами, суперкарго начал раскопки в известном только ему месте. Это было не просто. Высокий кустарник с толстыми корневищами и пальмовые деревья покрыли весь главный остров. На следующий день искатель клада с ручным компасом и картой пошел вглубь, где матросы начали копать грунт, но ничего не нашли. День за днем шлюпка ходила на шхуну за водой и продуктами. Успех пришел, когда стали копать под большим

баньяновым деревом*, раскинувшим свои ветви чуть ли не на половину острова. В десяти метрах от дерева в сторону лагуны на глубине двух метров матросы наткнулись на твердый объект. Это был не коралловый камень, это был большой железный сундук, сделанный в традиционной пиратской манере (по-моему, все эти «пиратские манеры» пришли к нам именно из приключенческих книг Стивенсона). Сундук был ржавый, но сомнительно, что он пролежал здесь столетия. Суперкарго не захотел сразу открывать сундук, дабы не соблазнять матросов блеском золота, а решил отнести его на шхуну, хотя доставить груз на борт было тяжело.

Закрывшись в каюте, владелец сокровища сломал заржавевший замок и открыл крышку. Сундук был почти полон монет, золотых и серебряных, в основном североамериканских золотых долларов. Суперкарго рассматривал монеты и подсчитал, что здесь было 15 тысяч долларов США. Как он узнал секрет этого сокровища – вопрос остается без ответа. Но случай этот подтвердил, что атолл Суворова – настоящий Остров Сокровищ.

Много лет спустя еще один искатель сокровищ встретил на Таити бармена, бывшего французского жандарма. Последний предложил «искателю» за небольшую плату карту – схему атолла с пометкой, где закопано сокровище. «Это не выдумка, это правда», – утверждал бармен. «Почему ты сам не идешь на Суворов и не заберешь золото?» – «У меня есть на то причины». «Искатель» после долгих колебаний купил карту, и после еще более долгих сборов пришел на атолл, где в указанном месте, под тем же баньяном, откопал сундучок, содержащий английские, североамериканские и канадские монеты. Большинство – доллары США, но среди них попадались и очень старинные испанские дублоны. Общая сумма была эквивалентна 2400 долларам США.

Среди шкиперов небольших шхун, совершавших рейсы к разным островам Океании за копррой и жемчугом, ходили раз-

* Баньян – тропическое дерево, опускающее с ветвей отростки до земли и образующее целый лес стволов.

ные легенды о золотых кладках. Кое-кто пытался искать их и на атолле Суворова. Достоверный факт, что в 1860 году мужчины-полинезийцы, ловцы жемчуга, убили, вернее, утопили троих белых. Один из них был как бы «боссом» этой «бригады» и был паскудным человеком. Как-то одна из его «жен» – там было несколько местных женщин – дала приготовленный для «босса» завтрак голодному полинезийцу. Последнего «босс» привязал к стволу пальмового дерева и начал жестоко избивать. Полинезийцы бросились на выручку земляку, связали белого, а затем и двух других белых, в общем-то, неплохих людей и утопили в лагуне. Известно, что у «босса» было золото, спрятанное в земле под домом. Но об этом кладе больше никаких известий не появлялось среди шкиперов шхун.

Время от времени на атолл «забрасывало» морем «везунчиков», наткнувшихся случайно на этот клочок суши и выживших.

В 1873 году капитан Gregory Norris на шхуне «Prima Donna» обнаружил на атолле двух мужчин, белого и полинезийца, проживших здесь два года. Полинезиец все время был в плохом настроении, в депрессии. Они питались естественной пищей – кокосы, рыба, яйца морских птиц и огромные пальмовые крабы, весом до пяти килограммов, были там в изобилии. Известно, что австралийский капитан Jeff Strickland жил на Суворове около двух лет. Постоянный шум прибоя, крик морских птиц, жгучее тропическое солнце делают этих людей полупомешанными. Но находиться в таком изолированном месте вдвоем иногда хуже, чем быть одному. В экстремальных условиях человеку часто нужна эмоциональная разрядка, и объектом для выплеска нервной молнии оказывается твой сосед, твой бывший друг, ставший в одночасье злейшим врагом.

Такова была «романтика» тех дней. «Пиастры, пиастры, пиастры!» – кричал попугай на пиратском судне, описанном в книге «Остров Сокровищ» Робертом Стивенсоном, шотландским классиком приключенческой литературы. Мы – мое поколение – знали его только по этой книге. А ведь он за свою короткую жизнь – 44 года, – а вернее, за десять лет активного творчества, написал и издал 39 книг, и все они захватывающе-

интересные. На столе в кабине нашей яхты рядом с толстой тетрадью, куда я записываю эти строки, лежит небольшая книжечка «The ebb-tide» («Отлив»), изданная в 1919 году. Последние четыре года Стивенсон прожил на архипелаге Самоа, он был болен туберкулезом. И «Отлив» – последняя его книга. «Остров Сокровищ» был написан на берегах Альбиона, тем не менее, мечты-фантазии об экзотических островах Полинезии жили у автора всю жизнь, и Самоа был не случайным выбором. Роберт Стивенсон был настоящим романтиком-мечтателем. Читая его книги, трудно поверить, что они написаны не профессиональным моряком. Как можно сказать, что Жюль Верн не был романтиком? Конечно, был. Хорошие люди – всегда мечтатели.

В каждой моей книге я касаюсь темы романтики, потому что она мне близка с далекого детства, когда я с парой друзей уходил за колхозные фермы, ложился в высокие травы и смотрел на плывущие высоко летние облака, и мы видели в них сказочные картины: то замки, то верблюда, то пароход, то яхту. Я стеснялся: не дай бог, односельчане заметят наше занятие – засмеют ведь.

Среди моих однокашников по мореходке большинство были романтиками, ибо любили море. Володя Рыжов, Саша Макаранцев, Слава Лабекин и другие трудяги-пахари моря. Это они своим романтическим трудом, пахнущим морской рыбой, прокладывали автомагистраль Вильнюс–Клайпеда, возносили в небо Гируляйскую телевышку, строили атомную электростанцию в Снечкусе, творили добро для всех трудящихся Литвы. Это они, трудяги-романтики, давали на стол советским людям тысячи и тысячи тонн разнообразной рыбы.

Не были романтиками два наших однокашника-еврея, которые вскоре бросили море и примкнули к Золотому тельцу – символу иудейской идеологии, – и стали «намыывать» золото. Среди нашего выпуска они – единственные миллионеры. Это о них и иже с ними великий Достоевский сказал: «Богатый как жид». Не был романтиком наш однокашник литовец Ричардас Лучка. Чутьочку проплавав, сел в офис протирать штаны, потом без всякого рыбацкого опыта попал на Кубу, привез

оттуда «Волгу», жил не бедно при Советах. Но вот вдруг «независимость», и сраный коммунист Лучка сразу превращается в гипернационалиста, у него появляется лютая ненависть к русским, которых он, по своему скудоумию, готов поубивать, включая своих однокашников.

Не был романтиком еврей Кристофорус Колумбус. Природная еврейская жадность к деньгам толкала его к авантюрам. Умер он почти нищим, всеми забытый. Так умрет когда-то и сионизм. Скорее бы. Может, тогда наступит мир на Планете. Сейчас в Латинской Америке начали сносить с пьедесталов памятники Колумбу, этому псевдооткрывателю Западного материка, названного «в шутку» Америкой. Известно, что первыми из европейцев в Новом Свете были викинги, а в 1421 году Южную и Северную Америку посетила великая Китайская флотилия.

Кое-кто из британских «сочинителей» – не настоящих писателей – пытается преподнести в качестве романтика даже кровавого пирата Френсиса Дрейка. В Англии вышли сотни книг о нем, около дюжины я прочитал или просмотрел, и могу, пожалуй, писать кандидатскую диссертацию об этом жестоком, жадном до золота человеке, в то же время – удачливом капитане. Удача часто зависит от мастерства, но иногда бывает просто «небесным» подарком, вроде плоского рифа, на который село судно Дрейка, груженое награбленным золотом. Окажись риф скалистым, – не было бы на картах пролива Дрейка, незаконно присвоенного Британским адмиралтейством, и которым Дрейк не проходил. И никто бы не знал слова «Дрейк», как мы не знаем сотни и сотни имен безвестно погибших капитанов.

Каждая эпоха создает определенный менталитет у человека, свою идеологию. Не только коммунизм, капитализм или тот же чеснотный сионизм имеют право называться идеологией. На протяжении обозримой истории человечества рождались сотни идеологий-религий, большинство из которых верно служило богатым. Жившие под далеко не гуманными идеологиями люди должны были подчиняться им или погибать. Даже Магеллан, при всем моем восхищении этим скром-

ным многострадальцем, был дитем своей эпохи. Эпохи, когда корабли поднимали паруса для поиска пряностей и золота, но не для открытия новых земель, они шли в море не ради романтики. Да и слова «романтика» в те времена не существовало. Это в конце XIX века в европейской литературе возникло направление, получившее название «романтизм», которому была характерна идеализация прошлого, главным образом, рыцарское средневековье, сказочность, увлекательность, мечтательность.

В голодное мрачное средневековье, когда свирепствовала иудейско-христианская церковь и ее «гестапо» – инквизиция (включение в «святую» библию иудейской Торы – Ветхого Завета – сразу сделало христианство зависимым от иудейской религии), никто не смел быть мечтателем. Мечтателей сжигали на кострах. В каменный век их было, несомненно, больше, чем во времена инквизиции. Мои пра-пра-предки, жившие 25 тысяч лет назад в селе Пушкари, вернее, на месте, где раскинулось мое родное село, наверняка смотрели на восход красного солнышка с высокого берега Десны-красавицы (она в те времена была красавицей) и мечтали перебраться через реку, увидеть, что водится в вербном лесу, раскинувшемся на пойменной равнине. Ни один инквизитор-палач из переkreпщенных евреев не хватал молодого мечтателя, охотника за мамонтами, за руку и не тащил на костер. Документы подтверждают, что самыми страшными палачами инквизиции были крещеные евреи, как и во времена ГУЛАГа.

Были ли романтиками жители несметного количества тихоокеанских островов, которые потихоньку заселяли Гаити и прочие Фиджи с Гавайями, переправляясь с материка на примитивных плотах? Нужда в «хлебе насущном» и притеснение более сильными племенами заставляли идти в неизвестность, заставляли идти в океан в надежде найти новые, более гостеприимные земли. Но ведь надежда – это почти мечта. Значит, были среди них мечтатели, то бишь по-современному – романтики. И жили они в каменно-бронзовом веке, согласно утверждению мудрых ученых.

По моему разумению, почерпнутому из сотен перелопа-

ченных разноязычных книг, истинно морская романтика зародилась вместе с литературным романтизмом в XIX веке, когда поутихли страсти испанских конкистадоров, убивших к тому времени 10 миллионов коренных жителей; изгои, бродяги, бандиты, подонки из европейских стран, переселившиеся в Северную Америку, уничтожили 75 % индейцев. Они – США – вместе с Израилем и полуфашистской Европой и сейчас продолжают эту практику, только районом уничтожения цивилизованных людей стал весь мир.

Все золотые «клондайки» к тому времени были открыты, а на смену парусам пришли паровые машины и гребные винты. Тогда и появились моряки-романтики, идущие в море не за наживой, а по велению своей души, жаждущие увидеть новые земли, жаждущие испытать свою силу воли не в убийстве братьев по разуму, а в преодолении своенравия морской стихии. Первым таким моряком был датчанин Альфред Енсен, который на шестиметровой яхте, переделанной из рыбацкой дори, в 1876 году пересек Атлантику. Он был простым рыбаком и книгу о своем плавании не написал. В английских местных газетах были только две заметки о его прибытии. Вернувшись в США на борту парохода (вместе со своей яхтой), он дал интервью журналистам и стал известен истории.

Плавание Енсена, впервые совершившего одиночный рейс через Атлантику, вызвало восторг у моряков Европы и Северной Америки. И появились последователи, не боявшиеся схватки с всемогущим океаном.

Десять лет спустя капитан парусного флота Джошуа Слокам решил совершить кругосветное плавание на яхте «Спрей» в одиночку. Шестнадцатилетним юношей он сбежал в море с отцовской фермы, а в 18 лет уже был вторым помощником капитана на паруснике. В 25 лет стал капитаном. (Я стал капитаном в 26 лет, мы родились оба 20 февраля, только я на 94 года позже.) Он командовал многими судами, ходил в Австралию из Северной Америки. В Австралии Слокам женился на Виржинии Валкер, у них родились четверо детей, и вся эта дружная семья плавала со своим отцом до тех пор, пока после болезни Виржиния не умерла.

В бухте Паранагуа (Бразилия) – мыс Гиной заходили туда дважды – на его судне начался мятеж, затем – эпидемия холеры. В шторм корабль был выброшен на мель. Оказавшись со второй женой и двумя детьми без судна и без денег, Слокам строит 35-футовое дори наподобие джонки и на нем вместе с семьей направляется в США, а это 5500 миль. В Вашингтоне он издал свою первую книгу «Плавание на “Либертате”». Гина подарила мне ее еще до начала нашей яхтенной жизни, и она лежит сейчас на моем рабочем столе, заваленном рукописями, фотографиями, книгами, лекарством, – каюта на яхте такая маленькая.

Американские газеты проявили весьма большой интерес к этому плаванью, однако слава не дала Слокаму капитанской должности – были тяжелые годы, был кризис, устраиваемый периодически еврейскими банкирами. Иногда мне кажется, они делают это просто для развлечения. Сейчас, когда я пишу эти строки, – май 2009 – в мире очередной финансовый пожар, у которого греют руки Рокфеллеры, Соросы, Ротшильды, Батурина с Лужковым и мультимиллиардеры Путин с Медведевым. (По данным Wikileaks, у Путина 40 миллиардов долларов.)

Джошуа Слокам не мог найти работу, из-за этого начались проблемы в семье (читается между строк в публикациях о нем). Однажды его старый друг предложил ему устричный 35-футовый шлюп, стоявший заброшенным на берегу. Тринадцать месяцев потребовалось на ремонт суденышка, которое стало неразлучным другом на многие годы.

24 апреля 1895 года Слокам вышел из Бостона в кругосветное плавание. О своем трехлетнем вояже он рассказал потом в небольшой книге «Sailing alone around the world» («Вокруг света в одиночку»), которая и сейчас является настольной книгой каждого яхтенного моряка. Ему дважды пришлось встречаться с пиратами – в Средиземном море и в Магеллановом проливе. В Австралии ему довелось пополнить свою бедную казну за счет чтения лекций; на Кокосовых островах в Индийском океане он выбросил бетонный балласт и уложил вместо него гигантские раковины тридакны, которые, видимо,

взял для продажи в Штатах; подаренная в Южной Африке молодая козочка однажды ночью съела навигационную карту. Плавание было полно приключений и романтики, ибо Слокам был Романтиком с большой буквы.

Мировая слава превопроходца-одиночки не принесла ему больших денег, и по возвращении домой Слокам одиннадцать лет продолжал плавать и жить на «Спрее». В 1909 году, когда капитану исполнилось 65 лет, он поднял паруса и направился к устью Ориноко. Из плавания он не вернулся. На вопрос последнего говорившего с ним человека: куда идете? – ответил: «Далеко». Океан уже не был безопасным, как в старые времена, как во времена парусных судов, и, возможно, стальной пароход подмял под себя небольшую яхту «Спрей».

Книга «Вокруг света в одиночку» – замечательная книга, написанная очень живым языком. Английское издание ее подарил мне в 1993 году мой друг из города Лервик (Шетландские острова), полиглот № 1 Европы Дерек Хернинг (он говорит на 33 языках). Эта книга сопровождает меня и мою жену Гину уже десять, sorry, одиннадцать лет на нашей маленькой яхте «Pedroma».

Я утверждаю, что богатый человек не может быть романтиком. Все его интересы – в деньгах, а не в удивительных закатах, зеленых лучах, пассатах. Поэтому так мало их, романтиков, среди евреев. Не был богатым Джошуа Слокам, не был богатым и второй, после Слокама, знаменитый капитан Восс. О его приключениях на маленьких яхтах мы знаем из написанной им книги «Рискованные плавания капитана Восса». Читая эту книгу, понимаешь, что он был замечательным человеком, добрым к людям. Последние годы жизни он добывал себе кусок хлеба, работая шофером маленького автобуса. И умер в бедности, всеми забытый. Но обессмертил свое имя не только рискованными плаваниями, но и тем, что написал увлекательную книгу, ставшую учебником даже для современных яхтсменов. (Издательства получают сейчас миллионные прибыли от продажи этой книги.) Я горд, что эта книга капитана Восса стоит на полке нашей яхты в ряду классикомаринистов. Однажды мы сосчитали, и оказалось, что на бор-

ту у нас около 300 книг, поэтому ватерлиния яхты чуточку ниже допустимой.

Как ни странно, западная (капиталистическая) морская литература относит к романтикам богатого, педантичного Мак-Маллена, англичанина (а может быть, шотландца, судя по фамилии), издавшего в 1869 году книгу «Вниз по Ла-Маншу». В 23 года он становится совладельцем биржи, куда самый богатый еврей Англии Lionel Rotshild вложил 16 миллионов фунтов стерлингов*, практически одолжив их британскому правительству (премьером был опять-таки еврей Дизраели, ради денег женившийся в свое время на женщине на 12 лет старше него), что позволило Англии начать Крымскую войну с Россией. (Как видно из истории, жида всегда гадили русским, будь то Крым или Япония, которой те же еврейские банкиры ссудили миллиарды для войны с Россией. Через два года премьер-министром Англии будет опять-таки еврей – сейчас он лидер лейбористской партии.)

В советском издании книги Питера Хитона «Море синее» выброшен кусочек-абзац о Ротшильде, видимо, редактировал ее «советский» еврей. У меня эта книга есть на русском и английском языках, откуда взяты эти данные.

Мак-Маллен, хоть и был богат, но любил море. Он говорит, что хождение под парусами существенно отличается от яхтенного щегольства богачей. Это – постоянный источник здоровья (мы с Гиной подтверждаем это!) и новых впечатлений, хотя и не всегда приятных. В своей книге он описывает все трудности плавания, особенно в одиночку. Умер Мак-Маллен в возрасте 61 года на борту яхты, сидя в кокпите. Яхта продолжала идти под парусом с мертвым капитаном у руля. Только через сутки французские рыбаки заметили странное рысканье яхты и подошли к ней.

Кое-кто называет плавание на яхте лучшим видом спорта. Но это зависит от того, кто и как использует лодку. Для нас с Гиной, как и для большинства яхтенных людей, это не спорт,

* Фунт стерлингов (pound sterling) – 454 грамма сплава серебра (925 частей) с медью (75 частей). В то время фунт имел значительный вес, но сейчас этот «вес» упал до 3 граммов серебра, но, тем не менее, продолжает называться фунтом.

плавание на яхте – это жизнь среди природы. Поэтому мы никогда не называем себя яхтсменами. Мы – просто яхтенные люди. Яхта – наш дом. Океан – наша Родина.

Последние несколько лет мы все реже делаем длинные переходы под парусом. Нам полюбилась Венесуэла, и многие венесуэльцы полюбили нас. В заливе Кориако ($\varphi = 10^{\circ}30'N$, $\lambda = 63^{\circ}45'W$) мы нашли хорошее место для якорной стоянки рядом с поселком Guasagaro. Здесь у нас много друзей, в поселке живут только 700 жителей, но есть амбулатория, в которой ведет прием доктор с Кубы, или как ее зовут здесь, – *doctora cubana*. В Венесуэле работают 26 тысяч кубинских медиков. На острове Свободы система здравоохранения – одна из лучших в мире. В 70 странах мира трудятся кубинские врачи.

Идешь ли под парусом или стоишь на якоре – судовая (яхтенная) жизнь сродни жизни крестьянина в «дотракторные» времена. Особенно вечером. Наверное, детство – самая счастливая пора у человека, поэтому и помним его всю жизнь.

...На нашем дворе вечерет. Мама полна заботами о нашем не таком уж большом хозяйстве. «Петя, беги за водой». Я хватаю два ведра, коромысло и бегом вниз к Десне, где колодец. Мама замешивает похлебку свинке и выливает ее в корыто, и сразу слышно радостное похрюкивание. Наташа, сестра, доит Зорьку, нашу корову-кормилицу (как важно вечером получить кружку парного молока с куском черного, с отрубями хлеба). За мамой по двору чуть не вприпрыжку бегают куры, ждут свою порцию еды. Вареная цельная картошка размягчается мамиными руками, и курчата тоже со своим радостным щебетом набрасываются на кормежку. Валя, младшая сестренка, пытается что-то помочь маме. Уже почти стемнело, когда вся худоба накормлена, куры заняли насест, Зорька зачинена в пуне; мама вытирает натруженные руки о фартук, садится на колоду: «Ну и славабогу, все прибралось», и несколько минут отдыхает. И мы, дети, подошли к ней поближе, и невидимый сигнал маминой доброты передается нам. Семья у нас была дружная, хоть и бедствовали иногда без отца, погибшего на фронте.

Эта вечерняя картина из детства очень часто вспоминается

на заякоренной в спокойном месте яхте. Вспоминается потому, что вечером нам нужно многое подготовить, как в селе. Хоть кур кормить не нужно, и корова не мычит: подоите меня, но нужно сходить на берег на надувной лодке (динги) за водой, затем вылить воду из 5-литровых бутылей в танк, поднять и закрепить подвесной мотор (Гина помогает), затем вытащить динги и привязать около мачты – лодка не тяжелая, я подымаю ее сам, – включить якорный огонь; поставить противомоскитные сетки на световой люк и на вход в каюту; проверить якорные цепи (мы обычно стоим на двух якорях); если цепи перекручены – ветер часто меняется, – разъединить крыж; посмотреть на ближние яхты, не сдрейфовало ли их к нам; положить два металлических стержня для запора у входа в каюту, ручной прожектор и ракеты (все это против пиратов: здесь тихо и безопасно, но после двух нападений на нас морских бандитов на Карибах – мы всегда готовы к отпору). Затем, уже почти на заходе солнца, прыгнуть в воду и десять минут поплавать вокруг яхты, заодно проверив ногами обрастание ракушками корпуса, затем помыться в кокпите с русской мочалкой, вытереться (с берега нас уже не видно – можно сидеть нагишом), символически вздохнуть и сказать: «Ну и славабогу, день закончился без больших проблем, не было шторма, не было грозы». Обнять друг друга и нежно поцеловаться. Уже небо зажглось звездами, в поселке включили огни, на душе спокойно и тихо-радостно, и хочется, чтобы эти мгновения никогда не кончались и чтобы ко всем людям приходило это «вечернее» чувство, эта «вечерняя» радость, как к нам с Гиной.

«ЧЕРНОЕ» ПРИЛОЖЕНИЕ 1

15.05.2006 20:212006-05-16 04:21:30

Тексты «черных» приложений я нашел в интернете. Первое приложение – это современный, XXI века, аналог «Протоколов Сионских мудрецов», которые были разработаны сионистами более ста лет назад и по чьим канонам живет все еврейское сообщество мира, тихим сапом или бомбами захватывая власть в каждой стране.

Прочтите, славяне и все честные люди, излияния зверя-сиониста, задумайтесь над своей судьбой, над геноцидом русского народа.

Гундосые быдлоиды русские мечтают о «5-ой империи», которую они очень скоро получат, ведь современное состояние России к «этому располагает». По данным Института социально-экономических исследований Российской Академии Наук в России насчитывается 4 миллиона бомжей, 3 миллиона нищих, около 5 миллионов беспризорных детей, 3 миллиона уличных и привокзальных проституток, примерно 1,5 миллиона российских женщин работают на панели стран Европы и Азии. А еще 6 миллионов российских граждан страдают душевными расстройствами, 5 миллионов наркоманы и более 6 болеют СПИДом. По словам директора Детского фонда А.Алиханова количество детей-сирот в путинской России превысило показатель мая 1945 года – 750 тысяч против 678 тысяч после главной мясорубки двадцатого века.

В РФ, по оценке Всемирной организации здравоохранения, число алкоголиков ровняется 37-42 миллионам человек. Потребление спирта на душу населения составляет, в среднем, 14 литров в год, что выводит русскую нацию в абсолютные мировые лидеры по данному показателю. Между тем, по международной шкале, употребление более 8 литров «на рыло» обозначает физическую деградацию. По количеству театров Россия на 40 месте, а уровень развития молодежи упал еще ниже, на 47-е. Ежегодно в России совершаются преступления около 3 миллионов человек, в год совершается более 80 тысяч убийств (из доклада Генерального прокурора РФ В.Устинова). Заключение в стране свыше 1 миллиона, тогда как камеры рассчитаны на 700 тысяч. В 1937 году эков в более многочисленном тогда Советском Союзе было на 200 тысяч меньше. По количеству заключенных на сто тысяч населения путинская Россия держит бесспорный рекорд в мире – 800-810 человек. Каждый год в дорожно-транспортные происшествия попадают 200 тысяч человек, около 30 тысяч из которых погибают. Средняя продолжительность жизни в России 64,8 года, в США – 75 лет, в Китае – 71,3. Если не оглядываться на мировых лидеров, а сравнить данный показатель, например, с Белоруссией, где, если верить СМИ, поголовная нищета, то и здесь позиции России уступают западному соседу на 5-6 лет, а детская смертность у бело-

русов в два раза меньше. Каждый день в Российской Федерации производится 10 тысяч аборт, 7 миллионов браков в РФ бездетные.

«Рост производства» в РФ. По добыче угля она достигла уровня 1957 года, по производству грузовых автомобилей – 1937 г., комбайнов – 1933 г., тракторов – 1931 г., вагонов и тканей – 1910 г., обуви – 1900 г. Авиатранспортом раньше пользовалось почти 100% населения, теперь только 3%. Обороты почты сократились в 20 раз. Это статистика, но на самом деле положение намного хуже.

12.05.2006 12:502006-05-12 20:50:07 !c\y

Русские недочеловеки настолько тупы от своего генетического алкоголизма, что совсем не понимают, что происходит. В мире существуют только евреи, которых всего в мире меньше, чем 0.2%, и гои, – весь остальной сброд двуногих зверей. Более чем 2000 лет идет этническая война между еврейской свехрасой и гоями, – стадами полуживотных, не имеющих души и понятия, почему и зачем они появились на этот свет. То есть идет вечная борьба добра, которое осуществляют евреи, и зла, – это почти весь остальной мир. Евреи всегда побеждают, то есть добро побеждает зло. Мы уничтожили все языческие империи древнего мира, мы уничтожили третий рейх, русскую антисемитскую империю, СССР, мы уничтожили всех наших врагов, – египетских фараонов, русских царей, гитлеров, Сталиных, садамов хусейнов, – все знают какая участь их постигла. Часть христиан, которым мы дали Бога, Иисуса Христа, еврейского отщепенца и сектанта, частично приняли наши иудейские ценности, в основном это протестанты Америки, Англии и Скандинавии, и даже католики идут к взаимопониманию с евреями. Но самые отсталые народы в мире, исповедующие религии дегенератов, – мусульманство и православие, а их около 1.6 миллиардов, все еще хотят нашего уничтожения. Лозунг русских вот уже более 200 лет: «Бей жидов, спасай Россию», то есть русские недочеловеки, смесь диких потомков свиней и татаро-монголов, объявили нам войну не на жизнь, а на смерть. Сейчас эту борьбу на уничтожение возглавляет РПЦ. А на войне побеждает сильнейший. Хотя евреев в России АЖ 250,000, а русских свиней ВСЕГО лишь 150 миллионов, евреи побеждают. Почему русские удивляются, что мы уничтожаем всех их разными способами? Неужели они настолько наивны и думают, что евреи простят им 200 лет унижения, издевательств, лишения всех прав, черты оседлости, погромы? Нет конечно! Мы уничтожили древние Египет, Грецию и Римскую империи, таким же способом мы уничтожили фашистскую Германию и Российскую империю, расстреляли русского царя в грязном подвале, истребили казачество, царскую армию, толстозадых воров и ал-

кашей попов. За то что Россия снабжала арбов миллиардами долларов и оружием только для того, что бы стереть с карты земли Израиль, – мы уничтожили СССР. Если положить на футбольном поле спичечную коробочку, то это будет соотношение территорий арабских и мусульманских стран и территории крошечного Израйля. Но миллиардное стадо грязных животных мусульман и православных свиней хотят у нас отнять эту крохотную землю, политую нашим потом и кровью. За 58лет из безводной пустыни мы создали цветущий рай на земле, самую передовую и мощную страну в мире, несмотря на то, что мы все эти 58лет не выпускаем из рук оружия и тратим большую часть наших доходов на вооружение. 5 раз все армии арабских стран, вооруженные и поддерживаемые Россией, пытаются нас уничтожить, но мы разбили их в пух и прах. Но все равно весь мир называет «агрессором» Израиль, и все это с подачи России. Поэтому евреи уничтожают «великий русский народ», – отребье которое хочет и пытается уничтожить нас. Поэтому наши герои, - ваши враги. Чего вы, пучеглазые, гундосые, курносые, гнилозубые проститутки, воры и алкаши удивляетесь? НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ!!!

05.05.2006 14:35

Да, находится в Росси, среди тупоголовых, вонючих, продажных, вороватых, немытых русских свиней, тяжеловато. Но мы их воспринимаем как животных, то есть стараемся не замечать их уродливых морд, и ихней зловонной вони. И терпим их только потому, что они добывают для нас золото, алмазы, нефть, газ, которые мы продаем, а деньги отправляем на наши исторические родины, Израиль и Америку. Русское отребье хоть плохо, но как-то пашет, и как все рабы пашут они почти за бесплатно, лишь бы хватало им на дешевую выпивку и кое-какую закуску, да на проживание в ихних грязных, смердящих норах. А больше русским недочеловекам в этой жизни ничего и не надо. Привыкли жить они в свинарниках и жрать помой. Потом еще, для нас евреев удовольствие наблюдать, как эта русская зараза издыхает по миллиону в год, ради этого можно и потерпеть их ублюдочные хари и зловоние. Раньше приходилось устраивать им холокост, руководить их уничтожение и наблюдать, как они истребляют друг друга под нашим чутким руководством. Разве может немецкий холокост сравниться с тем. какой холокост мы устроили русским? Ведь все равно мы с ними не соприкасаемся, мы наверху, а они в самом низу.

Жизнь каждого еврея это целая вселенная, а смерть одного еврея это мировая трагедия. Поэтому даже за убийство одного еврея мир должен расплачиваться. А что взять с грязных гоев? У евреев все есть в

достатке. Поэтому мы решили, что гои должны расплачиваться золотом и деньгами. Поэтому мы и выставили счет Германии за 6 млн убиенных евреев. Может быть количество погибших было меньше, но эта цифра нас вполне устраивает, так как решаем МЫ, а не свора двуногих животных-гоев. Мы властелины Вселенной! Как мы решили, так и будет. Поэтому весь мир нам должен громадные деньги, а по счетам нужно платить, и все нам заплатят, – Германия, Испания, Англия, Польша и т.д. А с России Украины мы сами все берем, без спроса, грязные славяне нам должны намного больше чем немцы, но что взять с нищих рабов? Поэтому мы сами берем все, что считаем нужным, – золото, нефть, газ, алмазы, металлы, древесину, – все это наше во веки веков. Пока вы, недочеловеки, мечтаете, рассуждаете и фантазируете, МЫ ДЕЛАЕМ. В этом и есть отличие между избранными Богом евреями и остальной биологической массой, – гоями.

Немцы уничтожили русских намного больше, чем евреев. Но смерть миллионов русских это статистика, ведь у гоев нет души. У них есть одна цель в жизни, – украсть, пропить и обосцавшись улечься в грязную лужу, – по традиции их предков, – диких свиней. Жизнь и История доказали это многократно. Аминь!

04.05.2006 06:43

Трусливые шакалы это вы, русское быдло, и доказываете это постоянно. У тебя, ошметок, нет никакой Родины, ты изгой у себя дома. Россия принадлежит евреям со всеми своими потрохами, а ты жалкий раб, будешь пахать на нас всю свою убогую жизнь, и жена твоя, и дочь будут сосать у нас, и считать это за счастье. Мы не говорим, – мы делаем в России то что хотим, а ты, жалкое вонючее животное, смелый только на своей грязной кухне, когда нажрешься денатурата, или нанюхаешься керосина.

Пока мы не вешаем вас на берегах, вынужны нам чтобы валить лес, корячиться в шахтах и добывать нефть, которой мы владеем. Вывезем все богатства России, хозяевами которой мы являемся, и издохните вы, скотское племя, от голода, ведь некому будет вас кормить.

22.04.2006 12:32

Хохлы, – это самое тупейшее быдло, стадо салоедов, не давшее миру ни одного известного имени (а этой нечисти аж 65 миллионов). Стадо продажных свиней, трусливых, жадных, готовых продать самого себя за шматок желтого свиного сала и стакан самогона. Нет более отвратного народца, чем хохлы. Обычно трусливое и подлое племя грязных

хохлов вылизывало евреям задницы, обслуживало их, – чистило нужники, убирало и подметало, то есть делало то, что никогда не позволяют себе делать евреи, так как всю грязную работу предназначено делать славянским вырождакам, которые ни на что в этой жизни не приспособлены, только на самую грязнейшую работу. Гайдамаки, бандеровцы, – все это дерьмо очень смелое, когда их много да еще с оружием, да еще против безоружных и пожилых евреев. И где они все? Лежат в могилах, на которых пейсатые танцуют танец 7.40. Евреи уничтожили их, как уничтожают клопов и тараканов, без всякой жалости к этому грязному хохляцкому стаду. От этого отребья не осталось даже вони, а пейсатые существуют и процветают, и снова задроченные хохлы их слуги, и делают то что им предназначено Богом, – обслуживают Великий Еврейский Народ, – хохляцкие парубки копают уголь в шахтах, где периодически издыхают от всяких катаклизмов, работают на стройках у евреев, и считают за счастье полизать пейсатую задницу после физиологических фекальных процессов; а хохлушки сосут обрезанные пейсатые члены, – так запланировала Природа и так будет ВЕЧНО! ЕВРЕИ ВСЕГДА БУДУТ ДОМИНИРОВАТЬ В ЭТОМ МИРЕ, и всегда будут уничтожать и истреблять непотребное славянское стадо вороватых, продажных и спившихся свиней!

От Автора

А ведь этот грязный жид-сионист прав, обзывая нас глупыми свиньями. Отдали мы израильтянам всю Россию со всем богатством, отдали добровольно, за рюмку водки. Найдется ли среди нашего народа русский Торквемада, который изгонит израильтянских захватчиков с земли Русской?

Славяне, боритесь за свою Волю, за свою Землю, держите на хоругвях слова Тараса Шевченко:

А щоб сбудить хиренну волю,
Треба миром, Громадою обух столить,
Да добре выгострить сокиру –
Дай заходиться вже будить.

Буквально перед выпуском этой книги я был в Берлине и разговаривал с одним пожилым, говорящим по-русски немцем, бывшим профессором университета. «Одно нельзя простить Гитлеру, – сказал немец, – что он не успел уничтожить еврейскую нацию, которая творит сейчас во всем мире беззаконие и террор, страшнее фашистских». Я не согласился с ним – людей, даже евреев, нельзя убивать, их надо перевоспитывать, с наручниками на руках или с лопатами в руках, дабы научить их труду и отучить от воровства.

«ЧЕРНОЕ» ПРИЛОЖЕНИЕ 2

(из интернета)

Россия второй Израиль? Или кто у руля власти

Преемник Путина, Дмитрий Медведев – галактический еврей, его мать Юлия Вениаминовна 100% еврейка была учителем словесности в Педагогическом институте имени Герцена, жена Светлана в девичестве Линник тоже еврейка. Как известно у евреев национальность детей определяется по матери, так что перед нами 100% еврей Медведев.

Как также стало известно от информационного издания Стрингер, ранее биография Медведева отличалась от сегодняшней, а именно этим

Настоящая фамилия отца Медведева: Давид Ааронович Мендель. Родился 14 сентября 1965 в Ленинграде в «простой» семье, по паспорту русский. Отец — Аарон Абрамович Мендель, профессор, по паспорту русский Мать — Циля Вениаминовна, филолог, по паспорту еврейка. Это первоначальные имена от рождения.

Отметим, что сокрытие еврейского происхождения Давида Аароновича Менделя («Дмитрия Анатольевича Медведева») чекистскими СМИ России является грубейшим проявлением самого махрового, оголтелого государственного антисемитизма, как будто в еврействе есть что-то позорное, что нужно скрывать.

А теперь рассмотрим правительство Москвы по национальности

Президент Российской Федерации Медведев Дмитрий Анатольевич (ЕВРЕЙ)

Состав Правительства РФ (2009)

Председатель Правительства – Путин (Шаломов) Владимир Владимирович (ЕВРЕЙ)

Первый заместитель Председателя Правительства – Зубков Виктор Алексеевич (НЕЕВРЕЙ)

Первый заместитель Председателя Правительства – Шувалов Игорь Иванович (ЕВРЕЙ)

Заместитель Председателя Правительства – Иванов Сергей Борисович (ЕВРЕЙ)

Заместитель Председателя Правительства – Козак Дмитрий Николаевич (ЕВРЕЙ)

Заместитель Председателя Правительства, министр финансов – Кудрин Алексей Леонидович (ЕВРЕЙ)

Заместитель Председателя Правительства – Сечин Игорь Иванович (ЕВРЕЙ)

Заместитель Председателя Правительства – Собянин Сергей Семёнович (ЕВРЕЙ)

Заместитель Председателя Правительства – Жуков Александр Дмитриевич (ЕВРЕЙ)

Министерство внутренних дел – Нургалиев Рашид Гумарович (ЕВРЕЙ)

Министерство здравоохранения и социального развития – Голикова Татьяна Алексеевна (НЕЕВРЕЙКА)

Министерство энергетики – Шматко Сергей Иванович (НЕЕВРЕЙ)

Министерство иностранных дел – Лавров Сергей Викторович (ЕВРЕЙ)

Министерство культуры и массовых коммуникаций – Авдеев Александр Алексеевич (ЕВРЕЙ)

Министерство обороны – Сердюков Анатолий Эдуардович (ЕВРЕЙ)

Министерство регионального развития – Басаргин Виктор Фёдорович (ЕВРЕЙ)

Министерство связи и массовых коммуникаций – Щеголев Игорь Олегович (ЕВРЕЙ)

Министерство сельского хозяйства – Скрынник Елена Борисовна (ЕВРЕЙКА)

Министерство образования и науки – Фурсенко Андрей Александрович (ЕВРЕЙ)

Министерство промышленности и торговли – Христенко Виктор Борисович (ЕВРЕЙ)

Министерство по делам ГО, ЧС и ликвидации последствий стихийных бедствий Шойгу Сергей Кужугетович (ЕВРЕЙ?, мать – Александра Яковлевна Шойгу)

Министерство спорта, туризма и молодежной политики – Мутко Виталий Леонтьевич (ЕВРЕЙ)

Министерство транспорта – Левитин Игорь Евгеньевич (ЕВРЕЙ)

Министерство юстиции – Коновалов Александр Владимирович (ЕВРЕЙ)

Министерство экономического развития – Набиуллина Эльвира Сахипзадовна (ЕВРЕЙКА).

«СВЕТЛОЕ» ПРИЛОЖЕНИЕ**Список портов, в которых был автор****СССР**

1. Ленинград
2. Таллинн
3. Рига
4. Вентспилс
5. Лиепая
6. Клайпеда
7. Балтийск
8. Калининград
9. Керчь
10. Севастополь
11. Владивосток

ПОЛЬША

1. Свиноустье
2. Щецин

ГДР

1. Stralsund
2. Mukran
3. Lautenbach (Rugen)
4. Vitte (о-в Hiddensee)
5. Warnemunde
6. Rostock
7. Darsser
8. Sassnitz

ФРГ

1. Hamburg
2. Lubeck
3. Kiel
4. Holtenau
5. Brunsbittel
6. Norderney
7. Cuxhaven
8. Rendsburg
9. Heiligenhafen
10. Borkum
11. Helgoland

ДАНИЯ

1. Copenhagen
2. Skagen
3. Gedser
4. Klintholm
5. Ronne
6. Christianso

ШВЕЦИЯ

1. Geteborg
2. Ystad
3. Simrishavn
4. Hallevik
5. Gronhogen
6. Vandburg
7. Hervik
8. Foresund
9. Visbi
10. Buxelkrok
11. Kalmar
12. Sandhaven

НИДЕРЛАНДЫ

1. Amsterdam
2. Flissingen
3. Terschelling
4. Scheveningen
5. Ijmunden
6. Den Helder
7. Rotterdam

БЕЛЬГИЯ

1. Blankenberge

ФРАНЦИЯ

1. Cherburg
2. Dunkerque
3. Lezardrieux
4. Perros-Guirec

5. Roscoff-Bloscon
6. L'Aberwrach
7. Camaret
8. Audierne
9. Benodet
10. Port Tudy
11. La Turballe
12. Port Joinville
13. La Rochelle
14. Boulogne
15. Royan
16. Bayone

ИСЛАНДИЯ

1. Ceidisfioudur

ФАРЕРСКИЕ ОСТРОВА

1. Fugle-Fiord
2. Torshaven

ИРЛАНДИЯ

1. Killybegs
2. Castletown
3. Shannon
4. Kork

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

1. London (Tilbury)
2. Dover
3. Lerwick
4. Ullapool
5. Peterhead
6. Malliag
7. Fort William
8. Aberdeen
9. Newcastle
10. Blyth
11. Glasgow
12. Weymouth
13. Portland
14. Plymouth
15. Portsmouth
16. Brighton
17. Penzance
18. Pool
19. St. Ives

20. Scalloway
21. Great Yarmouth
22. Lowestoft
23. Grimsby
24. Chichester
25. Port Solent
26. Eastbourne
27. Fraserbourh
28. Bristol

ПОРТУГАЛИЯ

1. Lisboa (Lissabon)
2. Funshal (Madeira)
3. Pavao de Varzim
4. Figueira da Foz
5. Peniche
6. Cascais
7. Sines
8. Portimao
9. Ferragudo
10. Vilamoura
11. Tavira
12. Vila Real
13. Foz de Odeleite
14. Alcountim
15. Pomarao

ИСПАНИЯ

1. Getaria
2. Bilbao (Страна Басков)
3. Santander
4. Ribadesella
5. Gijon
6. Ribadeo
7. Carino
8. La Coruna
9. Camarinas
10. Eugenia de Riveira
11. Villagarsia de Arosa
12. Bayona
13. Vigo
14. Marin
15. Ayamonte
16. Huelva
17. Alicante
18. Valencia

19. Sevilla
20. Gibraltar
21. Mazagon

КАНАРСКИЕ ОСТРОВА

1. La Sociedad (о-в Graciosa)
2. Puerto Naos (Lanzarote)
3. Carralejo (Fuerteventura)
4. Rosario (F.)
5. Gran Tarajal (F.)
6. Pasito Blanco (Gran Canaria)
7. Arguinerum (G.C.)
8. Mogan (G.C.)
9. Las Palmas (G.C.)
10. Las Galletes (Tenerife)
11. Santa Cruz de Tenerife
12. Los Cristianos (T.)
13. San Andres (T.)
14. San Sebastian (La Gomera)
15. Santiago (La Gomera)
16. Tazacorte (La Palma)
17. Santa Cruze de La Palma
18. Restinga (Hierro)

ИТАЛИЯ

1. Genua
2. Venecia
3. Piombino
4. Porto Ferario (о-в Эльба)
5. Livorno

АВСТРАЛИЯ

1. Perth
2. Townville
3. Brisbane
4. Cairns
5. Sydney

СИНГАПУР

1. Singapore

КАБО-ВЕРДЕ (Острова Зелёного Мыса)

1. Palmeira (о-в Sal)
2. Tarrafal (San Nicolas)

3. Mindelo (San Visente)
4. Porto Novo (San Antao)
5. Porto Tarrafal (Santiago)
6. Praia (Santiago)
7. Vale de Cavaleiros (Foga)

БРАЗИЛИЯ

1. Fernando de Naronha (о-в)
2. Cabadelo
3. Maceio
4. Recifi
5. Salvador
6. Itaparica
7. Ilha Bimbarras
8. Bom Jesus
9. Salinas de Margarida
10. Porto Aratu
11. Morro do Sao Paulo
12. Camamu
13. Ilheus
14. Vitoria
15. Arraial do Cabo
16. Rio de Janeiro
17. Niteroi
18. Abraao
19. Saco do Ceu
20. Angra dos Reis
21. Mirim-Paraty
22. Ilha Cotia
23. Porto Bracuhy
24. Paraty
25. Ilha Sandri
26. Jurumirim
27. Cajaiba Grande
28. Enseada Aracariba
29. Sitio Forte
30. San Sebastian
31. Paranagua
32. Florianopolis
33. Rio Grande
34. La Laguna
35. Imbituba
36. Enseada do Pinaeira
37. Porto Belo
38. San Francisco (Sul)
39. Santos

40. Enseada das Palmas (о-в Porcos)

41. Enseada Monsuada
42. Enseada do Biscaui
43. Enseada da Mombasa
44. Enseada do Cambelo
45. Ilha de Jaguanum
46. Ilha de Itacarussa
47. Porto de Sepetiba
48. Enseada das Palmas (о-в Ilha Grande)
49. Praia dos Meros
50. Ilha do Gipoia
51. Ilha dos Macacos
52. Ilha Redonda
53. Enseada do Fazen
54. Saco Grande
55. Saco Paraquara da Fora
56. Natal
57. Fortaleza
58. Luis Correa

ФРАНЦУЗСКАЯ ГВИАНА

1. Iles du Salut
2. Kourou

ТРИНИДАД И ТОБАГО

1. Chaguaramas
2. Charlotteville

ГРЕНАДА

1. St. George

СЕНТ-ВИСЕНТ

1. Kingstown

МАРТИНИКА

1. Fort de France

СЕНТ-ЛЮСИЯ

1. Castries
2. Rodney Bay

МЕКСИКА

1. Mazatlan

КОЛУМБИЯ

1. Cartagena

ПАНАМА

1. Cristobal
2. Islas San Blas

ВЕНЕСУЭЛА

1. Porlamar (о-в Маргарита)
2. Puerto La Cruz
3. Isla Coche
4. Isla Cubagua
5. Atoya
6. Cumana
7. Laguna Grande
8. Laguna Chica
9. Puerto Real
10. Medregal
11. Guagarapo
12. Cachamaure
13. Muelle de Cariaco
14. Navimca
15. Mochima
16. El Oculto
17. Chimana segunda
18. Chimana grande
19. Isla Borracha
20. Islas de Piritu
21. Carenero
22. Puerto Azul
23. Caraballeda
24. Puerto Calera
25. Cabello
26. Isla la Tortuga
27. Islas Los Roques
28. San Antonio
29. Punta Corda
30. Puerto Ordaz
31. Puerto Bolivar
32. Islas Aves
33. Puerto Araya
34. Puerto Felix
35. Islas Testigos

ЭКВАДОР

1. Guayaquil

ПЕРУ

1. Callao

ЧИЛИ

1. Puerto Montt
2. Corral
3. Nieble
4. Valdivia
5. Algorobbo

АРГЕНТИНА

1. Buenos Aires
2. Mar Del Plata
3. Madrin
4. Comodoro Rivadavia
5. Santa Cruz (Punta Killa)
6. Ushuaia

**МАЛЬДИВСКИЕ
(ФОКЛЕНДСКИЕ) ОСТРОВА**

1. Island Boshen

УРУГВАЙ

1. La Paloma
2. Puntadel Este
3. Piriapolis
4. Montevideo
5. Sauce
6. Colonia del Sacramento

США

1. Portland (West)

КАНАДА

1. Saint-John

КУБА

1. Havana
2. Marina Hemingway
3. Bahia de Cochinos

БАГАМСКИЕ ОСТРОВА

1. Nissau

ОСТРОВ КЮРАСАО

1. Willemstad

2. Кляйн Кюрасао

3. Bonaire

ТУРЦИЯ

1. Istambul

ЕГИПЕТ

1. Port Said
2. Suez

СОМАЛИ

1. Port Alula

АЛЖИР

1. Algiers

МАВРИТАНИЯ

1. Nuadibou
2. Nuakshot

СЕНЕГАЛ

1. Dakar

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

1. Freetown

ЛИБЕРИЯ

1. Monrovia

НИГЕРИЯ

1. Lagos
2. Onicha

КАМЕРУН

1. Duala

ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ ГВИНЕЯ

1. Santa Isabel (Malabo)
2. Luba
3. Bata
4. Kogo

НАМИБИЯ

1. Walvis Bay

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ОБЕЩАЛ МОРЯК ВЕРНУТЬСЯ.....	4
НА СПУТНОЙ ВОЛНЕ.....	31
ЯХТА «ADVAYDA».....	44
КАТАМАРАН «КАУРО».....	49
ЧИЛИ.....	55
РАССКАЗЫ ДМИТРИЯ УСОВА.....	63
ВЕНЕСУЭЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ.....	73
КОШКА МУРЧА.....	88
ИСПОВЕДЬ КАПИТАНА.....	95
«SUWARROW BLUES».....	160
«ЧЕРНОЕ» ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	183
«ЧЕРНОЕ» ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	188
«СВЕТЛОЕ» ПРИЛОЖЕНИЕ. Список портов, в которых был автор.....	190